Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия

Материалы VIII международной научной конференции

Северный Чарльстон, Южная Каролина, США

17-18 июня 2015 года

Часть 2. Общественные и гуманитарные науки

The priorities of the world science: experiments and scientific debate

Proceedings of the VIII International scientific conference

North Charleston, SC, USA

17-18 June 2015

Part II. Social and Humanitarian Sciences

CreateSpace
North Charleston
2015

УДК 001.08
ББК 10

«Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия»: Материалы VIII международной научной конференции 17-18 июня 2015 г. - Часть 2. Общественные и гуманитарные науки. – North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2015. - 200 с.

«The priorities of the world science: experiments and scientific debate»: Proceedings of the VIII International scientific conference 17-18 June 2015. – Part II. Social and Humanitarian Sciences. - North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2015. – 200 p.

В материалах конференции обсуждаются проблемы различных областей современной науки. Сборник представляет интерес для учёных различных исследовательских направлений, преподавателей, студентов, аспирантов – для всех, кто интересуется развитием современной науки.
Все статьи представлены в авторской редакции.

The materials of the conference have presented the results of the latest research in various fields of science. The collection is of interest to researchers, graduate students, doctoral candidates, teachers, students - for anyone interested in the latest trends of the world of science.
All articlesare presentedin theauthor's edition.

ISBN-13: 978-1515019855
ISBN-10: 1515019853
Your book has been assigned a CreateSpace ISBN.

@ Авторы научных статей, 2015
@ Научно-издательский центр «Открытие», 2015
@ Authors, 2015
@ Scientific Publishing Center «Discovery», 2015

CONTENT (СОДЕРЖАНИЕ)

SECTION XII. Historical Sciences (Исторические науки)

Денисов И.В.
ВОИНЫ-БАШКИРЫ И «МАТЬ ЯПОНСКОГО БАЛЕТА» 7

Fidchenko O.V.
TEACHING THE BASICS OF TRADITIONAL RELIGIONS IN SECULAR EDUCATIONALS INSTITUTIONS (ON THE EXAMPLE OF HIGH SCHOOLS MOSCOW SCHOOL DISTRICT THE EMPIRE AND MODERN MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY) 10

SECTION XIII. Economics (Экономические науки)

Горьковенко Н.А.
ВЕНЧУРНЫЙ КОРПОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ..... 14

Жигунова А.В., Кирищиева В.И.
УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОМ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕГРАЛЬНОЙ СИСТЕМы ИНСТРУМЕНТОВ 18

Исопескуль О.Ю.
УРОВНИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ..... 22

Кирьянова А.Ю.
РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ..... 27

Korotchenya V.M.
POTENTIAL OUTPUT OF RUSSIAN AGRICULTURE: ESTIMATING TECHNICAL LIMITS WITH DATA ENVELOPMENT ANALYSIS 31

Kuramshina A., Shestakova L., Timchenko V.
AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE FAR NORTH: PROBLEMS AND SOLUTIONS……...34

Naydenov N.D., Novokshonova E.N.
CLUSTER AS REGULATION METHOD OF AGRICULTURAL PRODUCTION TERRITORIAL SPECIALIZATION..... 38

Насырин А.О.
МЕТОДИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЕГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ) 42

Kęstutis Peleckis, Valentina Peleckienė, Gitana Dudzevičiūtė
FINANCIAL CONGLOMERATE'S IN EUROPEAN UNION: STRUCTURAL TYPOLOGIES 48

Kęstutis Peleckis, Valentina Peleckienė, Gitana Dudzevičiūtė
THE DYNAMICS OF THE FINANCIAL CONGLOMERATES AND THEIR VALUE ESTIMATION 54
Савчук А.Э.
ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 60
Скорев М.М., Кирищиева И.Р.
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В УПРАВЛЕНИИ ТРУДОМ 62

SECTION XIV. Philosophy of Science (Философские науки)
Калиничева Г.И.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ..... 67
Полякова О. О.
КОСМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ В БИОСФЕРЕ И НООСФЕРЕ…….....220
Fidchenko E. V. 91
MODULAR APPROACH AND COMMUNICATION TRANSFORMATIONS (PHILOSOPHICAL ANALYSIS) 91

SECTION XV. Philology (Филологические науки)
Муса Абдоллахи, Сайед Хасан Захраи
РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ 95
Сергей Скрыльник
LANGUAGE INTERFERENCE IN TRANSLATION 104
Сулейманова Д. Д.
ЭВОЛЮЦИЯ ФОНЕМЫ */Р/* В ТЮРКСКОМ (ТАТАРСКОМ, БАШКИРСКОМ) И БАСКСКОМ КОНСОНАНТИЗМЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 107
Терехова С. И.
ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК ОПТИМАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ АБСТРАКТНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ В УКРАИНСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ) 111

SECTION XVI. Jurisprudence (Юридические науки)
Волынец И. П.
УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ 115

Irena Dirgėlienė
THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE
OF GOOD FAIT IN ENGLISH CONTRACT LAW 119
Irena Dirgėlienė
THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE
OF GOOD FAIT IN FRENCH LAW 122

SECTION XVII. Educational Sciences (Педагогические науки)
Shavadi Arsaliev
ETHNOPEDAGOGICS
IN MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT 124
Белоусова Т. Ф., Лубянова М.А.
СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 131
Зданевич А.А., Шукевич Л.В., Головач М.В.
ВАРИАТИВНОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МАКСИМАЛЬНОЙ ЧАСТОТЫ
ДВИЖЕНИЙ У ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ
СПОРТСМЕНОК РАЗЛИЧНЫХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ 135
Ivanovskaya I. P., Nefyodov O. V.
TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO NONLINGUISTIC
STUDENTS IN NON-AUTHENTIC ENVIRONMENT 139
Кемалова Г. Б.
РАЗВИТИЕ, ВОСНИТАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ 146
Писаренко В.И.
ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ
СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ 149
Шукевич Л.В., Зданевич А.А., Заровский В.А., Жидков А.В.
ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ
ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ХОККЕИСТОВ ГРУПП
СПОРТИВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 158

SECTION XVIII. Art Criticism (Искусствоведение)
Варивончик А. В.
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ В КОНТЕКСТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ УКРАИНЫ 161

SECTION XIX. Psychological science (Психологические науки)
Варадян Э.А., Берберян А.С.
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ПЕРИОД 176
Степанова Ю. А., Зоткин А. О.
МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ

В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ КАК УСЛОВИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЕКТА В ОРГАНИЗАЦИИ 179
Уланова Г. А.
О ВЗАИМОСВЯЗИ ОГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И АФФЕКТИВНОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ УЧАЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА)..... 183

SECTION XX. Political science (Политические науки)
Наумов Д.И., Лотменцев А.М.
РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА..... 187
Шаматонова Г.Л.
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ..... 191

SECTION XXI. Cultural Studies (Культурология)
Никитина Е.П.
АСТРОЛОГИЯ КАК НАУКА. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АСТРОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ..... 194

SECTION XII. Historical Sciences (Исторические науки)

Денисов И.В.
Стерлитамакский филиал Башкирского Государственного университета Республики Башкортостан, старший преподаватель, исторический факультет. *E-mail: meretites@mail.ru*

ВОИНЫ-БАШКИРЫ И «МАТЬ ЯПОНСКОГО БАЛЕТА»

Аннотация: Статья посвящена эпизоду борьбы башкирского народа против большевиков летом 1918 года на территории Южного Урала.

Ключевые слова: башкиры, Южный Урал, борьба против большевиков, гражданская война, русская балерина, японский классический балет.

Igor V. Denisov
The Branch of Bashkir State University in Sterlitamak
E-mail: meretites@mail.ru

THE SOLDIERS OF THE BASHKIRS AND THE «MOTHER OF JAPANESE BALLET»

Abstract: The article is devoted to the episode of the struggle of the Bashkir people against the Bolsheviks in the summer of 1918 on the territory of the southern Urals.

Key words: Bashkirs, South Ural, the struggle against the Bolsheviks, civil war, Russian ballerina, Japanese classical ballet.

В начале лета 1918 г. часть башкирского населения Уфимской губернии, в т.ч. и ее Стерлитамакского уезда, сполна насытившись «рабоче-крестьянской властью», решила сохранить верность законному правительству России и бороться за ее возрождение и единство, присоединившись к антибольшевистским силам.

Сущность необходимости отказа от выделения Башкирии и борьбы за сохранение единства России сформулировали на своем собрании башкиры Султаевской волости: «1. Население Башкирии смешано с русским населением, а потому территориальной автономии не должно быть; 2. Культурная автономия тоже нежелательна, так как население Башкирии бедное и взять все расходы по этому делу является для него непосильным и кроме того Российское Правительство никогда не отказывало в просвещении, а также и поможет в будущем за наши жертвы, понесенные как в минувшие войны, так и в настоящую войну с советской

властью, так как мы, то есть наша волость, не получая ни от кого приказаний, первые по примеру соседей-казаков мобилизовали 5 возрастов солдат и при помощи чехо-словаков и казаков очистили население Башкирии от советской власти; 3. Башкирское население очень бедное и не может нести расходов, связанных с возникновением новых правительств. В виду изложенного, постановили признать Сибирское правительство и целиком перейти в его ведение.» [8. с.4].

В своей боевой деятельности июня-июля 1918 г. башкирские части, совместно с сибиряками и чехо-словаками, принимали самое деятельное участие в занятии целого ряда населенных пунктов. Батальон 1-го Башкирского полка, входивший в Султаевский отряд подполковника И.И. Штина, отличился в боях за д. Сара (восточнее Кыштыма) [4. с.2; 5. с.3; 7. с.332], д. Куяш [6. с.2; 7. с.333], с. Тюбук [7. с.334] и Сысертский завод [7. с.335]. Под командованием старшины Владимирова, 2-й батальон 1-го Башкирского полка и Конный Башкирский полк из района Белорецк – Серменево выдвинулся против 10-тысячной армии В.К. Блюхера на Залазнинский и Богоявленский заводы и с. Табынское [7. с.348]. Башкиры выбили арьергард Блюхера из д. Зилим [2. с.3], храбро дрались на Орском фронте [7. с.351] и т.д.

Наиболее же ярким эпизодом героической борьбы башкир (500 чел.) стало их участие в составе 2-го Башкирского полка в освобождении от большевиков 24-25 июля столицы Урала – Екатеринбурга. В боях за Екатеринбург, совместно с чехословаками, воины-башкиры заслужили название «освободителей города Екатеринбурга» и в благодарность за освобождение получили от его граждан исторический подарок – белое шелковое знамя с серебряным полумесяцем на древке. На знамени, на башкирском и русском языках было написано: «Доблестным освободителям – благодарный Екатеринбург». Более же почетной для воинов-башкир стала благодарность знаменитого начальника Челябинской группы чехословаков полковника С.Н. Войцеховского: «…прошу передать всем гг. офицерам и стрелкам мою благодарность за громадную боевую работу, выполненную ими за время нахождения в моей группе» [9. с.3].

Известно, что в начале сентября 1918 г. 2-й батальон 2-го Башкирского полка, потерявшего в боях половину своего первоначального состава, возвратился на отдых с Екатеринбургского фронта в Челябинск, где был торжественно встречен горожанами. В честь праздника, например, кинематографы «Арс» и «Луч» безвозмездно предоставили бойцам-башкирам посмотреть удивительные для них киноленты [9. с.3].

Торжественную встречу и благодарности челябинцев для воинов-башкир затмило другое событие – неожиданное сердечное отношение к ним со стороны известной балерины Елены Николаевны Павловой. Будущая основательница японского балета, пожертвовала в пользу увечных и раненых воинов-башкир 2-го Башкирского полка крупную для того времени сумму – более 533 рублей. Как писал командир полка

поручик Габитов: «Такое сердечное отношение чуткой, артистической души ее к страдальцам Башкирии за общее дело – освобождение всех сынов и дочерей великой нашей Родины от тирании слуг германских – большевиков, - встречено «сынами степей» со слезами благодарности на глазах. В душе каждого воина-башкира заискрилась надежда, что и среди людей, чуждых по национальности, есть понимающие и оценивающие их заслуги» [3. с.4]. Зная, какую благодарную реакцию у башкир вызывает даже небольшой подарок гостя, в знак уважения к хозяевам дома, нетрудно представить реакцию суровых воинов! Тем более что это пожертвование сделала БАЛЕРИНА, женщина другой веры и национальности. Для сравнения следует отметить, что на памятник признанному герою антибольшевистской борьбы, погибшему полковнику Б.Ф. Ушакову офицеры штабов 6-й Уральской дивизии горных стрелков и штаба 3-го Уральского корпуса к тому времени пожертвовали 568 рублей [3. с.4].

Жертвовательница, уроженка Санкт-Петербурга, русская дворянка Елена Николаевна Павлова-Туманова, после поражения каппелевской армии, эмигрировала в Китай, а затем – в Японию. В 1925 г. она основала балетную труппу, первые выступления которой состоялись в токийском театре «Хакутёдза» и в зале «Аояма Кайкан». В 1927 г. Е.Н. Павлова открыла первую в Японии балетную школу в г. Камакура, которая и стала фундаментом для японского балетного искусства. В Японии Елену Павлову называют «матерью японского балета», а на фасаде здания ее школы в г. Камакура висит памятная доска с надписью «Родина японского балета». Память о русской балерине, стоявшей у истоков национального балета, бережно сохраняется в Японии по сей день [1]. Восстанавливается память о балерине и на родине тех, о ком она так заботилась – в Республике Башкортостан.

Литература

1. Елена Павлова – русская основательница классического балета Японии – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.museum.ru/N48674 (Дата обращения 07/06/2015).

2. Оперативная сводка Штаба Главнокомандующего всеми вооруженными силами России и Союзной армий, действующими против советских войск за 23 августа 1918 года // Власть Народа. – 1918. – 25 августа. - №61. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chelreglib.ru/ru/ssearch/?q=Газета%20«Власть%20народа».%201918%20г.&attr=collection_s&in=on (Дата обращения 07/06/2015).

3. Письма в редакцию // Власть Народа. – 1918. – 2 октября. - №89. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chelreglib.ru/ru/ssearch/?q=Газета+«Власть+народа».+1918+г.&page=2&attr=collection_s&in=on (Дата обращения 07/06/2015).

4. Сводка штаба Чешско-Словацкого корпуса о действиях против советских войск за 24 июня 1918 года. №12 // Власть Народа. – 1918. – 26

июня. - №19. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chelreglib.ru/ru/ssearch/?q=Газета+«Власть+народа».+1918+г.&page=6&attr=collection_s&in=on (Дата обращения 07/06/2015).

5. Сводка штаба Чешско-Словацкого корпуса о действиях против советских войск за 25 июня 1918 года. №13 // Власть Народа. – 1918. – 27 июня. - №20. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chelreglib.ru/ru/ssearch/?q=Газета+«Власть+народа».+1918+г.&page=6&attr=collection_s&in=on (Дата обращения 07/06/2015).

6. Сводка штаба Чешско-Словацкого корпуса о действиях против советских войск за 16 июля 1918 года // Власть Народа. – 1918. – 18 июля. - №27. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chelreglib.ru/ru/ssearch/?q=Газета+«Власть+народа».+1918+г.&page=6&attr=collection_s&in=on (Дата обращения 07/06/2015).

7. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2010. – 610 с.

8. Султаевская волость // Власть Народа. – 1918. – 1 ноября. - №113. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chelreglib.ru/ru/ssearch/?q=Газета+«Власть+народа».+1918+г.&page=4&attr=collection_s&in=on (Дата обращения 07/06/2015).

9. *Х.* Боевая работа 2 Башкирского полка // Власть Народа. – 1918. – 7 сентября. - №71. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://chelreglib.ru/ru/ssearch/?q=Газета+«Власть+народа».+1918+г.&attr=collection_s&page=1&in=on (Дата обращения 07/06/2015).

Fidchenko O.V.
PhD in History, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University

TEACHING THE BASICS OF TRADITIONAL RELIGIONS IN SECULAR EDUCATIONALS INSTITUTIONS (ON THE EXAMPLE OF HIGH SCHOOLS MOSCOW SCHOOL DISTRICT THE EMPIRE AND MODERN MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

Teaching the foundations of traditional religions is an important aspect of the spiritual and moral education of people belonging to different faiths. It is deeply aware of and experience at all times, the history of our Motherland. In this sphere of education has always been the springboard, on the basis of which happened, since the 90s of the twentieth century, there is the teaching of the foundations of religion.

In pre-revolutionary Russia the teaching of a subject such as the law of God, in the educational program of all schools without exception, holds a special place. Suffice it to recall that the assessment on the subject stood in first place in

any document on education issued by both spiritual and secular educational institutions.

Any resident of the Russian Empire, to practice traditional religion (Christianity (in the form of Orthodoxy, Catholicism, Protestantism), Judaism, Islam, Buddhism), have the right to receive the knowledge bases of dogma of their religion. This right is guaranteed to the extent that, once again, in a document on the formation of affixing the required assessment of the relevant Law of God faith. However, the teaching of this subject took place in each case on its own.

Learning the basics of Orthodoxy and heterodox creeds (the other branches of Christianity - Catholicism and Protestantism) in secular educational institutions occurred at the expense of public funds. At the same time among the students proactively identify their religious affiliation, and representatives of other faiths if detected or heterodox faiths, they invited the scribes of their faith.

Hierarchs heterodox religions could enter into the reign of higher educational institutions of pre-revolutionary Russia. Thus, the Supreme Patriarch-Catholicos of the Armenian people has been an honorary member of the primacy of the Lazarev Institute of Oriental Languages in Moscow, established in 1848 at the expense of Prince Semyon Davidovich Abamelik-Lazarev [2, p. 154].

The composition of the teachers' council of the institute is interesting because it included scribes Orthodox and Armenian-Gregorian confessions [2, p. 177]. Catechist with the elected director of the Institute for the prior approval of the first of them by the diocesan authorities, and the second - the Armenian-Gregorian diocesan bishop; They argued in a post trustee districts, like all high-school teachers of classes [2, p. 159].

The charter of the Imperial Moscow Technical School specifically moral aspect of the educational process - moral education. It was to be based on religion. However, it clearly indicated a close relationship, interdependence and mutual influence between the ideals of secular and spiritual. The document (with reference to 1868, have not lost their importance in the context of additions 1893) literally said that: "Claiming in young souls faith in God, trust in His Providence and reverence for the elderly, students should be at the same time instill unwavering devotion to the Throne, reverent appreciation to Augusta patrons and ardent love of country..."[2, p. 187-195]. The structure of the institution teachers' meeting also included a catechist.

On the territory of the Moscow school district at the end of XIX - XX centuries. in addition to education departments of the Ministry of National Education and educational institutions were, belong to the Ministry of Internal Affairs Office (Institute of Electrical Engineering of the Emperor Alexander III and the Institute of Civil Engineers of Emperor Nicholas I), Ministry of Agriculture and State Property under the Ministry of Finance (the Mining Institute of the Empress Ecatherina II and the Moscow Agricultural Institute), ICS (Institute of Railway Engineers Emperor Alexandr I and the Imperial

College of the Moscow Office of Communications), and the Ministry of Justice (Imperial College of Law and the Constantine landmark Institute). Among the sources of the listed educational institutions were public funds, as they were in the state system of higher education in Russia. And because scribes Orthodox confession appointed in such schools the ministers of the relevant ministries (after consultation with the diocesan authorities), the number of established posts and prepared in accordance with the provision of pensions to follow after twenty-five years of their work. In this priestly activity of these people to their entry into the service in an educational ministry is usually equated with the civil, seminar - a gymnasium and academic - to the university [1, p. 139].

Without interest question of material support catechists schools that were not part to the Ministry of Education. The Electrotechnical Institute of Emperor Alexander III in 1899, a teacher of theology did not receive any dining or apartment money, and his salary was 500 rubles. in year. It was 10 times less than that of the director, 7 times less than that of the inspector is 6 times less than that of professor and 4 times less than that of extraordinary professor. Of course, his salary depended primarily on the training load (which we judge is difficult because of the lack of information) [counted us: 1, p. 13].

At the Institute of Civil Engineers of Emperor Nicholas I in 1899, a teacher of theology was also rector of the institute of the church, so the level of his salary, while maintaining the apartment, but in the absence of table money was higher (1200 rub. Per year). Still, his remuneration was 4.16 times lower than that of the director, is 3.3 times lower than that of the inspector, is 2.5 times less than that of full professor and 1.66 times lower than extraordinary professor at the [counted us: 1, p. 28].

In the Mining Institute of the Empress Catherine II in 1896, a teacher of theology and did not receive any apartment, no money dining. Its annual maintenance although it was 2 times higher than in the Electrotechnical Institute of Emperor Alexander III (1000 rub. Per year), but again conceded salary colleagues: Director - 5 times, the inspector - in 3,5 times, full professor - in 2.7 times, extraordinary professor - 1.8 times, and even the adjunct - 1.2 times [counted us: 1, p. 96].

В Московском сельскохозяйственном институте в 1894 г. жалование профессора православного богословия равнялось обеспечению профессора (2700 руб. в год). Получал он и столовые деньги [1, с. 141].

The Institute of Transportation Engineers Emperor Alexander I in 1890 provided the scribes apartment, his salary was 1,000 rubles. in year. But it was 1.35 times smaller than that of an adjunct, 1.25 times lower than that of regular teachers and 1.2 smaller than the assistant surveyor 2 times lower than that of extraordinary professor, 3 times less than full professor, 4 times less than the inspector and is 5 times less than the director [calculated us 1, p. 155].

The Imperial Moscow Engineering College Department of Transport in 1896 was the rector of the church catechist and was provided an apartment, but not the money dining. The salaries of his (900 rub. Per year) 1.55 times inferior

to reward full-time teacher, a factor of 1.3 – adyunkt's, 1.2 times the content of extraordinary professor, 3.3 times the salary of full professor and 4.66 times content director of the institution [counted us: 1, p. 166].

The Konstantinovsky Surveying Institute (established by Nicholas I in 1844) in 1876, a catechist (also rector of the church), received 1200 rubles. per year, which was less than: the director - in 3,5 times, the inspector - in 2,5 times, the senior tutor - 1.9 times [counted us: 1, p. 215]. But when school had a deacon or acolyte, who received 3 times less than the scribes.

At the Imperial College of Law taught faith Catholic and Orthodox faiths. The teachers of these subjects was not listed in the state educational institution, but funds for their work stood out institution. And because the process of formation of teaching heterodox creeds in a single state system of education in Russia in the upper level there is even with the king-reformer Alexander II, as the staff of the institution with the release of funds on this subject was adopted in 1868. One reason for the genesis of this process in higher education, in our opinion, it was that the Imperial College of Law belonged to a privileged nobility schools. And because students of this educational institution became only persons belonging to the hereditary caste of ancient Russian nobility, entered in the 6th part of the genealogical books, as well as children not lower military ranks of colonel and civilian - V class or state councilor, any disregard of the religious the interests of the people seems to us very doubtful. This is confirmed by the teaching of the foundations of the Armenian-Gregorian Faith par with the Orthodox in the Lazarev Institute of Oriental Languages (held in the office of the Ministry of National Education), which has existed since the opening of the institution in 1805 but, given the fact that the teaching of non-Orthodox faiths since 1886 the city began to spread, especially in the sphere of public secondary education (within the Moscow school district), the dynamics of its development within the framework of a unified state system of education in Russia late XIX - XX centuries. I had a downward trajectory. And because the process is, of course, was a reform of the government in public education. Apparently, the subordinate position of the Orthodox Church has led to perhaps the silent support of the reform, produced "from above", the spiritual hierarchy. Interestingly, in 1886 in primary public education was also a year of visiting the state parochial and, among other things, the Orthodox, the school fully supports the tsarist government. And, therefore, ideological functions in support of the policies of the conservative stabilization of power shall be vested not only the Orthodox, but also on the non-Orthodox (other than Orthodox - OF) clergy. The salary of scribes, who was concurrently as rector of the church, the school was the largest of all of the institutions we have (2700 rub. Per year), it was equal to the content of the pupils and the Inspector grade, second director salary 1.6 times [1, p. 196].

The salary of a professor of Orthodox theology of the Imperial Moscow University was adequate content of ordinary professors and about equal to 3000 rubles. a year of extraordinary professor received 1700-1900 rub., the other

employees of the university - from 1541 rubles. (Librarian) to 245 rubles. (Chemist student) [3, l. 9 vol.].

Teaching the fundamentals of the faith in the traditional religions of pre-revolutionary Russia was carried out by representatives of the clergy (except for areas of Protestantism, where the clergy and not replaced by pastors of the laity). Those of the Jewish faith received knowledge of the basics of faith in the home, but examine the knowledge on the subject in schools.

Today, on the example of Moscow State Pedagogical University, we can say that the teaching of subjects Religions cycle is carried out both members of the clergy (some of them are Professor Emeritus of Moscow State Pedagogical University), and ordinary teachers. Their salaries equal pay ordinary employees MPGU that indicates the absence of discrimination in the present conditions in the financial security of the clergy who teaches, in contrast to the pattern of wages scribes vast majority of universities pre-revolutionary Russia.

List of references

1. Russia. Laws and regulations. Collection of Laws about the educational institutions who are not in the office of the Ministry of Education. Part 1. - SPb., 1905.
2. Russia. Laws and regulations. Code of Laws of the Russian Empire. T.XI. Body Charter scientists and educational institutions department of the Ministry of Education. Part 1. (Edition 1893). - SPb., 1893.
3. The Central Historical Archives of the City of Moscow (CIAM). - AF 418 - Op. 224 - D. 42.

SECTION XIII. Economics (Экономические науки)

Горьковенко Н.А.
ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный университет путей сообщения»

ВЕНЧУРНЫЙ КОРПОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

В настоящий период развития одной из задач современной образовательной системы является обеспечение каждого человека на протяжении всей его жизни свободным и открытым доступом к образованию, с учетом его потребностей, способностей и интересов. На протяжении многих лет эту задачу государство решало посредством

системы школьного, среднего профессионального, вузовского образования, системы повышения квалификации, включающих как очные, так и заочные формы обучения. Современный этап развития системы повышения квалификации работников и потребность в непрерывном образовании требуют новых форм, приемов и методов обучения, Необходимы такие формы и методы организации повышения квалификации, которые позволят эффективно реализовать личностно-ориентированный (личностно-деятельностный) подход, направленный на самообразование и индивидуализировать темп усвоения предлагаемого обучающего материала. Таким образом, появляется необходимость внедрения новых образовательных технологий, которые позволят повысить результативность образовательного процесса.

К одной из таких технологий относится дистанционное обучение, при котором взаимодействие преподавателя и обучающегося осуществляется независимо от места их пребывания с применением современных информационных и коммуникационных технологий. Дистанционное обучение является относительно новой формой на рынке образовательных услуг. Динамичное развитие современных технологий, затрагивающих практически все сферы бизнеса, обязывает работников непрерывно повышать свою квалификацию. Одни совершенствует свои профессиональные навыки по собственному желанию, а для других это является крайней необходимостью для выполнения своих трудовых обязанностей или продолжения карьеры. Ввиду недостаточного времени для полноценного обучения в рамках повышения квалификации очно, спрос на дистанционное обучение возрастает. Независимо от вида и формы реализации данного вида обучения следует придерживаться системного подхода, который должен опираться на стратегические цели и задачи компании; планирование учебных мероприятий должно осуществляться исходя из реальных потребностей бизнес-среды.

Говоря об особенностях и преимуществах дистанционной формы обучения, в первую очередь следует обратить внимание на перспективы внедрения данной формы в систему повышения квалификации. Эти перспективы носят экономический характер, так как затраты на проведение традиционных очных курсов повышения квалификации гораздо выше затрат на организацию дистанционных курсов. Для того чтобы начать процесс обучения достаточно пройти регистрацию на определенном сайте и получить доступ к реестру учебно-методических материалов. Слушатели имеют возможность работать на компьютере дома, и тем самым они фактически оплачивают коммунальные расходы обучения из своего домашнего бюджета. Сам процесс дистанционного дополнительного профессионального образования включает в себя:

– самостоятельное изучение материала по специальным учебно-методическим пособиям;

– выполнение тестовых заданий в режиме реального времени с моментальным получением результатов;

– участие в видеоконференциях (вебинарах);

– индивидуальные консультации с преподавателем посредством интернет-мессенджеров.

Средняя оценка мировых образовательных систем показала, что дистанционное образование стоит на 50 % дешевле традиционных форм обучения. Сравнительно низкая себестоимость дистанционного обучения обеспечивается посредством использования наиболее концентрированного представления учебной информации, унификации содержания, ориентированности технологий данной формы обучения на большое количество слушателей, более эффективного использования имеющихся учебных площадей и оборудования даже в выходные дни.

Как перспективное направление дистанционного повышения квалификации можно рассматривать создание венчурного корпоративного университета как комплексной, самостоятельной, независимой научно-производственной модели, позволяющей развивать филиальную сеть посредством развития профессиональных центров и агентств. Венчурный – значит рисковый. Самыми серьезными рисками данного университета являются отсев обучающихся и невысокое качество обучения.

Основной задачей венчурного университета в современных условиях является организация стратегически взаимовыгодного партнёрства как с учреждениями научной, так и образовательной сферы, позволяющего более эффективно использовать инновационный и кадровый потенциал каждого из участников.

К особенностям венчурного корпоративного обучения можно отнести:

– гибкость;

– модульность;

– специализированные виды контроля качества образования;

– использование специализированных современных технологий и средств обучения;

– использование современных технологий визуализации учебной информации;

– обучение без отрыва от производства;

– асинхронность;

– непрерывность;

– открытость.

Вышеуказанные особенности определяют преимущества венчурного корпоративного университета перед другими формами обучения и включают в себя резервы совершенствования системы повышения квалификации, что позволит повысить качество подготовки и переподготовки персонала.

Оценить эффективность функционирования венчурного корпоративного университета для бизнес-структур различного типа можно посредством:

– оценки влияния на достижение поставленных перед организацией целей;

– учета специфики бизнес-процессов;

– возможности внесения оперативных изменений и совершенствования деятельности организации с учетом развития бизнес-сферы.

Эффективность обучения персонала в венчурном корпоративном университете характеризуется сокращением затрат посредством использования инновационных комбинированных подходов к образовательному процессу, также методов организации и реализации обучения. Относительно низкая себестоимость обучения в венчурном корпоративном университете обеспечивается за счет использования более концентрированного представления и унификации содержания, ориентированности технологий обучения на большую аудиторию обучающихся, а также за счет более эффективного использования существующих учебных площадей и технических средств, например, в выходные дни. Кроме того, эффективность данного университета характеризуется непрерывной оптимизацией затрат на обучение персонала, а также внедрение и сопровождение квалификационных бизнес-проектов, учитывающих специфику и технологические особенности организации.

Критериями эффективности обучения персонала в венчурном корпоративном университете являются:

– наращивание объемов работы и повышение доходов организации;

– сокращение издержек за счет использования единых технологий и унификации управленческих процессов;

– повышение степени удовлетворенности потребителей, том числе за счет повышение качества предоставляемой продукции и оптимизации времени работы;

– сокращение отходов;

– рост показателей безопасности деятельности;

– повышение степени удовлетворенности персонала работой;

– снижение степени текучести кадров.

Наряду с преимуществами обучения в венчурном корпоративном университете необходимо выделить и некоторые моменты. Во-первых, это отсутствие личного общения с преподавателем и с другими обучающимися. Во-вторых, необходимость сильной мотивации у обучающегося, чтобы обучение проходило продуктивно без надзора преподавателя, но следует учитывать, что дистанционное повышение квалификации – это, как правило, предварительно продуманный и взвешенный шаг, на который идет взрослый человек за собственные

деньги, а это уже, как минимум, 80 % необходимой мотивации. Иногда за дистанционное обучение платит работодатель, если хочет повысить квалификацию своего работника, и в этом случае роль мотиватора выполняет он. Ну и в третьих, организационно-технический аспект – обучающиеся не всегда могут иметь необходимое техническое оборудование: компьютер или доступ в интернет.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что дистанционное повышение квалификации посредством венчурного корпоративного университета можно считать инновационным, оно имеет большие перспективы в развитии, потому что экономически оправдывает себя и является действительно удобным.

Жигунова А.В.
доцент, к.э.н., ФГБОУ ВПО РГУПС
Кирищиева В.И.
ассистент ФГБОУ ВПО РГУПС

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОМ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕГРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИНСТРУМЕНТОВ

Инструменты управления трудом в современной парадигме ведения хозяйства направлены на производительность труда. Норма труда является базовым инструментом эффективного управления производительностью труда, так как для предприятия важен точный учет и контроль норм труда, оптимизирующих трудовой процесс и численность персонала на предприятии, что позволяет выявить резервы роста производительности труда и определять акценты в управлении ею. Именно от того, насколько правильно установлены нормы труда, зависит его производительность и эффективность. Еще одним немаловажным инструментом управления производительностью труда является его научная организация. Если производственный процесс на предприятии подразумевает выполнение работы с минимальными затратами рабочего времени и использование оборудования при высоком качестве продукции, то научная организация труда выступает способом повышения эффективности и производительности труда на нем.

Основной целью предприятия в сложившейся геополитической ситуации является не только максимизация прибыли при минимизации затрат, но и завоевание новых долей рынка, достижение максимальной степени устойчивости и рост конкурентоспособности. Именно поэтому уровень профессионализма специалистов играет большую роль в управлении производительностью труда.

Как уже упоминалось, научная организация труда как основной элемент в системе инструментов управления производительностью труда, выделялась еще в прошлом веке. Сейчас от уровня компетентности сотрудников и их опыта зависит не только качество их работы, но и степень конкурентоспособности всего предприятия. Сам же процесс управления производительностью труда становится более эффективным, слаженным и простым. Научную организацию труда как инструмент управления производительностью труда в период инновационной экономики, можно считать одним из ключевых и значимых. Поддержка интеллектуального капитала предприятия при помощи предоставления дополнительного образования сотрудникам посредством курсов повышения квалификации, участия в различных форумах, конференциях, выставках и прочих мероприятиях, косвенно влияют на уровень их компетентности. Также это способствует накоплению специфического человеческого капитала предприятия, который, как и любой другой вид капитала обладает свойством кумулятивности, а именно способностью накапливаться. Это положительно влияет на качество труда и его эффективность при прочих равных условиях. Именно поэтому, инструмент в форме научной организации труда способен в должной мере повлиять на показатели его производительности и эффективности.

В ряду фундаментального утверждения, что «человек должен получать ровно столько, насколько эффективно и производительно он работает», вытекает необходимость финансового стимулирования сотрудников в зависимости от уровня их компетенции и вклада в работу предприятия. Таким образом, прямая зависимость вознаграждения специалиста от производительности его труда с учетом личного, специфического и интеллектуального капитала, определяет следующие инструменты управления производительностью, как оплата труда и мотивация персонала. Оплата труда выступает главным источником дохода работника и рычагом материального стимулирования роста эффективности труда на предприятии. Ее роль проявляется в регулировании вознаграждения согласно результатам труда. Это, своего рода, отдача предприятия сотруднику, всегда материально заинтересованному в трудовом процессе.

Таким образом, грамотная политика в области оплаты труда позволяет повышать его производительность и эффективность использования рабочей силы, а также являться рычагом управления ими.

Помимо основной заработной платы, вознаграждение также подразумевает дифференциацию поощрения за труд в зависимости от квалификации, занимаемой должности, компетенции специалиста, доли его участия в трудовом процессе. Для того, чтобы оплата труда оказалась действенной и имела стимулирующий характер, сотрудникам должно быть известно, из чего складывается их доход и понятна его зависимость от вложенных усилий.

Накопленный человеком специфический капитал, который наполняет его субъективными навыками, выгодными предприятию и дополняется опытом работы, должен оставаться в распоряжении предприятия, а для этого необходимы определенные мотивы специалиста качественно и производительно трудиться в конкретном месте. Для этого финансовые ожидания специалиста должны напрямую зависеть от производительности и качества его труда.

Именно поэтому, мотивация является значимым инструментом в управлении производительностью труда и интересами персонала. Рост производительности труда, являясь основным способом преумножения своего дохода, стимулирует специалиста направлять все усилия на увеличение данного показателя, используя все внутренние ресурсы: опыт, навыки, знания и умения.

Как мы уже говорили, существует ряд инструментов управления производительностью труда, и все они оказывают влияние на результат. Но могут ли эти инструменты по отдельности увеличить эффект управления производительностью, остается большим вопросом. Оплата труда, например, не дает полной гарантии положительного эффекта управления производительностью труда без четко продуманной системы мотивации и стимулирования персонала, а поощрение в виде грамот или путевок окажется результативным далеко не для каждого специалиста. Ни один из существующих инструментов не сможет быть реализован без учета норм труда, определяющих размер оплаты и временные затраты специалиста предприятия. Использование данных инструментов может дать желаемый результат только с условием их комплексного применения. Ведь абсолютно неэффективным с точки зрения расходов предприятия будет вкладывать средства в расширение производства и накопление интеллектуального капитала без должной степени заинтересованности сотрудников, как финансовой, так и моральной, и, наоборот, высокая степень мотивации специалистов никак не будет влиять на рост производительности труда без грамотной организации всего процесса. Именно поэтому управление производительностью труда необходимо систематизировать, вследствие чего, данный процесс будет представлять собой полноценный спектр инструментов с четким алгоритмом их использования.

Системный подход к инструментарию управления способен увеличить производительность труда и как следствие, его эффективность на предприятии. Универсальная система управления состоит из четырех содержательных блоков: организация самой работы в достижении целей управления; развитие, нацеленное на дальнейшее упрощение системы управления; вознаграждение, отвечающее за оплату труда специалистов и создание дополнительных стимулов в достижения цели управления за более короткие сроки; оценка, которая необходима для дальнейшей корректировки реализуемой системы управления.

Инструменты управления производительностью труда, на наш взгляд, полностью соответствуют содержанию универсальных блоков, которые находятся во взаимосвязи. Единственный акцент здесь приходится на то, что оценка влияния этих инструментов на управление производительностью труда в достижении ее роста, происходит на выходе для дальнейшей корректировки этого специфического управления. Именно поэтому, все инструменты должны находиться в тесной взаимосвязи и, направлены на достижение одной общей цели. В данном случае, ключевой целью является грамотное управление производительностью труда в целях ее увеличения. В работе мы попытались представить свое видение системы управления производительностью труда с точки зрения ее инструментальной составляющей и соответствия универсальным блокам управления.

Как уже отмечалось, оценка инструментария и его влияние на рост производительности, а как следствие, и на эффективность труда, происходит на выходе – в определенном периоде, за который необходимо отследить это влияние. Своего рода это оценка прошлых ошибок и их устранение в будущем для достижения максимального эффекта.

Оценка является связующим звеном между эффективностью воздействия самих инструментов на процесс управление и результативности самого управления, основной целью которого является рост производительности труда. Производительность труда, в свою очередь, напрямую влияет на более масштабную категорию – его эффективность.

Как уже говорилось, эффективность труда гораздо шире его производительности и содержит не только количественные показатели, но и коэффициент качества труда. В расчете эффективности труда производительность является основным множителем, увеличение которого неуклонно ведет к росту и ее самой. Именно поэтому производительность труда, является ключевым инструментом повышения его эффективности, а управление ею воздействует на показатель обоих показателей. Это позволяет нам представить систему инструментов управления производительностью труда как структуру, ключевыми целями которой является рост производительности и эффективности труда.

Система инструментов управления производительностью труда и ее комплексность, по нашему мнению, обладает рядом преимуществ в достижении роста эффективности труда. Эти преимущества заключаются в следующем: повышение дисциплины и целостности процесса управления трудом; упрощение процесса управления; единство цели воздействия инструментов управления – рост производительности и эффективности труда; оптимизация деятельности предприятия в области производительности труда посредством промежуточной оценки эффективности инструментов управления; повышение мотивации

персонала к увеличению производительности труда как основного способа достижения субъективного мотива-получения вознаграждения.

На основании изложенного нами выше, можно сделать вывод, что инструментарий управления труда представляет собой комплекс, направленный на достижение роста показателей труда. Но стоит отметить, что баланс этих инструментов субъективен для каждого хозяйствующего субъекта в зависимости от специфики и направления его деятельности, масштаба, его уровня, а также соизмерим с текущими условиями на предприятии.

Для того, чтобы выявить степень воздействия каждого отдельного инструмента и их системы на управление производительностью труда в целях увеличения эффективности этого управления, необходимо рассматривать инструментарий в рамках конкретного предприятия для его дальнейшего совершенствования.

Исопескуль О.Ю.
Кандидат экономических наук, доцент НИУ ВШЭ – Пермь

УРОВНИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

Зрелость управления организационной культурой отражает последовательность предприятия в процессе использования и реализации рациональных и эффективных методов управления его культурой, способных с наименьшими трансакционными издержками привести к достижению организационных целей.

Мы выделяем 5 уровней зрелости управления организационной культурой (рис. 1).

Рис. 1. Уровни зрелости управления организационной культурой

На рис. 1 представлены уровни, отражающие зрелость управления культурой предприятия, начиная практически с отсутствия управления и

заканчивая его распыленным вариантом. Первые три уровня относятся к незрелой стадии управления организационной культурой, 4-й и 5-й уровни отражают зрелое управление культурой предприятия. Рассмотрим их более подробно (табл.1)

На первом — *стихийном* — уровне управленческое воздействие на организационную культуру практически отсутствует. На этом уровне организационная культура представляет собой результат столкновения различных (в том числе и альтернативных) тенденций, проводником которых является персонал не как единая организационная сила, а как совокупность разрозненных элементов, ориентированных на достижение индивидуальных целей, не всегда согласующихся с целями предприятия. При этом одни тенденции более эффективно используют поступающую извне энергию, чем другие, в результате чего первые усиливаются и выживают, а вторые затухают. Если и существуют какие-то попытки реализовать управленческое воздействие, оно имеет краткосрочную ориентацию исключительно на реактивные действия.

Следует отметить, что, если предприятие задерживается на данном уровне, стихийный вариант организационной культуры может представлять собой угрозу для жизнеспособности фирмы, поскольку в основу такой культуры могут быть заложены ценности, не соответствующие интересам предприятия, но удовлетворяющие потребность сотрудников в снижении неопределенности и формировании эмоциональных точек опоры.

На втором — *эпизодическом* — уровне управленческое воздействие осуществляется несистемно, исключительно по мере необходимости и выборочно. Система организационных ценностей не сформирована и не формализована. Процесс столкновения индивидуальных ценностей существенно замедляется, поскольку уже сформированы негласные «правила игры», разделяемые большинством членов коллектива как приемлемые условия для совместной деятельности. Следует отметить, что такие «правила игры» могут варьироваться от подразделения к подразделению. Поскольку данные правила являются неформальными, топ-менеджмент может составить о содержании доминирующих (выигравших «гонку тенденций») ценностей лишь косвенное представление, анализируя повседневные организационные практики. Основным объектом внимания управленческого звена, как правило, являются внешние элементы культуры без их обоснования в ценностно-нормативном поле. У руководителей нет четкого понимания сути организационной культуры, ее элементов и внутренних взаимосвязей. Управление организационной культурой осуществляется в отрыве от стратегии предприятия, топ-менеджмент не осознает наличия корреляции между организационной культурой и эффективностью компании. Планирование ресурсов на управление организационной культурой не осуществляется.

Таблица 1

Характеристика уровня зрелости управления организационной культурой предприятия

Критерий	**Уровень 1**	**Уровень 2**	**Уровень 3**	**Уровень 4**	**Уровень 5**
Управленческое воздействие	Почти отсутствует	Выборочное, несистемное	Формальное	Субъект-объектно децентрализованное	Распыленное, постоянное
Характер управленческого воздействия	Неявное, случайное, непрогнозируемое	Реактивное	Формальное, нацеленное только на внешние проявления культуры	Адекватное	Проактивное
Организационные ценности	Не определены	«Кристаллизуются» в процессе совместной деятельности	Формализованы, но редко являются действующими как для сотрудников, так и для руководителей	Прописаны и разделяются большинством членов коллектива	Сформулированы, формализованы, действуют и разделяются сотрудниками предприятия, как и руководством
Нормы	Индивидуальные представления сотрудников о правилах трудового и социального поведения	Формируются вследствие совместного опыта	Формализованы, являются «правильными» с менеджериальной точки зрения, но не всегда соблюдаются	Сформированы, озвучены, соблюдаются сотрудниками, поскольку не являются антагонистическими их внутренним установкам	Четкие, меняются эволюционно и безболезненно под влиянием изменений во внутренней и внешней среде

Потенциал совпадения интерпретаций ценностно-нормативного обоснования организационного поведения у руководителей и рядовых сотрудников	Отсутствует	Минимален	Минимален	Существенен	Существенен
Субкультуры	Множество, число субкультур стремится к числу сотрудников	Множество с разными векторами	Присутствуют, в том числе и сильные контркультуры	Присутствуют, но контркультуры слабы и с ними работают	Присутствуют как естественное следствие организационной структуры предприятия
Влияние организационной культуры на поведение	Отсутствует	Минимально	Незначительное	Значительное	Значительное

На третьем — *демонстративном* — уровне топ-менеджмент рассматривает организационную культуру как несущественный, но «модный» инструмент регулирования организационной деятельности. Создается комплекс нормативных документов, регламентирующих динамику организационной культуры предприятия: прописываются организационные ценности, разрабатывается корпоративный/этический кодекс, определяется все многообразие корпоративной символики, назначается ответственный за развитие организационной культуры, т.е. делаются «правильные» шаги, которые, однако, существенно расходятся с тем, что на самом деле управляет организационным поведением сотрудников. В итоге, все уровни организации руководствуются своими субкультурными ценностями и нормами (которые часто носят агрессивный по отношению к топ-менеджменту характер), существенно снижая потенциал эффективности организационной культуры. Кроме того, доверие к руководству в результате таких демонстративных мероприятий существенно снижается.

На четвертом — *целенаправленном* — уровне управленческое воздействие на организационную культуру имеет стратегический характер и осуществляется с максимальной децентрализацией, когда основными носителями культуры являются не только представители топ-менеджмента, но и все культурообразующие элементы формальной и неформальной структур. Такое управление позволяет осуществлять перекрестное транслирование ценностно-нормативного и поведенческого содержания организационной культуры, тем самым усиливая ее. На данном этапе присутствует ценностный фильтр сотрудников на «входе», ориентированный на выявление работников с идентичной или не противоречащей организационным ценностям системой личных ценностей. Руководство предприятия ведет тщательную и систематическую работу не только с управленческим персоналом, который выступает транслятором ценностей и правил организационной культуры, но и с культурообразующими элементами, лишенными административного ресурса. В совокупности это приводит к тому, что все субъекты управления демонстрируют единый ценностно-нормативный вектор, лежащий в основе их поведения и оценочных суждений, и вероятность формирования разделяемой сотрудниками организационной культуры существенно увеличивается. Топ-менеджмент ориентирован на формирование неагрессивных субкультур, которые либо усиливают доминирующую культуру, либо, при необходимости, дополняют ее.

На пятом — *корректирующем* — уровне явное управление организационной культурой практически отсутствует. Фрактальный характер организационной культуры обусловливает наличие определенного «имманентного» механизма внутренней интеграции, благодаря которому организационная культура не только выступает средством воспроизводства социального целого и его отдельных организованностей, но и обладает

способностью к самопроизводству и саморазвитию. Это позволяет не управлять организационной культурой, а лишь корректировать ее при необходимости, воздействуя на базовые рефлекторы культуры, такие как система коммуникаций, стиль управления, система вознаграждения, символический компонент и т.д. Специфика таких рефлекторов заключается в их высокой информативности как для внутренней, так и для внешней среды предприятия. Корректирующее управление основывается на естественном изменении управляемой подсистемы и не представляет собой простое преобразование, конструирование или проектирование.

Уровень корректирующего управления не предполагает масштабных, кардинальных изменений. Они реализуются в процессе многочастотной, непрерывной адаптации. В данном случае более актуальным является вопрос чувствительности субъекта управления к малым внешним колебаниям, которые при накоплении могут привести к необходимости существенных культурных трансформаций. В итоге через определенный промежуток времени персонал осознает, что действует уже в совершенно другой организационной культуре, переход к которой произошел для них относительно безболезненно.

На пятом уровне зрелости управления организационной культурой топ-менеджмент инициирует реализацию так называемого распыленного управления, которое имеет субъект-объектный характер, проявляющийся во множественности субъектов, осуществляющих управленческое воздействие (топ-менеджмент, средний и базовый менеджмент, культурообразующие элементы без административного ресурса и т.д.), а также во множественности объектов такого воздействия (любая сфера организационной жизнедеятельности, весь персонал компании). Распыленное управление базируется на эффективных механизмах подбора, отбора и развития персонала, которые формируют необходимые основания для результативности такого управления.

Кирьянова А.Ю.
студентка кафедры Мировой экономики и экономической теории
Волгоградского государственного технического университета

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современной рыночной экономике знания, информация и творческий потенциал предпринимателей и привлеченных ими работников выступают теми ресурсами, без которых невозможно создать действительно коммерчески удачный и выгодный продукт.

Уровень вовлечения и эффективность использования знаний и информации в производственном процессе определяют не только объем и качество производимой продукции и оказываемых услуг всех отраслей народного хозяйства государства. От него зависит и конкурентоспособность, и самодостаточность экономики страны, ее место и роль в мировом экономическом пространстве. Так, начиная с конца 70-х гг. XX века роль этих ресурсов с каждым годом возрастает, поскольку они предопределяют вектор развития всей глобальной мировой экономики.

Возрастание темпов научно-технического прогресса и обновления производства объективно обуславливает увеличение спроса на квалифицированную рабочую силу, обладающую знаниями, творческим потенциалом и способностью его реализовывать в организации воспроизводственного процесса. Сегодня знания, информация и коммерческая идея наряду с иными ресурсами, выступают факторами роста добавленной стоимости любого создаваемого продукта. Интеллектуальные ресурсы, обеспечивая необходимую конкурентоспособность и прибыль, становятся интеллектуальным капиталом современного производства и общества в целом.

Интеллектуальный капитал в современном обществе становится основой богатства и определяет конкурентоспособность экономических систем, выступает ключевым ресурсом роста и развития, поскольку именно уникальные по своей природе факторы нематериального характера обусловливают конкурентные преимущества предприятий на рынке. В процесс создания, трансформации и использования интеллектуального капитала вовлекаются все субъекты рыночных отношений, включая коммерческие предприятия, государственные и общественные учреждения и прочие организации. С его помощью экономика страны становится более информационноемкой, технологичной и ориентированной на инновации.

На сегодняшний день трактовок интеллектуального капитала насчитывается огромное количество. Некоторые ученые определяют его как новый фактор производства, другие – как ресурсы, которые влияют на эффективность функционирования компании. Стоит отметить, что интеллектуальный и человеческий капиталы как экономические категории находятся в сложной взаимосвязи друг с другом. Каждое из этих понятий представляет собой нечто самостоятельное, но при этом является частью другого. В широком смысле под интеллектуальным капиталом понимают все результаты мыслительной деятельности человечества, обуславливающие его поступательное историческое развитие, а в узком – его материальное воплощение в товарной форме.

Как известно, капитал – это самовозрастающая стоимость, это средство производства, способное приносить его владельцу прибыль большую, чем он стоит сам. Существование капитала без труда невозможно, поскольку обе эти категории представляют собой диалектическое единство противоположностей, которые друг друга взаимно

предполагают и, в тоже время, друг друга отрицают. Так как существование труда без человека невозможно, то труд сам в определенном смысле является капиталом. Трудовой капитал называют еще человеческим капиталом.

Человеческий капитал, в свою очередь, как и любая другая форма капитала, так же имеет разнообразные формы существования, которые развиваются и усложняются в процессе развития цивилизации: каждому экономическому укладу соответствуют свои формы материально-вещественного, денежного и человеческого капиталов. В современных условиях, человеческий капитал – человеческий – по сути, а интеллектуальный – по форме своего существования. Наличие капитала – это необходимое условие организации любой экономической деятельности в условиях рыночной экономики.

Наиболее мощным и главным механизмом формирования интеллектуального капитала является развитие образования. Деятельность системы образования как социального института в условиях рыночной экономики, который обеспечивает обществу воспроизводство интеллектуально-культурного потенциала, выступает как образовательная услуга, принимающая товарную форму и, как следствие, имеющая свою потребительную стоимость и цену, а так же, как любой товар, способная становиться объектом сбыта и http://psyera.ru/2727/chto-takoe-marketingмаркетинга.

Потребительская стоимость образовательных услуг заключается в том, что они создают человеческий капитал, который проявляется в более производительной и квалифицированной рабочей силе. Исходя из этого, спрос на образовательные услуги формируется потребителями, предполагающими, что инвестиции в образование в дальнейшем окупятся в ходе трудовой и умственной деятельности, в виде более высоких доходов.[6]

В современном мире, в условиях рыночной экономики образовательная услуга является основным продуктом, приобретаемым потребителем за свои деньги, либо за счет спонсора (при бесплатном образовании именно спонсором выступает государство). Для сравнения, в эпоху огосударствления экономики потребителем выступало государство, государственные учебные заведения выполняли его задания, занимаясь подготовкой специалистов в соответствии с плановой разнарядкой и направляя их по окончании обучения на такие рабочие места, где они были необходимы государству. Другими словами «продуктом» образования являлся специалист.

На сегодняшний день всю большую популярность обретают образовательные кредиты. Образовательный кредит это одна из разновидностей финансовой помощи, которая предоставляется получателю кредита (заемщику) на возмездной и возвратной основе. Таким образом, заемщик обязан вернуть денег больше, чем получил, уплатив еще определенное количество процентов.[16]

Согласно статистике, сегодня около 60% студентов обучаются на платной основе, и хотя все высшее образование не может стать платным, поскольку оно является важнейшим социальным благом, цена за обучение в условиях рыночной экономики именно по этой причине имеет огромное значение, как для государства в целом, так и для граждан страны. Такое положение объясняется тем, что в условиях возникновения в современном глобализирующемся мире инновационной экономики, которая характеризуется еще как «экономика знаний», образование должно оставаться доступным. Чтобы совместить эти два противоречивые свойства (платность и доступность) в условиях рыночной экономики, следует развивать систему образовательного кредитования.

На сегодняшний день система образовательного кредитования получила широкое распространение в зарубежных странах, а что касается России, то здесь это развито недостаточно. Программ по предоставлению кредитов на образование очень мало, а банки предлагают весьма невыгодные условия кредитования (короткие сроки и высокие проценты). Очевидно, что образование как социальный продукт, не может быть полностью платным, т.к. хорошее образование оказывает положительное воздействие на состояние и развитие нации и государства. Поэтому, государству следует разработать программу образовательного кредитования с реальными положениями гарантий возврата кредитов.

Такими гарантиями могут выступать:

- дальнейшее обязательное трудоустройство заемщика по его специальности для возможности выплаты кредита;
- обучение заемщика должно проходить только в государственном аккредитованном вузе с квалифицированным преподавательским составом;
- контроль успеваемости заемщика на протяжении всего периода обучения

При наличии таких гарантий банкам целесообразно изменить условия и проценты кредитования. Проценты следует снизить, чтобы кредит стал более доступным. При правильном подходе к данной проблематике эта услуга начнет становиться популярнее, что, в свою очередь, скажется на уровне интеллектуального развития нации. Это даст возможность людям получить достойное и качественное образование, причем с дальнейшим трудоустройством по специальности.

Литература

1 Антонова, О. В. Рынок образовательных услуг: современные тенденции и условия развития / О. В. Антонова // Молодой ученый. – 2012. – № 12. – С. 270-300.

2 Вовк, В.А. Концепция человеческого капитала в контексте поворота к «обществу мудрости» / В. А. Вовк // Бизнес Информ. – 2014. – № 2. – С. 18-22.

3 Ермаков, С. Л. Рынок потребительского кредитования: современные тенденции развития / С. Л. Ермаков, Ю. А. Малинкина // Финансы и кредит. – 2006. – № 21. – С. 24-25.

4 Климович, Н.И. Эволюция взглядов на понятие «интеллектуальный капитал» / Н. И. Климович // Бизнес Информ. – 2014. – № 2. – С. 19-27.

Korotchenya V.M.
candidate of economic sciences, All-Russian Research Institute of Mechanization for Agriculture, Moscow, Russian Federation

POTENTIAL OUTPUT OF RUSSIAN AGRICULTURE: ESTIMATING TECHNICAL LIMITS WITH DATA ENVELOPMENT ANALYSIS

Potential output of Russian agriculture can be estimated with the help of Data Envelopment Analysis (DEA). Inasmuch as the DEA methodology is applied, potential output of an agricultural sector means the maximum agricultural output for the country in question measured as a projection onto the efficient frontier built for a selected group of countries. Another option is to measure potential output by treating agricultural land as a fixed resource and let other resources vary so as to project the country in question onto the frontier with zero slacks. These two variants of calculating potential output are outlined in this article.

The DEA model and data used in the study can be summarized as follows.

DEA model: CCR-O [1, pp.11-12]. The choice of constant returns to scale can be explained by the use of aggregate country-level data (it is not appropriate to consider scale economies in the context of aggregate country-level data [2, p. 120]).

Selected countries: CIS, BRIC, EU, OECD (54 countries altogether). The selection of these countries as decision-making units is based on their economic importance and interest to Russia.

Output: Value of agricultural production – net production value (constant 2004-2006 1000 I$).

Inputs:

1) Agricultural area.

2) Total economically active population in agriculture.

3) Machinery: consumption of fixed capital (constant 2005 prices) (USD million) calculated as a difference between gross capital stock and net capital stock.

4) Livestock: calculated in cattle units with the use of the following coefficients (recommended by the Russian Federal State Statistics Service): asses

– 1.0; buffaloes – 1.0; camels – 1.0; cattle – 1.0; chickens – 0.02; ducks – 0.02; geese and guinea fowls – 0.02; goats – 0.1; horses – 1.0; mules – 1.0; pigs – 0.3; rabbits and hares – 0.05; sheep – 0.1; turkeys – 0.02.

5) Fertilizer (tonnes of nutrients $N + P_2O_5 + K_2O$).

The main source of data is FAOSTAT. I also used IFADATA, Eurostat (Fertilizers Europe) as a supplementary source for data on fertilizer.

I took the year of 2007 for an estimation of potential agricultural output in Russia. My calculations have shown that the CCR model results are more accurate when machinery is represented in the model as consumption of fixed capital (compared to the model where it is given as a number of tractors and harvesters). The latest data on capital stock in FAOSTAT is 2007. In the near future FAO is going to update these data. For now, the 2007 data are quite suitable. In addition, net value of agricultural production in Russia has not changed very much since then.

Projections of Russia onto the efficient frontier (for the year of 2007) calculated with the CCR-O model as well as slacks are as follows (see Table 1).

Table 1

The CCR-O Model: Projections and Slacks for Russia's Agriculture in 2007

	Projections	Slacks
Net value of agricultural production (constant 2004-2006 1000 I$)	63033720	0
Agricultural area (1000 Ha)	52691	162772
Total economically active population in agriculture (1000)	4661	2009
Machinery: consumption of fixed capital (constant 2005 prices) (USD million)	3669	54
Livestock (cattle units)	37491362	0
Fertilizer: (tonnes of nutrients $N+P_2O_5+K_2O$)	1732810	0

The net value of agricultural production projection (I$63bn) is actually potential output of agriculture for Russia. As a matter of fact, the output in 2007 was approximately I$41bn. The ratio between the two is about 1.5. Pay attention to low efficiency of land use in Russia.

To compute potential output with variable amounts of resources while holding agricultural land—the main agricultural resource—fixed one is to multiply projections by the ratio of the actual agricultural area to its projection. The result is shown in Table 2. Note that efficiency score for Russia with potential data is unity and all slacks are zero.

Table 2

Potential Output of Russian Agriculture with Fixed Agricultural Area and Variable Amounts of Other Resources

	2007 (*a*)	2007* (*b*)	2007* (*c*)	Ratio of (*b*) to (*a*)
Net value of agricultural production	41272035.8	257756385.1	0	6.2
Agricultural area	215463	215463	0	1.0
Total economically active population in agriculture	6670	19059	0	2.9
Machinery: consumption of fixed capital	3723.06	15001.54	0	4.0
Livestock	37491362	153309022	0	4.1
Fertilizer	1732810	7085776	0	4.1

Notes. (*a*) – actual data; (*b*) – potential data (with the exception of the agricultural area); (*c*) – slacks for potential data; the units of measurement see in Table 1.

As we can see from Table 2, potential output for Russian agriculture is about I$258bn—sixfold compared to the actual size. This also comes with Pareto efficiency (efficiency score is equal to unity with zero slacks) and increased amounts of all resources except land. This size of potential output indicates just technical limits and does not take into account prices or demand. It also reveals great inefficiency of land use in Russia's agriculture.

Both variants of calculation of potential output (I$63bn and I$258bn) suppose efficient use of all resources.

Conclusion

The estimate of potential output of Russia's agriculture based on the CCR-O model is 1.5 the size of actual output and sixfold when amounts of all resources except agricultural land are assumed variable. Both estimates suppose efficient use of all resources. They also reveal very low efficiency of agricultural land use in Russia.

References

1. Handbook on Data Envelopment Analysis // edited by W.W. Cooper, L.M. Seiford, J. Zhu. – 2nd ed. – New York, USA: Springer, 2011.

2. Coelli T.J., Rao D.S.P. Total factor productivity growth in agriculture: a Malmquist index analysis of 93 countries, 1980-2000 // Agricultural Economics. – 2005. – Vol. 32. – № s1. – pp. 115-134.

[1]Kuramshina A., [2]Shestakova L., [3]Timchenko V.
[1]associate professor , Candidate of economic sciences., Budgetary institution of higher education of KhMAD-Yugra «Surgut State University», alsu-kuramshina@yandex.ru
[2]bachelor of group 21-21 Budgetary institution of higher education of KhMAD-Yugra «Surgut State University»
[3]bachelor of group 21-21 Budgetary institution of higher education of KhMAD-Yugra «Surgut State University»

AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE FAR NORTH: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Agro-industrial complex of Russian Federation as an strategically important branch of economy is of interest to all economic agents on micro-, macro- and meso-level. In modern geopolitical conditions the possibilities of its development is discussed practically in plans on all levels. However, agro-industrial complex is a problem branch, for example the information about the profitable (unprofitable) organizations, which presented in the table 1, allows to ascertain that although unit weight of unprofitable organizations in present period have downtrend, but in whole may talk about low profitability of organizations of this branch.

Table 1

The unit weight of unprofitable organizations operating in agriculture, hunting and provision of services.

Federal subjects of Russia	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Russian Federation	41,7	21,5	27,0	27,9	23,2	27,4
Central Federal District	47,7	28,4	33,5	35,2	29,9	32,0
Belgorod Region	44,4	31,3	39,0	35,6	24,7	23,6
Ural Federal District	46,2	18,4	32,7	29,6	24,9	26,0
Kurgan Region	54,0	15,0	25,9	49,1	40,4	45,7
Sverdlovsk REgion	40,5	20,5	32,4	22,7	19,0	18,0
Tyumen Region	43,1	12,2	12,8	17,5	20,4	15,4
Khanty-Mansi Autonomous District - Yugra	50,0	18,2	30,8	66,7	44,4	16,7
Yamalo-Nenets Autonomous District	66,7	12,5	11,8	14,3	6,7	14,3

Source: Regions of Russia. Socio-economic coefficients – 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/ - 21.05.2015. [1]

In order to characterize an activity of organizations which realize their activity in stock-breeding, in particular by profitability of sold goods, products

(works and services) of organizations of stock-breeding, need pay attentions for low rates in whole in the branch and else more low for Ural Federal District.

Table 2

Profitability of sold goods, works and services of stock-breeding organizations, %

Federal subjects of Russia	2010	2012	2013
Russian Federation	8,6	10,6	2,7
Central Federal District	11,7	16,2	4,8
Belgorod Region	15,0	26,8	11,0
Ural Federal District	5,7	6,1	-0,9
Kurgan Region	-3,5	3,9	-3,8
Sverdlovsk Region	7,1	3,4	-2,1
Tyumen Region	-0,8	1,7	-2,6
Tyumen Region without autonomous regions	4,6	7,7	3,0
Khanty-Mansi Autonomous District - Yugra	-34,1	-25,7	-40,5
Yamalo-Nenets Autonomous District	-55,4	-64,2	-59,6

Source: Regions of Russia. Socio-economic coefficients – 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/ - 21.05.2015. [1]

Also datas, which presented in the table 2, show very low indexes of profitability of livestock organizations in north areas in comparison with other regions of Ural Federal District. And this rate for Tyumen Region without Autonomous District increases.

The structure of the industry in the context of all types of households on 2014 year can be represented as follows:

Table 3

The products of Agriculture in 2014 (in actual prises; mln rub.)

	The households of all types	в том числе:		
		Agriculture organisations	Private Households	Farms, individual enterpreneurs
Russian Federation	4225569	2055108	1747767	422694
Central Federal District	1056922,4	645773,2	350236,8	60912,4
Khanty-Mansi Autonomous District - Yugra	8593,7	440,0	6346,8	1806,9
Yamalo-Nenets Autonomous District	1435,0	781,8	648,6	4,7

Source: Agricultural output by types of farms URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel1.htm. - 10.06.2015. [4]

And as you can see from information in Table 3, the most part of the structure of the industry takes Agriculture organizations and the least part – farms and individual entrepreneurs. Also presented data allows to ascertain that Khanty-Mansi District and Yamalo-Nenets District occupy a small part of all types of households.

Speaking about the volumes of production, they also confirm the current downtrend of the northern territories. So for example, the production of livestock and poultry (Table 4) it is seen insignificant volume of production in the KhMAD-Ugra and YaNAD compared to more southern areas of the Ural Federal District, not to mention the production of livestock and poultry in the Central Federal District, in particular, in the Belgorod region, where volumes are hundreds of times more.

This situation is complex in the KhMAD and YaNAD due to the peculiarities of agricultural production in the North, particularly in the Far North.

As is known, natural resources are the main factor of the specific agricultural production (land). In agriculture, the land appears as the subject of work. Besides "land" means the upper fertile layer of soil,which stipulates a vegetation of agricultural cultures. The quality of this layer determines the crop yields and, consequently, the level of differential rent and, ultimately, the profitability of agricultural production.

The Far North regions have a small part of territory that is suitable for agricultural purposes, and speaking about the land as it is worth noting that it is not comparable with the lands of Central, Southern Federal District.

Table 4

The production of livestock and poultry

Federal subjects of Russia	2012	2013	2014
Russian Federation, MT	11,6	12,2	12,9
Central Federal District, KT	3 470,8	3 965,6	4 136,2
Belgorod Region, KT	1 320,7	1 503,2	1 531,1
Ural Federal District, KT	839,1	918,1	985,8
Kurgan Region, KT	69,0	70,9	73,0
Sverdlovsk Region, KT	228,9	251,8	259,8
Tyumen Region, KT	167,6	173,0	174,1
Khanty-Mansi Autonomous District - Yugra, KT	12,1	13,3	14,4
Yamalo-Nenets Autonomous District, KT	8,7	8,4	6,9

Source: Regions of the Russian Federation: the statistical compilation - 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/redl/b13_38p/Main.htm. - 21.05.2015. [1]

In the process of production of agricultural products human activity is associated with independent on him natural conditions. For the Far North such conditions are unfavorable climate and barren soil. Due to the extreme

temperature fluctuations in the Far North there is a need for additional heating costs and in the choice of crops (livestock and poultry), which can survive under these conditions. For example, the average monthly temperature although correlated with the data on the Russian Federation, but very different from the Central Federal District, in particular with the Belgorod region (Table 5), while tariffs for the natural gas are formed in significant heating costs.

Table 5

The average monthly temperature 2011-2012

Federal subjects of Russia	2011		2012	
	January	July	January	July
Russian Federation	-22,1	16,6	-22,1	16,9
Central Federal District	-8,8	22,4	-7,5	2,54
Belgorod Region	-8,0	22,4	-5,5	3,2
Ural Federal District	-21,8	14,8	-22,1	18,3
Kurgan Region	-19,0	19,0	-18,3	22,3
Sverdlovsk Region	-16,4	18,1	-15,6	20,0
Tyumen Region	-21,5	13,0	-18,7	17,1
Khanty-Mansi Autonomous District - Yugra	-19,5	15,3	-19,2	19,4
Yamalo-Nenets Autonomous District	-21,4	9,5	-19,3	14,2

Source: Regions of the Russian Federation: the statistical compilation - 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/redl/b13_38p/Main.htm. - 21.05.2015. [1]

Total instability of the weather, the quality of land resources, the lack of sufficient competitiveness have a direct impact on the establishment of agricultural prices. Unlike the majority of branches of economy, agricultural sectors is less efficient in comparison with them. The invested capital into the agriculture sectors brings less profit. Therefore, low-yielding agriculture is not able (compared to the industry) participate in the inter-industry competition without external support, including the state. This is especially significant in terms of the northern territories, where Agro-industrial complex can not exist without external assistance. Taking into account the factors mentioned earlier, it can be concluded that under the conditions of the Far North there is the greatest need of public support, compared with other regions. It is worth noting that the State will give full support of agriculture in the country in a whole as well as in the northern territories. In particular, it is planned to make the All-Russian agricultural census [2], was developed an action plan ("Roadmap") to facilitate import substitution in the Khanty-Mansi Autonomous District on 2015-2017 [3], where a significant place is given to the support of agriculture.

Source

1. About the All-Russian agricultural census: Federal Law №108-FL from 21.07.2005 (in red. From 01.12.2014) // help system [Consultant Plus]
2. About plan of actions ("road map") to facilitate import substitution in the Khanty-Mansi Autonomous District on 2015-2017 years: Government Edict of the Khanty-Mansi Autonomous District-Yugra № 35-ge of 02.06.2015
3. Regions of the Russian Federation: the statistical compilation - 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/redl/b13_38p/Main.htm. - 21.05.2015.
4. Agricultural production by categories of farms http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel1.htm. - 10.06.2015.

[1]**Naydenov N.D.,** [2]**Novokshonova E.N.**
[1]Professor, doctor of Economic Sciences
Branch of St. Petersburg state University in Syktyvka;
[2]Senior lecturer, Syktyvkar state University

CLUSTER AS REGULATION METHOD OF AGRICULTURAL PRODUCTION TERRITORIAL SPECIALIZATION

The article summarizes the experience of the cluster forms of organization and distribution of agricultural production in the Russian Federation, the European Community and certain regions of the Russian Federation.

The theories that explain the fundamental basis of the territorial distribution of agricultural production include the following.

The theory of the preferred providing the population with agricultural products mainly through local production comes from biological facts that better absorption is one of local's foods produced on-site consumption.

Theory farming system focuses on resource potential of farms, the quantitative and qualitative state of the natural, material and labor resources, which produce competitive advantages production of specific products in a specific place.

In theory of the executive demand S. Linder in 1961 showed that the proximity of the countries in terms of development, the comparability of the quality of goods, coupled with an endless variety of modifications allows you to place in those countries producing the same goods as a whole, but different from each other consumer properties. In this case, there is a mechanism for cross (executive) demand, and international trade is developing at the expense of the various parts of the spectrum of goods exports and imports. Based on the theory of executive demand can be formulated three principles of foreign trade. 1)

Exports of goods begins from the production for the domestic market. 2) The greater the demand, the higher the efficiency. 3) Domestic demand continues to interregional and later in international demand. Domestic market products continues in the in the external market.

The theory of executive demand by S. Linder complemented by life-cycle theory of exports goods by R. Vernon. The theory of the life cycle of the exported product claims that many of the goods through a life cycle consisting of the stages of introduction, growth, maturity, decline. The production depending on the life cycle is placing on different countries expanded foreign trade.

Problems of territorial distribution of agricultural production are devoted V.D. Kuzmenkova [1], F.Y. Nachitov [2], F.K. Shakirov [2], and others. However, these problems need further detail and generalization of practical experience.

According to our estimates the projected changes in the distribution of production in comparison with the option of maintaining the existing structure of production can provide growth of gross output in the amount of 4%. Significant differences in the costs of production and its volume depending on the location and combinations of placements in the region is an indisputable fact. Improvement of production location gives the effect of a gain or a product or a cost savings.There is several theoretical trips to the rational allocation of agricultural production. [2,p.60-63.]

An example of the successful implementation of the theory of farming systems could be showed in a Polish experience. In 2002, Poland exported agrarian production is about $ 3 billion. But by 2012, the Polish Agrarian exports totaled 19,5 billion USD. Growth in 10 years was 640 %. The dynamic growth of specialized production is due to effective planning and management of placement and subsidizing agricultural production. In 2004, Poland joined the European Union. Every year in the period 2002-2013 years, Poland received from the EU budget from 1,5 billion to 5,2 euro grants. Multiplier export growth as a result of agricultural subsidies amounted to 3, 75.

The amount of euro grants was as follows. Half of the subsidies went to direct payments to farmers, depending on the area and livestock. 35 % of the total amount of subsidies was paid within the framework of the Rural Development Programs. The euro grants included investments in new equipment, training of farmers, and the introduction of new varieties. Mandatory condition of subsiding - the audit of subsidies by the auditors of the European Union. [3]

The main purposes of regulation in the EU agro are to ensure stable economic and social conditions for agriculture, providing the population with quality food at socially acceptable prices, reducing the negative impact on the environment. The main methods of regulation of agriculture are subsidies. Through direct government subsidies from the budget the cost of production of agricultural products artificially lowers, cooperation and integration of economic entities in the agro-industrial complex are forming.

State regulation of agribusiness in the EU aimed at two main purposes.

- The development and restructuring of agriculture in the regions with the previous underdevelopment.
- Promoting rural development. The main criterion for inclusion in the subsidized regions is the low level of economic development. The latter is defined by three criteria: a high proportion of people employed in agriculture, low levels of agricultural income, low population density and / or a pronounced trend of population decline.

Specialty areas of the EU are formed purposefully. In the EU an institutional foundations for structural reforms are created: the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the orientation section of FEOGA, the Cohesion Fund to help EU countries with the lowest income.

We can consider the specialization of agriculture on the example of Germany. In Germany 80 % of livestock gives all agricultural products. Meadows and pastures account for 40% of the agricultural area. Dairy prevails in the foothills of the Alps in the north, in the coastal areas. Crop production is ancillary industries. Everywhere cultivated rye, oats, potatoes, fodder crops. An horticultural stripes, a suburban poultry farm productivity over 500 thousand eggs per day and cattle, pigs farm which can accommodate up to 20,000 heads are built around large cities in order to improve supplies of fresh perishable foods (fruits vegetables, milk, meat).

In the United States in agriculture a "belt" or a areas of agricultural production, with a production profiling products: wheat, corn, soy, cotton, milk are developed. In each area there are other industries. For example, feed grains (corn, soybeans, etc.) is exported from the Midwest to southeast poultry farms and cattle farms of southern regions. The hay is transported from the Great Plains farm animals to other parts of the country. The coarse grains of corn-soybean belt are transported to the areas of pasture-livestock zone. Placing potato production on the map can be visualized as a spots scattered all over the country and in each with their ripening - spring potato, summer one, autumn one, winter one (in Florida).

According to the calculations of American researchers concentration of crops in certain areas provided up to 70 % increase in yield for post-war period [1, p.41].

The much in the specialization areas of the US on agricultural production depends on the ratio of arable land and natural grasslands. In a group dominated areas of arable land agriculture specializes mainly in the production of the crop and livestock production which involves the use of animals for growing fodder crops. So in the states of the Northeast area the arable land in the 6 times more than the size of natural grasslands. This finds expression in this area of specialization: here specialize in the production of fruits, vegetables, potatoes, milk, broilers. In the mountain states and southern plains states the relationship between cropland and grassland available is 1: 6.4 and 1.2. Therefore, in these areas, the main industry - beef cattle. [1, c.41].

A significant excess of arable land on the feeding grounds finds expression in this area of specialization: here vegetables, fruits, potatoes, milk, broilers are master varieties of a production.

In the mountain states and southern plains states the relationship between cropland and grassland available is 1: 6,4 and 1,2. Therefore in these areas the beef cattle is the main industry [1, c.41].

In Russia the ratio between arable land and natural grasslands is 1: 0,7. 0, 85 hectares of arable land accounts for 1.4 hectares of agricultural land [1, c.41]. Therefore the specialization area is not very pronounced. The value of this indicator Russia lags behind such countries as Canada, Australia, New Zealand, Kazakhstan which have large areas of land, but superior to all the rest of Europe. Relatively large land supply allows Russia as a whole and in parts of its regions to specialize in crop production in the regions, where there is much arable land - the production of grain and oilseeds. Specialization of certain areas of the livestock is suitable for animal husbandry areas and in some regions - for sheep. In general, specialization of the agricultural areas should be strengthened.

In Russia agricultural zoning is based on four agricultural climatic zones: arctic (with agriculture in greenhouses), an subarctic (oasis agriculture),an temperate climate zones (four seasons) and an subtropical zones (two seasons). The important thing for agriculture in the country is an average temperate climate zone. Further the agricultural climatic zones divided by moisture regime on the agricultural climatic region, and the last in the degree of continental climate are differentiated on the agricultural climatic province.

In Russia, the specialization of regions dominated by two trends. One by one, agriculture is close to the city and has a closed type of connection between the production and consumption of agricultural products in a relatively small area. In other areas agriculture is located in large areas in the territory of a network of branched points. The latter case products usually are sent to the big cities, inter-regional delivery, as well as for export. An example of the first direction can be the northern cities, cities with above million inhabitants (Moscow city, St. Petersburg city). An example of the second direction can be the southern regions of Russia - Belgorod region, Voronezh region, Krasnodar region

Using the cluster approach to the organization of specialization is characteristic for certain territories in managing the economy of the Vologda region. Formation of clusters is an important method of implementing economic policy of the Vologda region and is aimed at improving the competitiveness of the regional economy.

A specialty farm available in the Republic of Komi is associated primarily with a focus on the supply chain to the three sub-markets: the market of Syktyvkar, the market towns of Ukhta and Sosnogorsk and market northern cities. It should be noted that a significant proportion of producers only produce goods for the local market as part of its administrative-territorial units. Given the current specialization and development prospects of agriculture in the region, we

offer to carry out the specialization in the form of the cluster approach, involving needs, first of all, local markets, in the second, sub regional, in the third, supply of products on the interregional market.

References

1.Kuzmenkova V.D. Sovershenstvovanie razmescheniya i spetsializatsii selskogo hozyaystva Rossiyskoy Federatsii. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora ekonomicheskih nauk. M., GNU VNIIESH, 2014. –284s.

2.Nachitov, F.Y. Organizatsiya proizvodstva i predprinimatelstva v APK. Ucheb. Posobie/ F. Ya. Nachitov, O. Y. Potlasov, F.K. Shakirov i dr. Omsk, Izd-vo Om GAU, 2004. –596s.

3. Samorukov M. Polsha stala agrarnoy derzhavoy, a Rossiya net. Elekronnyiy resurs. Rezhim dostupa: www.siapress.ru/blogs/34752

Насырин А.О.
студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал)

МЕТОДИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЕГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

В настоящее время проблема обеспечения экономической безопасности предприятия выходит на первые позиции, так как от ее решения во многом зависит экономический рост и эффективность предприятия. В итоге перед большим количеством отечественных предприятий существует проблема разработки эффективной системы обеспечения экономической безопасности, которая способна обеспечить снижение (нейтрализацию) уровня угроз экономической деятельности предприятий от воздействия факторов внутренней и внешней среды.

Современные условия хозяйствования диктуют необходимость в изменении стратегии развития бизнеса, в связи с чем первоочередной и ключевой задачей является формирование соответствующего методологического инструментария обеспечения экономической безопасности предприятия.

Для более эффективного функционирования предприятие должно разработать наиболее действенную стратегию развития, которая позволит максимально использовать возможности ресурсного потенциала предприятия с учетом воздействия внутренних и внешних факторов.

Концептуально можно сформулировать сущность вызова, стоящего перед рядом предприятий, действующими в современных условиях в виде модели конфликта «прибыльность - уровень риска - устойчивость» [1].

По мере увеличения неопределенности среды неизбежно происходит процесс увеличения конкурентных и экономических рисков. Но показатели рентабельности предприятия могут быть различными и имеют сильную зависимость от принятой стратегии действия предприятия в условиях высокой неопределенности рыночной среды.

Идентификацию состояний экономической безопасности предприятия, на наш взгляд, необходимо осуществить на основе системы ключевых индикаторов (СКИ). В таблице 1 нами предложена система индикаторов диагностики экономической безопасности бизнеса, а также порог идентификации состояний экономической безопасности предприятия.

Обеспечение экономической безопасности предприятия исходит из интересов объекта, хозяйствующего субъекта его цели и ориентиров, обеспечивает их реализацию, но при этом требует глубокого комплексного изучения и понимания состояния внешней и внутренней среды объекта для выявления и ликвидации существующих и потенциальных угроз.

Таблица 1 - Распределение ключевых показателей экономической безопасности предприятия

Состояние экономической безопасности	безопасное	приемлемое	неустойчивое	кризисное
1. К-т текущей ликвидности	от 2,0 и более	От 1,5 до 2,0	От 1,0 до 1,5	Меньше 1,0
Количество баллов	4	3	2	1
2. К-т абсолютной ликвидности	от 0,3 и более	От 0,2 до 0,3	От 0,1 до 0,2	Меньше 0,1
Количество баллов	5	4	2	1
3. Коэффициент финансовой независимости	от 0,5 и более	От 0,3 до 0,5	От 0,1 до 0,3	Меньше 0,1
Количество баллов	5	4	2	1
4. Коэффициент обеспеченности СОС	от 0,3 и более	От 0,1 до 0,3	От 0 до 0,1	Отрицательное значение
Количество баллов	6	5	4	0
5. Экономическая рентабельность	Больше 15%	От 5 до 15	От 0 до 5	Отрицательное значение
Количество баллов	5	4	2	0
6. Коэффициент постоянства кадров	0,9 и выше	0,8-09	0,7-0,8	Ниже 0,7
Количество баллов	5	4	2	0
7. Оборачиваемость оборотных средств	Больше 5,0	От 2,5 до 5,0	От 1,0 до 2,5	Меньше 1,0
Количество баллов	4	3	2	1

Продолжение таблицы 1				
8. Коэффициент годности основных средств	Свыше 0,7	От 0,5 до 0,7	От 0,3 до 0,5	Ниже 0,3
Количество баллов	6	5	2	1
9. Темп роста выручки выше темпа роста активов	Да		Нет	
Количество баллов	5		0	
10. Темп роста производительности труда выше темпа роста заработной платы	Да		Нет	
Количество баллов	0		0	
Границы уровня экономической безопасности предприятия	От 41 до 50	От 31 до 40	От 21 до 30	Меньше 20

Рассмотрим взаимосвязь между исследуемыми категориями и экономической безопасностью предприятия, с помощью предложенной методики диагностики на примере ряда предприятий Липецкой области.

Расчеты по каждому предприятию приведены в таблице 2.

Результаты группировки по уровню экономической безопасности представлены в таблице 3.

Всего было проанализировано 11 предприятий.

Таблица 3 - Группировка ряда промышленных предприятий Липецкой области по уровню экономической безопасности

Характеристика уровня безопасности	Наименование предприятий
Критическое	ОАО «Липецкие автобусные линии»
Неустойчивое	ОАО «ЛГЭК», ОАО «Квадра», ОАО «Липецкая ипотечная корпорация», ОАО «Завод Железобетон»
Приемлемое	ОАО «НЛМК», ОАО «Полимер», ОАО «ЛЭСК», ОАО «Газпром газораспределение Липецк», ОАО «Липецкэнергоремонт»
Безопасное	Отсутствуют

Таблица 2 - Диагностика экономической безопасности бизнеса предприятий Липецкой области

Показатели	ОАО «ЛГЭК»		ОАО «НЛМК»		ОАО «Квадра»		ОАО «Полимер»		ОАО «ЛЭСК»		ОАО «Липецкая ипотечная корпорация»		ОАО «Газпром газораспределение Липецк»		ОАО «Липецкэнерго-ремонт»		ОАО «Завод Железобетон»		ОАО «Липецкие автобусные линии»	
	Знач	Баллы	Знач	Баллы	Знач	Баллы	Знач	Баллы	Знач	Баллы	Знач	Баллы	Знач	Баллы	Знач	Баллы	Знач	Баллы	Знач	Баллы
1. К-т текущей ликвидности	1,19	2	2,95	5	0,17	0	1,89	3	1,49	2	0,6	1	1,23	2	1,5	3	0,9	1	0,6	1
2. К-т абсолютной ликвидности	0,07	1	1,17	5	0,11	2	0,1	5	0,5	5	0,21	4	0,02	1	0,00	1	0,02	1	0,04	1
3. К-т финансовой устойчивости	0,67	5	0,86	5	0,85	5	0,73	4	0,4	4	0,33	4	0,8	5	0,5	5	0,46	4	0,87	5
4. К-т обеспеченности СОС	-0,31	0	0,13	5	-1,35	0	0,19	6	0,32	6	-3,03	0	-0,4	0	0,27	5	-0,22	0	-1,02	0
5. Экономическая рентабельность	2,9	2	-	0	-	0	4,53	2	1,8	2	-	0	13,5	4	2	2	-	0	-	0
6. Коэффициент постоянства кадров	0,88	4	0,81	4	0,72	2	0,82	4	0,87	4	0,69	2	0,88	4	0,76	2	0,81	4	0,68	2

7. Оборачивае-мость оборот-ных средств	1,8	2	1,31	2	2,73	3	2,36	2	6,4	4	0,24	1	5,72	4	2,52	3	3,48	3	4,85	3
8. К-т годности основных средств	0,7	6	0,62	5	2,46	5	0,57	5	0,54	5	0,74	6	0,64	5	0,46	2	0,39	2	0,75	6
9. Выполнение соотношений между выручкой и активами предприятия	Да	5	Да	5	Да	5	Нет	0	Да	5	Да	5	Да	5	Нет	5	Да	5	Нет	0
10. Соотношение производитель ности труда и заработной платы	Нет	0	Да	5	Нет	0	Да	5	Нет	0	Нет	0	Да	5	Да	5	Да	5	Нет	0
Итого баллов		27		37		22		36		37		23		35		33		25		18

Данные группировки показывают, что 1 предприятие находится в критической зоне безопасности, 4 в неустойчивой зоне, 5 предприятий имеют приемлемый уровень безопасности и нет ни одного предприятия в зоне экономической безопасности. Для того чтобы перейти на более высокий уровень безопасности предприятиям необходимо выработать соответствующую стратегию развития бизнеса.

Особенности развития бизнеса в настоящее время тесно связаны с корреляцией стратегических и тактических ориентиров их деятельности, целью которой является обеспечения экономической безопасности предприятия. Проведенное нами диагностическое исследование наглядно показывает, что для управления экономической безопасностью необходима разработка пороговых значений ключевых индикаторов, определяющих вектор их стратегического развития. В соответствии с идеологией нормативного управления, предприятие должно осуществлять непрерывное улучшение характеристик своих процессов по результатам их количественной оценки, предупреждая появление вероятных проблем, а не реагируя на уже случившиеся негативные последствия. Таким образом, от того, насколько и в каком объеме эффективно предприятие предупреждает появление потенциальных проблем, зависит не только его финансовое благополучие, но и само существование в целом.

Лишь перманентное совершенствование на основе проведения предупреждающих и корректирующих действий является залогом повышения экономической безопасности бизнеса.

Литература

1. Сысоева М.С., Меркулова Е. Ю. К вопросу выбора стратегии развития предприятия с целью обеспечения его экономической безопасности // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №2 (060).

[1]Kęstutis Peleckis, [2]Valentina Peleckienė, [3]Gitana Dudzevičiūtė

[1] kestutis.peleckis@vgtu.lt , Vilnius Gediminas technical university, Saulėtekio av. 11, LT-10223 Vilnius, Lithuania;
[2] valentina.peleckiene@vgtu.lt, Vilnius Gediminas technical university, Saulėtekio av. 11, LT-10223 Vilnius, Lithuania;
[3]gitana.dudzeviciute@vgtu.lt, Vilnius Gediminas technical university, Saulėtekio av. 11, LT-10223 Vilnius, Lithuania, The General Jonas Žemaitis Military Academy of Lithuania, Šilo Str.5A, LT-10322 Vilnius, Lithuania

FINANCIAL CONGLOMERATE'S IN EUROPEAN UNION: STRUCTURAL TYPOLOGIES

New developments and the growing convergence within the financial sector have led to a blurring of boundaries between the different sub-sectors of financial systems and to the creation of large financial groups which provide services in different financial sectors, often across borders, called financial conglomerates. In the light of the financial crisis, the European Commission evaluated the effectiveness of the Financial Conglomerates Directive and found that supplementary supervision could not be carried out on certain financial groups because of their legal structure.

The current European Union (EU) legislation – Commission delegated Regulation No 342/2014 of 21 January 2014, Regulation (EU) No 575/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on prudential requirements for credit institutions and investment firms and amending Regulation (EU) No 648/2012, the Financial Conglomerates Directive 2002/87/EC, Capital Requirements Directive (2006/48/EC and 2006/49/EC) and Directive on Supplementary Supervision of Insurance Undertakings in Insurance Groups (98/78/EC) - provides for a comprehensive set of rules on the prudential supervision of credit institutions, insurance undertakings and investment firms which are part of respectively a banking/investment firm group or an insurance group, i.e. groups with homogeneous financial activities. Appropriate supervision of financial conglomerates is an important step in modernization of EU financial legislation because these companies are often systemically important not only for one EU member state but for all EU as a whole. Improvement of supervision of financial conglomerates will promote convergence in national supervisory approaches and between sectors, will enhance financial stability and better protection of depositors, insurance policy holders and investors. Exploring the lessons of last financial crisis it is very important that these supervisory measures would enable the objectives of various supervisory authorities to be met and serve the interests of consumers. In the light of the financial crisis, the Commission evaluated the effectiveness of the Financial Conglomerates Directive in 2008. It found that supplementary supervision, as stipulated in the Directive, could not be carried out on certain financial groups because of their legal structure. In some cases, national financial supervisors were left without the appropriate tools because they had been obliged

to choose either banking or insurance supervision under the sector-specific directives or supplementary supervision under the Financial Conglomerates Directive as the definitions for banking and insurance holding companies in the sector-specific directives and for mixed holdings in the Conglomerates Directive were mutually exclusive. The main objective of the revision of the Directive is to correct this unintended consequence of the current rules.

The aim of this article is to analyze the development of financial conglomerate structures in the financial markets and the adequacy of their supervision, weather procedures and instruments of prudential supervision enable supervisory authorities to get the required information, assess the main changes coursed by recent financial crisis and to submit conclusions and proposals to improve supervision of financial conglomerates.

A clear definition of a "financial conglomerate" is important for each legislator to distinguish a financial conglomerate from other groups of undertakings, to take into account the group structure and wide area of activities that a financial conglomerate may be engaged in.

The Joint Forum on Financial Conglomerates (Basel Committee, 2001) has defined financial conglomerates as "any group of companies under common control whose exclusive or predominant activities consists of providing significant services in at least two different financial sectors (banking, securities, insurance)." The Article 2(14) of the Directive 2002/87 /EC of the European Parliament and of the Council defines a financial conglomerate, the main criteria being: "...at least one of the entities in the group is within the insurance sector and at least one is with the banking or investment services sector; the consolidated and/or aggregated activities of the entities in the group within the insurance sector and the consolidated and/or aggregated activities of the entities within the banking and investment services sector are both significant within the meaning of Article 3". A group will be financial conglomerate if at least 40% of its business is financial and at least 10% of its financial business is in each of the insurance and the combined banking/investment sectors. The 10% threshold is the average of the part of the smallest sector in

1) total assets and
2) total solvency requirement.

So provisions of Directive to identify a financial group as a conglomerate were based on the assumption that one could recognize a group exposed to group risks by the quantitative ratios of the balance sheet totals and solvency figures also on qualitative indicators. But industry and the supervisory community agree that the current identification process and quantitative thresholds are not sufficient for the objectives of Financial Conglomerates Directive. The Financial Conglomerates Directive provides for the identification of financial conglomerates which should be subject to supplementary supervision, based on quantitative thresholds.

The growing convergence in the financial markets caused different forms of financial conglomerates and has received wide attention in scientific literature

(Herring et al.1990), (Van den Berghe et al. 1998), (Hoschka 1994).The analysis of scientific literature showed that researchers have developed different schemes of the typologies classifying financial conglomerates. A systematic analysis of scientific literature allows us to distinguish three main typologies of financial conglomerate structures:

I typology is based on the degree of legal and operational separateness. Legal separateness implies that different products are provided by separate corporate entities, each of which has its own management structure, set of accounts, board of directors, and capital. Operational separateness implies regulatory or self-imposed restrictions
(called firewalls or Chinese walls) that inhibit the integrated production of different financial services (Herring et al.1990):

1 model: Complete integration (German model):
managers are allowed to conduct
all activities within a single corporate entity. There neither legal nor operational separateness and financial conglomerate can produce any given output at the lowest cost because it can exploit economies of scope. As for this type of appropriate anti-competitive behavior, conflicts of interest and potential risk of contagion the costs of supervision can be much higher than in other cases.

2 model: Bank parent–non-bank subsidiaries (British model):
there is a legal in that the banking function is conducted in the corporate parent and non-banking functions
are conducted in separately incorporated subsidiaries. Compared to the German model, operational efficiency is inevitably reduced. On the other hand, this form has some advantages: losses are limited, tax benefits can be exploited, regulatory costs are reduced.

3 model: Holding company parent—complete legal separateness:
the US model is comparable to the British model, but here the company shell is the sole owner of the
banking subsidiary and is non-banking counterparts. In this model legal separateness is more extensive than in the former model and less potential for economies of scope, social benefits are higher than in the German model as the legal separateness simplifies regulation and supervision.

4 model: Holding company parent—complete legal and operational separateness:
holding company operates as an investment company and no operational synergies between the different parts are exploited. This model should not be considered as an integrated financial corporation, because this structure benefits from financial synergies. Also this model needs only limited supervision.

II typology is based on the basis of the relative proportion of their banking and insurance activities

(by the balance sheet total) was developed by the supervisor of the Dutch insurance companies and pension funds (Van den Berghe et al.1998), which was used for effective control of financial conglomerates:
- primarily banking financial conglomerates;
- primarily insurance financial conglomerates;
- mixed financial conglomerates.

III typology is based on the mode of entry strategies of banks into insurance industry (i.e. the mode of diversification) and to insurance companies entering the banking industry (Hoschka, 1994):

- De novo entry (start-ups): the relative success of this method of entry is often explained by the fact that with de novo entry, the strong cultural differences can be overcome more easily. The banks have a higher degree of control over the whole start-up process and they don't have to take into account an insurance partner with totally different culture.

- **Mergers/acquisitions**: is the next best option for banks and insurance companies because both a merger and acquisition have the advantage that it is easier to follow the same direction in the all finance approach; the expertise and experience for both the banking and the insurance domain is available in the group from the start.

- **Joint ventures**: is defined as a kind of a cooperation agreement between two or more independent companies, setting up a legally independent entity, owned and controlled by the parent companies (a bank and an insurance company). This method was frequently used in cross-border alliances.

- **Distribution alliances**: marketing agreements can be completed with substantial cross-shareholdings. This method of entry gives for companies the highest degree of freedom. The combined offering of insurance and credit services requires a lot of involvement to resolve the problems that will appear. With this method two parties will give up efforts more quickly and will pay attention to other priorities.

The studies which used the typology based on the mode of diversification found that de novo entries and mergers and acquisitions were most successful than joint ventures and distribution alliances (Hoschka, 1994).

Structures of financial conglomerates depend to a large extent from custom and practice in different countries, from rules or laws governing, not only by ownership of banks but also from activities in which banks can be involved. For example in Switzerland, Italy, Germany, France, Luxembourg, Netherlands securities business is considered to be something of a "natural" banking activity which can be organized within the legal entity of the bank or by separate subsidiary within financial conglomerate (http://www.riskinstitute.ch/136350.htm). There is no single structure of a financial conglomerate among different countries. Their character depends from sector representing in the holding company the major business of conglomerate. Also, a financial conglomerate can be primarily as security, insurance or a banking structure. Combining insurance and banking services generates scope

economies in terms of monitoring the customers, competition in the financial markets becomes more intense. The pro-competitive effect reduces the prices of the financial services, increases monitoring and improves financial stability. Also, increased monitoring allows regulators apply lower capital requirements for financial conglomerates (Malkonen, 2009). On the other hand, a financial conglomerate can consist of businesses where no one sector dominates in the character of the entity. For example, a financial conglomerate involved primarily in banking typically will be one in which the parent company is either bank, or a financial holding company, the most dominant subsidiary of which is an authorised credit institution. Smaller less important subsidiaries will include securities firms or insurance companies. Particularly, for supervisory purposes it is important to distinguish financial conglomerates whose interests are in financial activities from mixed financial conglomerates, which are commercially or industrially oriented, but have at least one regulated financial entity in their structure. Prudential rules—particularly capital adequacy requirements—are applied on a consolidated basis. This means when a bank owns subsidiaries or is itself owned by a parent company that owns a broader group of companies, the assets and liabilities of all these companies are considered in assessing whether or not the bank meets these relevant prudential standards (Schooner, Taylor 2010). Such mixing of commercially or industrially activities in financial conglomerates have raised the importance of the more complex supervisory issues. Some of these conglomerates are among the biggest financial groups which are active in the financial markets and provide services on a global basis. If such conglomerates, and, in particular, credit institutions, insurance undertakings and investment firms which are part of such a conglomerate, were to face financial difficulties, these could seriously destabilize the financial system and affect individual depositors, insurance policy holders and investors. Also breakups can potentially increase idiosyncratic volatility for parent firms through such channels as: loss of diversification (portfolio effect), change in growth opportunities, change in operational efficiency, and the flow and assimilation of information (information effect) (Desai, Savickas 2010).

References

1. Basel Committee on Banking Supervision (Basel Committee), 2001. Compendium of documents produced by the Joint Forum, Bank for International Settlements, July, 5 p.

2. Bikker. J.A., Van Lelyveld, I.P.P., 2003. Economic versus regulatory capital for financial conglomerates. In: Kuppens, T.G., Prast, H.m., Wesseling, SAT (Eds.), Banking, Supervision at the Crossroads.Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK.

3. Desai, Chintal A., Savickas, Robert, On the Causes of Volatility Effects of Conglomerate Breakups (May 9, 2010). Available at SSRN: http://ssrn.com/abstract=1364128 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1364128

4. Description of Financial Conglomerates and their Structures. 2009. The Supervision of Financial Conglomerates [accessed 2010-02-20]. <http://.riskinstitute.ch/136350.htm>.
5. Directive 2002/87/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2002. [accessed 2010-11-19].
<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/OJ:L:2003:035:0001:0027:en:pdf>
6. Estavillo, M; Knot, K., 2010. Analysis of the Differentiated Nature and Scope of Regulations. The Conglomerate's Conference "The "invisibilities" within the most visible. The challenge of supervising large complex groups in the financial sector". Brussels, Belgium 7 June.
http://ec.europa.eu/internal_market/financial-conglomerates/supervision_en.htm#congl omeratesconference>.
7. European Commission, DG Internal market and Services 2010. Info-letter: Financial Conglomerates.
Available from Internet: <http://ec.europa.eu/internal_market/financial conglomerates/supervision_en._htm>.
8. European Commission, Internal market directorate general. Towards an EU Directive on the Prudential Supervision of Financial Conglomerates. Consultation document, MARKT/3021/2000.
9. Iman van Lelyveld and Klaas Knot, 2009. Do financial conglomerates create or destroy value? Evidence for EU. Journal of banking and Financ, (33): 2312-2321.
10. Herring R.J; and Santomero A.M. 1990. The Corporate Structure of Financial Conglomerates, Journal of Financial Services Research: 471-497.
11. Hoschka, T.C.1994. Bancassuarance in Europe, The Macmillan Press, Ltd., Houndmills. 137 p.
12. Malkonen, V. 2009. Financial conglomeration and monitoting incentives, Journal of Financial Stability5(2): 105-123.
13. Ogrean, C., et al. 2008. Searching for New paradigms in a Globalized World: Business Ethics as a Management Strategy. Journal of Business Economics and Management 9(2).
14. Review of the Differenciated Nature and Scope of Financial Regulation. The Joint Forum Basel Committee on Banking Supervision, January 2010.
15. Schooner, H. M.; Taylor, M.W. 2010. Consolidated supervision and Financial Conglomerates. Global Bank Regulation: Principals and Policies: 205-222.
16. Smith, K.V.; Weston, J.F. 1977. Futher evaluation of conglomerates performance. Journal of Business Research5(1):5-14.
17.Van den Berghe, L. A. A.; Verweire, K. 1998. Creating the Future with All Finance and Financial conglomerates,Dordrecht.: Kluwer Akademic publishers. 251 p.
18. Yan, A, 2006. Value of Conglomerates and Capital Market Conditions. International Journal of Financial Management 35(4): 3-5
19. Europos Sąjungos oficialus leidinys. 2014 4 3. L 100/1. [Interaktyvus]. [Žiūrėta 2015-05-25].

file:///C:/Users/valentina/AppData/Local/Microsoft/Windows/Temporary Internet Files/Content.IE5/X1JKIYB.

[1]Kęstutis Peleckis, [2]Valentina Peleckienė, [3]Gitana Dudzevičiūtė
[1] kestutis.peleckis@vgtu.lt , Vilnius Gediminas technical university, Saulėtekio av. 11, LT-10223 Vilnius, Lithuania;
[2] valentina.peleckiene@vgtu.lt, Vilnius Gediminas technical university, Saulėtekio av. 11, LT-10223 Vilnius, Lithuania;
[3]gitana.dudzeviciute@vgtu.lt, Vilnius Gediminas technical university, Saulėtekio av. 11, LT-10223 Vilnius, Lithuania, The General Jonas Žemaitis Military Academy of Lithuania, Šilo Str.5A, LT-10322 Vilnius, Lithuania

THE DYNAMICS OF THE FINANCIAL CONGLOMERATES AND THEIR VALUE ESTIMATION

The Joint Committee on Financial Conglomerates (JCFC) coordinates the identification of financial conglomerates and every year announces the new list of identified financial conglomerates (http://ec.europa.eu/internal_market/financialconglomerates/supervision_en.htm).

Table 1 below shows the dynamics of the financial conglomerates during the period of 2005-2014 years.

Table 1. The number of identified financial conglomerates

Financial conglomerates with:	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2014**
1. Head of group in the EU/EEA	62	74	61	59	57	71
2. Head of group outside of the EU/EEA:	-	-	8	8	4	5
2.1. In Switzerland	-	-	2	2	2	2
2.2. In the USA	-	-	5	5	2	2
2.3. In Australia	-	-	1	1	-	1

Source: JCFC statistics, analysis by authors.

Table 1 shows the number of the financial conglomerates with head of group in EU/EEA in 2006 year which compose of 62 European groups (end 2005 figures). At the end of 2009 year this number composed of 57 European groups and 4 groups with head of group outside the EU/EEA territory. In 2014 amount of financial conglomerates was 71. About 35 of them are small and operate

mainly domestically with a relatively small number of licenses. A typical large conglomerate has over 400 licenses in several jurisdictions and several sectors (banking, life and/or non-life insurance, asset management). The biggest conglomerates may have over 1000 legal entities or licenses. Their ability to substitute capital markets with internal capital markets creates value for conglomerates when the financing cost in external markets is high (Yan, 2006). As financial conglomerates are complex of different financial products, investors and analysts are interested in adequate valuation of such companies. Existing literature generally analysis non-financial firms (Berger and Ofek, 1995) or banks combining investment and commercial banking and show significant diversification discounts: firms that engage in multiple activities are valued less. In this article we shall overlook the results of first attempt in literature to analyze the valuation of cross-sectoral groups, combining banking and insurance described in Journal of Banking & Finance (Lelyveld and Knot, 2009). The main target of researchers was to answer to the question - are companies concerning banking and insurance within a single entity valued at more or less than the sum of their constituting parts, i.e. is there a premium or a discount, and if so, what causes this discount. For this purpose above mentioned authors made analysis on the value of 45 largest financial conglomerates that have been published by the EU in 2006. The researchers main measure of interest was the benchmark market-to-book value of financial conglomerates as imputed from the weighted combination of their stand-alone valuations by the formula:

$$Q_t = \sum_{j=1}^{n} wa_{kjt}\left(\left(\sum_{i=1}^{N_{j-1}} A_{it}\right)\sum_{i=1}^{N_j} A_{it}Q_{it}\right), \qquad (1)$$

where: *wa*– the weight for each sector with k being either total assets or sales;
n = 2 (banking and insurance);
A_i - stands for assets;
Q_i – market- to- book value of each single sector firm;
n= 45.

For each conglomerate in research formula the authors used the relative weight of banking compared to insurance within the conglomerate (measured by assets or sales) to combine the average market-to-book valuation of standalone banks and insurers. They also compute an alternative specification of (1) where they computed the median instead of the average market-to-book value for each of the two sectors (changing the part within the brackets). The authors compared the mean and median valuation benchmarks to actual conglomerate market-to-book valuation, and subsequently tested for the various theories formulated to explain diversification benefits or discounts such as riskiness, liquidity, mispricing. After empirical analysis of the key valuation measures (size, time, the degree of heterogeneous and riskiness) results of calculations were (Lelyveld and Knot, 2009):

- 52% of the researched financial conglomerates had a premium;
- 48% of the researched financial conglomerates had a discount.

Besides this, the research of financial conglomerates by priorities of the key valuation measures showed the results as follows:

- the first prior: larger conglomerates had more opportunities for inefficient cross-subsidization and faced a larger discount, was strongly confirmed;
- the second prior: the discount would be reduced as conglomerates become less opaque, was also approved by the data; time trend prior was significantly positive, suggesting that investors need a time to appreciate the financial conglomerate business model over time; the mixed variable was marginally significant ;
- the third prior: based on the risk shifting argument also was kept - an increase in risk positively affected the excess value and as risk decreased through diversification within conglomerate, value shifted from equity holders to debt-holders.

Some authors (Bikker and Van Lelyveld, 2003) are explaining that the risk reducing effect of insurance-banking conglomerates is arising from the balance sheets that are mirror images: banks borrow short term and lend long term, while insurers (life) take on liabilities for longer time then the securities they can invest in. Thus, the constant cash flow in such financial conglomerate leads to its higher valuation.

Thus, summarizing the results on the research of the valuations of financial conglomerates acting in banking and insurance in the literature, in contrast to previous studies, can be assumed that the researchers could not find universal diversification discount of the value of financial conglomerates but significant variability. This can be explained that financial conglomerates are relatively new phenomenon in the financial sector and that financial markets still need the time to become more familiar with the financial conglomerates business model. In respect of this supervision of financial conglomerates needs great consideration.

In 2000 the G10's Joint Forum of financial sector supervisors released the principles of supervising financial conglomerates. The leading idea was that groups in the financial sector, which are operating in several markets and with many regulated entities, were exposed to risks, which had nothing to do with the banking business or with the insurance business, but which had everything to do with the challenge of controlling a group of many different legal entities. These group risks: the risks of contagion, of risk concentration, of management complexity and conflicts of interest, justified more intense, and a different kind of supervision of larger, more complex groups, than the smaller, simpler groups (Estavillo, Knot 2010).

Directive 2002/87/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2002 on supplementary supervision of credit institutions, insurance undertakings and investment firms in a financial conglomerate and amending Council Directives 73/239/EEC, 79/267/EEC, 92/49/EEC, 92/96/EEC, 93/22/EEC and Directives 98/78/EC and 2000/12/EC of the European Parliament and of the Council (Financial Conglomerate Directive) fulfilled the lack of

prudential supervision on a group-wide basis of credit institutions, insurance undertakings and investment firms which are part of such a conglomerate.

In particular serious attention was given to the solvency position and risk concentration at the level of the conglomerate, the intra-group transactions, the internal risk management processes at conglomerate level, and the fit and proper character of the management. The Financial Conglomerates Directive entered into force from the 1 of January 2005.

The Directive introduced supplementary supervision of financial conglomerates on a group-wide basis. It aimed to target those conglomerates with activities in the European Economic Area (EEA) that are among the largest global financial groups in the region to ensure that their activities do not seriously destabilize the financial system.

There are two meanings of the Directive: if the parent undertaking of the financial conglomerate is in the EEA and outside EEA. In the first case the Directive requires that a regulatory coordinator must be appointed to exercise supplementary supervision over the financial conglomerate. There is a procedure for identifying the coordinator which is generally the regulator of the parent undertaking heading a financial conglomerate. When a financial conglomerate is not headed by a regulated entity, there are rules for identifying the coordinator based upon the relative size and jurisdiction of the regulated sectors or entities within the financial conglomerate.

In second case, for financial conglomerates, the Directive requires the regulator that would be the coordinator if the identification procedure laid down in the Financial Conglomerates Directive were applied to verify whether the regulated entities in the group are subject to supervision by a third country regulator "equivalent" to that provided by the Directive. This regulator is required to consult with the other European regulators of the group's entities and consider any guidance issued by the European Financial Conglomerates Committee before taking this decision. If no third country having equivalent supervision can be identified, the provisions of the Directive may be applied "by analogy" to the regulated entities of the group in the EEA. Also alternatively, the European regulators may agree on other methods to ensure appropriate supplementary supervision: these can include the requirement to establish a holding company for the regulated entities in EEA.

The Financial Conglomerates Directive required the coordinator to exercise supplementary supervision by a variety of methods:

- supplementary supervision of the conglomerate's capital adequacy;
- monitoring and requiring the annual reporting of significant risk concentrations at the level of the financial conglomerate;
- monitoring and requiring annual reporting of significant intra-groups transactions (above 5 percent of the financial conglomerate's capital requirement are presumed significant).

Solvency is one of the key areas of the Financial Conglomerates Directive. Financial conglomerates must have adequate capital and the possibility for

double gearing of own funds within a conglomerate to be eliminated. The Directive defines 3 methods for calculating capital adequacy at group level:

1. **The accounting consolidation method**, which is based on consolidated accounts and compares the consolidated own funds with the sum of the solvency requirements for each different financial sector which are calculated according the corresponding rules of sector;

2. **The deduction and aggregation method** is based on "solo" accounts and compares the sum of the own funds of each regulated and unregulated financial entity in the group with the sum of solvency requirements for each regulated and unregulated financial entity in the group together with the book value of the participations in other entities of the group;

3. **The book value/requirement deduction method** is based on solo accounts but is driven by the parent undertaking's capital with the sum of its capital requirements and the higher of the book value of its participation in the other entities in the group and these entities corresponding solvency requirements.

The Financial Conglomerates Directive also provides for the appointment of supervisory authorities as a "coordinator" responsible for the supplementary supervision aspects and the coordination of the other supervisory authorities.

The Directive adopted a series of actions which were needed to complete the Single Market in Financial Services, and approved supplementary prudential legislation for financial conglomerates which abolished loopholes in the sectoral legislation and ensured sound supervisory arrangements to financial groups with cross-sectoral financial activities.

Just as the insurance and banking industries are different, the regulation and supervision of these two sectors differ in profound ways. But common to the regulation of banks and insurers is consumer protection.

References

1. Basel Committee on Banking Supervision (Basel Committee), 2001. Compendium of documents produced by the Joint Forum, Bank for International Settlements, July, 5 p.

2. Berger, P.G., Ofek, E.,1995. Diversification's effect on firm value. Journal of Financial Economics (37): 39-65.

3. Bikker. J.A., Van Lelyveld, I.P.P., 2003. Economic versus regulatory capital for financial conglomerates. In: Kuppens, T.G., Prast, H.m., Wesseling, SAT (Eds.), Banking, Supervision at the Crossroads.Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK.

4. Desai, Chintal A., Savickas, Robert, On the Causes of Volatility Effects of Conglomerate Breakups (May 9, 2010). Available at SSRN: http://ssrn.com/abstract=1364128 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1364128

5. Description of Financial Conglomerates and their Structures. 2009. The Supervision of Financial Conglomerates [accessed 2010-02-20]. <http://.riskinstitute.ch/136350.htm>.

6. Directive 2002/87/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2002. [accessed 2010-11-19]. <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/OJ:L:2003:035:0001:0027:en:pdf>
7. Duksaitė, E.; Tamošiūnienė, R. 2009. Why companies decide to participate in mergers and acquisition transactions. Mokslas - Lietuvos ateitis [Science – future of Lithuania. Vilnius: Technika, 1(3): 21-25.
8. Estavillo, M; Knot, K., 2010. Analysis of the Differentiated Nature and Scope of Regulations. The Conglomerate's Conference "The "invisibilities" within the most visible. The challenge of supervising large complex groups in the financial sector". Brussels, Belgium 7 June. http://ec.europa.eu/internal_market/financial-conglomerates/supervision_en.htm#congl
omeratesconference>.
9. European Commission, DG Internal market and Services 2010. Info-letter: Financial Conglomerates. Available from Internet: <http://ec.europa.eu/internal_market/financial
conglomerates/supervision_en._htm>.
10. European Commission, Internal market directorate general. Towards an EU Directive on the Prudential Supervision of Financial Conglomerates. Consultation document, MARKT/3021/2000.
11. Iman van Lelyveld and Klaas Knot, 2009. Do financial conglomerates create or destroy value? Evidence for EU.
Journal of banking and Financ, (33): 2312-2321.
12. Ginevičius, R.; Bivainis, J.; Melnikas, B. ir kiti. 2005. Šiuolaikinis verslas: tobulinimo prioritetai. Kolektyvinė monografija. Vilnius: Technika. 446 p.
13. Herring R.J; and Santomero A.M. 1990. The Corporate Structure of Financial Conglomerates, Journal of Financial Services Research: 471-497.
14. Herring, R. 2003. International Financial Conglomerates: Implications for Bank Insolvency Regimes. Wharton School , university of Pennsylvania: 1-38.
15. Hoschka, T.C.1994. Bancassuarance in Europe, The Macmillan Press, Ltd., Houndmills. 137 p.
16. Lapinskienė, G.; Tvaronavičienė, M. 2009. Sustainable Development Across Central and Eastern Europe: Key Factors Driwing the Economic Growth of the Countries, verslas: teorija ir praktika10 (3): 204-214.
17. Malkonen, V. 2009. Financial conglomeration and monitoting incentives, Journal of Financial Stability5(2): 105-123.
18. Ogrean, C., et al. 2008. Searching for New paradigms in a Globalized World: Business Ethics as a Management Strategy. Journal of Business Economics and Management 9(2).
19. Patrick M. Liedtke, 2008. On crisis and Regulation, The Geneva Reports, Anatomy of the credit crisis: 53-57.
20. Review of the Differenciated Nature and Scope of Financial Regulation. The Joint Forum Basel Committee on Banking Supervision, January 2010.
21. Schooner, H. M.; Taylor, M.W. 2010. Consolidated supervision and Financial Conglomerates. Global Bank Regulation: Principals and Policies: 205-222.

22. Smith, K.V.; Weston, J.F. 1977. Futher evaluation of conglomerates performance. Journal of Business Research5(1):5-14.
23.Van den Berghe, L. A. A.; Verweire, K. 1998. Creating the Future with All Finance and Financial conglomerates,Dordrecht.: Kluwer Akademic publishers. 251 p.
24. Yan, A, 2006. Value of Conglomerates and Capital Market Conditions. International Journal of Financial Management 35(4): 3-5
25. Europos Sąjungos oficialus leidinys. 2014 4 3. L 100/1. [Interaktyvus]. [Žiūrėta 2015-05-25]. file:///C:/Users/valentina/AppData/Local/Microsoft/Windows/Temporary Internet Files/Content.IE5/X1JKIYB.

Савчук А.Э.
студент, Астраханский Государственный Технический Университет

ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Здравоохранение – важнейшая часть культурного, социального и экономического развития страны. Главной задачей его модернизации в России является доступность и повышение качества медицинской помощи для всех слоев населения. Система обязательного медицинского страхования играет основную роль в решении этой задачи. Однако, помимо ОМС, существует программа добровольного медицинского страхования, не слишком актуальная для ряда компаний и граждан. Необходимость выявления проблем и факторов, влияющих на развитие систем обязательного и добровольного медицинского страхования обусловили актуальность темы данного исследования.

Острыми в настоящее время являются проблемы нерационального и нецелевого использования средств обязательного медицинского страхования во всех звеньях данной системы, слаборазработанные и практически не используемые возможности привлечения дополнительных ресурсов в систему обязательного медицинского страхования, неразвитость ДМС. Однако продолжающийся процесс развития медицинского страхования, стремительное изменение страхового и налогового законодательства, недостаточная научная обоснованность решений назревших проблем обусловили необходимость теоретического осмысления имеющегося опыта и углубления исследований по рассматриваемой проблематике. Острыми в настоящее время являются проблемы нерационального и нецелевого использования средств обязательного медицинского страхования во всех звеньях данной системы.

Слабо разработаны и практически не используются возможности привлечения дополнительных ресурсов в систему обязательного медицинского страхования. Для решения этих проблем необходимо внедрять опыт социальноориентированных стран в области медстрахования: Швеции, Германии, Норвегии.

Система обязательного медицинского страхования, основанная на одном договоре страхования, обеспечивает прозрачность финансовых средств системы здравоохранения, и позволяет точно разграничивать финансовые средства, поступившие медицинской организации в рамках ее деятельности в системе обязательного медицинского страхования, и средства, перечисленные собственником медицинской организации в качестве финансирования, что, без сомнений, является большим преимуществом. Однако эта система требует кардинального обновления, так как качество услуг, предоставляемых в рамках обязательного медицинского страхования, страдает от недостатка высококвалифицированных кадров. Для решения этого вопроса, следует изменить систему подготовки врачей, обновить систему поликлинической помощи.

Реальная бюджетно-страховая система финансирования, сложившаяся к настоящему времени в нашей стране, существенно отличается от первоначального замысла, реализованного в законе о медицинском страховании. Существующий механизм финансирования не обеспечивает прав граждан на бесплатное получение медицинской помощи. За счет имеющихся бюджетных средств можно обеспечить действительно бесплатное лечение для хотя бы части пациентов. Вместо этого выделяемые бюджетные средства фактически «размазываются» на всех пациентов, и с большинства из них требуют дополнительной оплаты [1].

Проблемы финансирования здравоохранения РФ привели к неэффективности системы финансирования, недостаточности финансовых средств. Как было выявлено основными причинами неэффективности являются разрыв между государственными гарантиями бесплатного предоставления медицинской помощи населению и их финансовое обеспечение; незавершенность введения страховой системы финансирования здравоохранения, эклектичность сочетания элементов старой и новой систем финансирования, отсутствие стимулов к эффективному использованию ресурсов.

Необходимо модернизировать систему как обязательного, так и добровольного медицинского страхования. Для этого требуется совершенствование государственного регулирования правовых, экономических, организационных отношений в сфере производства, продажи, потребления платных медицинских услуг населению.

Следует, однако, отметить, что в России пока не сложилось эффективной модели взаимодействия добровольного и обязательного страхования, при этом добровольное медицинское страхование характерно

в основном для сотрудников крупных корпораций. Проблема эффективности расходования средств ОМС также стоит на повестке дня, особенно в условиях экономического кризиса. Поэтому чрезвычайно важным представляется выбор оптимальной модели развития медицинского страхования, учитывающей опыт развитых зарубежных стран [2].

Несмотря на то, что медицинское страхование, как впрочем, и все другие виды страхования в России за последние 10 лет сделало огромный шаг вперед, мы все еще отстаем от развитых стран по этому показателю. И поэтому, как и для многих других сфер экономики, пришедших к нам после перестройки, для страхования в России открываются огромные возможности для развития. Российская система добровольного медицинского страхования требует реформирования с учетом современного состояния материально-технической базы медицинских учреждений, уровня благосостояния населения и той финансовой помощи, которая оказывается государством отечественным медицинским учреждениям. Именно добровольное медицинское страхование должно стать мощным инструментом повышения эффективности российского здравоохранения. Так как опыт развитых стран доказывает, что именно добровольное медицинское страхование - наиболее эффективный механизм финансирования медицины.

Список литературы

1. Гвозденко А. А. «Страхование», 2006. – 464 с.
2. Бабеева Н.И., Гаврилина Н.Е., Чудакова Н.И. "Страховой рынок РФ в современных условиях". Монография. Астрахань. 2014 г.

Скорев М.М.
профессор, д.э.н., ФГБОУ ВПО РГУПС
Кирищиева И.Р.
доцент, д.э.н. ФГБОУ ВПО РГУПС

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В УПРАВЛЕНИИ ТРУДОМ

Управление трудом направлено на специалиста, воздействующего на предмет труда с целью повышения показателей работы, преумножая ее качество. Это положительно сказывается в целом на эффективности труда. Инструментарий управления направлен на работника, но с акцентом преобладающих производственных отношений, который в современных условиях смещается в сторону мотивации в сторону повышения уровня профессионализма. Эта концепция согласуется с императивами факторов роста эффективности труда, представленные в таблице 1.

Таблица 1- Факторы роста эффективности труда

Фактор	Содержание фактора
Материально-технические	Совершенствование производства путем: - повышения уровня модернизации производства: внедрение автоматизированного оборудования и автоматизированных систем производства; - внедрения новых прогрессивных технологий; - использования новых видов сырья, прогрессивных материалов и др.
Организационно-экономические	Совершенствование организации управления производством путем: - улучшение материальной, технической и кадровой подготовки производства; - улучшение разделения и кооперации труда; - использование гибких форм организации труда; - улучшение профессионального подбора кадров их подготовки и повышение квалификации; - улучшение условий труда, рационализация режимов труда и отдыха; - совершенствование систем оплаты труда, повышение их стимулирующей роли -сертификации квалификации
Социально-психологические	Повышение качества трудовых ресурсов путем: - поощрение трудовой активности - формирование ценностных ориентаций работников

Все факторы выполняют отдельную задачу, но в той или иной мере зависят непосредственно от субъекта управления. Инновации и модернизация оборудования, как материально-технический фактор, возможны благодаря не самим финансовым вложениям, а участию субъекта, который будет качественно подготовлен к работе на новом оборудовании и способен приносить пользу предприятию, вносить свои

специфические знания в его развитие. Эта роль подкреплена научной организацией труда посредством повышения квалификации специалистов и поддержки инноваций в отрасли, а также зависит от материального стимулирования работников. Именно поэтому, на стимулирующие выплаты и оплату труда специалистов отводится большая часть денежных средств хозяйствующих субъектов.

Организационно-экономический фактор также подразумевает высокую компетенцию специалистов и уровень их заинтересованности в росте эффективности труда на предприятии, что зависит от кадровой подготовки и ее финансирования. Социально-психологический фактор, задача которого –повышение качества работы трудовых коллективов, в полной мере доказывает необходимость формирования коллективного мышления, преследующему конкретную цель, а именно, рост производительности и эффективности труда. Это возможно посредством группового стимулирования персонала в достижении поставленной цели. Можно заключить, что именно субъект управления с багажом его знаний и стимулов, является центром внимания всех факторов роста эффективности труда.

Именно поэтому, основная доля финансовых вложений хозяйствующих субъектов уходит на поощрение специалистов с целью создания стимула к работе, на повышение уровня их компетенции и профессионализма. Но стоит отметить, что групповое стимулирование, где уровень поощрения всех сотрудников отдела или подразделения будет зависеть от их коллективного выполнения конкретной задачи, применяется крайне редко. Это немаловажно в формировании коллективного мышления предприятия в целях повышения эффективности труда. Так же мало внимания уделяется выявлению тех стимулов, которые максимизируют степень вовлеченности специалиста в работу для достижения цели предприятия.

По мнению многих отечественных исследователей, человек хорошо работает только тогда, когда процесс ему нравится или приносит финансовую выгоду. Сочетание этих двух параметров является бесценным, ведь нравится человеку работать на любимом и хорошо оплачиваемом месте. Оплата труда здесь является не ключевым звеном. Основным стимулом к увеличению производительности и качества работы является именно мотивация. Для оценки эффективности управления трудом и своевременной корректировки инструментария управления необходимо получение обратной связи от специалистов о том, что, по их мнению, влияет или может повлиять на процесс положительно с точки зрения самого субъекта, какие стимулы наиболее результативны и какова их роль.

Обратная связь в управлении трудом позволяет регулировать и корректировать инструменты воздействия на конечную цель с помощью коллективного суждения всех субъектов управления. Без обратной связи цепь инструментов будет разомкнута и не согласована, что противоречит

системному подходу к инструментарию, поэтому ее получение является одним из важнейших понятий в управлении трудом. Без получения обратной связи от специалистов, вклад средств может стать пустым и неэффективным, вовсе не оправдывая надежд и поставленной цели предприятия.

Таким образом, незначительное, на первый взгляд воздействие на систему управления производительностью труда посредством опроса, как прямого вербального способа получения обратной связи, выражения индивидуального мнения и мнения групп субъектов способно глобально сместить акценты финансовых вложений, минимизировать риски получения неэффективной системы и отсутствия желаемого результата. Следствием не учета такого незначительного элемента выступают огромные потери средств хозяйствующего субъекта, которые могут быть безвозвратно утеряны в направлении, не несущем никакой целевой пользы, снижение заинтересованности сотрудников, влекущее снижение показателей и увеличение текучести кадров. Если эти негативные воздействия произойдут, последствия затрагивают три направления: трудовой коллектив теряет свою эффективность, денежные средства применяются впустую и общая репутация хозяйствующего субъекта как работодателя – меняется не в лучшую сторону. Такое свойство обратной связи, вполне схоже с «эффектом бабочки», где любое незначительное влияние на систему может иметь большие последствия в другом месте и в другое время. Так, и обратная связь может не только корректировать систему инструментов управления трудом, но и минимизировать потери, риски вложений предприятия в этот инструментарий, сокращать сроки для достижения необходимых значений, позволяет формировать новый коллективный интеллект с комплексом позиций, позволяющих выявить общее направление деятельности предприятия.

Система обратной связи должна быть достаточно отлаженным механизмом и осуществляться двумя основными способами: фоновым и направленным. Критериями фоновой обратной связи выступают такие средства как сбор информации от подчиненных разных линейных уровней и структурных подразделений на регулярных совещаниях посредствам использования ящиков обратной связи; личные приемы руководителей разного уровня; обратная связь на корпоративном портале предприятия. Данная форма достаточно эффективно работает в связи с тем, что изучения различных откликов и обращений имеет выраженную регулярность и периодичность мониторинга и анализа обращений, а также отражения результатов, принятых по ним решений.

Критериями направленной обратной связи являются: ограниченность параметра времени, конкретизация субъекта восприятия для оценки целесообразности его действий, возможность быстрой корректировки нецелесообразных бизнес-процессов. Эта форма обратной связи дает возможность получать информацию о правильности исполнения

поставленных производственных задач в течение конкретного рабочего периода (час, смена, сутки). Такая обратная связь рассчитана на то, что в этот конкретный промежуток времени будет определены целесообразные действия работника или коллектива, или же следует внести коррективы в нецелесообразные бизнес-процессы.

В контексте инструментария управления трудом, корректировка и совершенствование существующего комплекса вполне возможны благодаря обратной связи. Позволяя оценить эффективность существующего инструментария и скорректировать его дальнейшее применение посредством опросов специалистов, обратная связь так же может использоваться и в противоположном направлении. «Фитбэк» от экспертов, оценивающих деятельность трудового коллектива, влияет на направление работы групп субъектов, выявляет «узкие места» в трудовом процессе, повышает уровень их заинтересованности в достижении цели, так как сумма вознаграждения напрямую зависит от степени достижения поставленной цели предприятием, а также, позволяет выявить слабые зоны в системе этого специфического управления.

Таким образом, можно отметить, что наличие в системе управления трудом обратной связи позволяет координировать весь процесс. В рамках предприятия, обратная связь выражается в виде оценки деятельности группы сотрудников (отдел, структурное подразделение, дирекция) посредством их группового стимулирования. Это определяет универсальную логическую цепь «цель – оценка меры достижения – вознаграждение», где целью является эффективность труда, групповое вознаграждение может быть увеличено пропорционально степени выполнения поставленных задач в достижении цели, а оценка основывается на соревнованиях групп специалистов за первое место в рейтинге, от которого зависит их дополнительное вознаграждение. Благодаря такой цепи, в контексте управления трудом с критериями оценки деятельности отдела или подразделения и, мерилом дохода всех его участников, рост данного показателя с акцентом на качество для высшего места в рейтинге, становится ключевой целью групп субъектов этого специфического управления. Такой метод оценки, который позволяет одновременно стимулировать работников, корректировать и контролировать их деятельность, а также получать и давать обратную связь в ходе процесса, можно назвать «Системой рейтинговой оценки с обратной связью».

SECTION XIV. Philosophy of Science (Философские науки)

Калиничева Г.И.
кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом научно-информационной и редакционно-издательской деятельности Украинского

научно-исследовательского института архивного дела и документоведения
г. Киев, Украина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ

Актуальность проблемы развития предпринимательских университетов, аккумулирующих и приумножающих собственный интеллектуальный потенциал, формирующих интеллектуальный капитал нации, а также способствующих системной интеграции образования, науки и внедрению в промышленность технических и технологических инноваций, обусловлена потребностями современного общества знаний.

Исследование инновационного характера международной конкурентоспособности предпринимательских университетов имеет объективный характер, поскольку передовой опыт и прогрессивная практика в этой области может быть полезной при разработке в Украине эффективной государственной политики, направленной на развитие и поддержку национальных исследовательских университетов.

Проблемы места и роли исследовательских и предпринимательских университетов в современном обществе в ведущих странах мира и в Украине, проблемы инновационного предпринимательства в сфере высшего образования, применения модели «тройной спирали» и ее целесообразности для инновационного развития вуза, промышленности и общества освещены в многочисленных публикациях зарубежных и отечественных ученых: Е. Аткинсона, В. Бакирова, А. Грудзинского, М. Денисенко, М. Згуровского, И. Егорова, Г. Ицковица, Б. Кларка, С. Квита, В. Коппола, Ф. Котлера, В. Кременя, А. Куклина, Л. Лесли, С. Маргинсона, А. Мещанинова, Р. Лестера, А. Романовского, Д. Салми, А. Чернакова, И. Чикаренко, Е. Хаккета, С. Слотера, А. Якименко и многих других. Однако, в украинской историографии крайне мало комплексных работ, посвященных роли научного потенциала университетов в обеспечении инновационного прорыва Украины в направлении создания высокотехнологичной конкурентоспособной экономики и обеспечения устойчивого общественного развития, что детерминирует дальнейшее системное исследование этой проблемы.

Цель статьи – анализ проблем предпринимательской деятельности исследовательских университетов в Украине и определение направлений оптимизации взаимодействия в триаде «университет – власть – бизнес».

Понятие «предпринимательский университет» Бертон Р. Кларк использовал в качестве характеристики социальных систем, то есть всех университетов и их внутренних отделений, научно-исследовательских центров, факультетов и школ, стремящихся к инновациям в своей работе, которые сопряжены с принятием рисков при освоении новых практик. По

его убеждению, предпринимательский университет «…хочет существенно изменить характер организации для того, чтобы оказаться в будущем в более благоприятном положениии. […] Предприимчивость университетов можно считать одновременно процессом и результатом» [8, с. 19-20].

Развитие предпринимательских университетов является важной стоставляющей концепции (модели) «тройной спирали», основная идея которой состоит в том, что в системе инновационного развития доминирующие позиции имеют социальные институты, ответственные за создание нового знания [1]. Так, по убеждению Г. Ицковца в XXI веке общественно-экономическое развитие наиболее эффективно обеспечивается через тесное взаимодействие трех субъектов инновационной системы: университетов, бизнеса (предпринимательства и производства) и органов власти (как центральной, так и местной). Вследствие увеличения роли знаний и информации, центральное место в триплексе «университет – власть – бизнес» должно принадлежать обновленным высшим учебным заведениям, которые становятся ведущими центрами направления и реализации государственной инновационной политики [2].

Опыт развитых стран мира показывает, что классический университет, сохраняя всю свою академическую составляющую, постепенно превращается в исследовательский (предпринимательский), что отражает новую модель рыночно ориентированного академического высшего учебного заведения. Основу новой миссии университета составляет капитализация знаний, способствующая развитию «академического капитализма», то есть превращению научной и преподавательской деятельности в предпринимательство, при котором осуществление исследовательских проектов оказывается в прямой зависимости от получения денежных субсидий отдельных корпораций [4; 5].

По убеждению Б. Р. Кларка, для трансформации классических университетов в предпринимательские необходимы пять элементов: 1) усиленное направляющее ядро (a strengthened steering core); 2) расширенная периферия развития (an enhanced development periphery); 3) диверсифицированная база финансирования (a discretionary funding base); 4) стимулируемый академический оплот (Stimulated academic heartland); 5) интегрированная предпринимательская культура (an integrated entrepreneurial culture [8, с. 21-22].

Сейчас предпринимательские университеты эффективно функционируют во многих странах Северной и Южной Америки, Западной Европы, Азии, Австралии, а также в России. По экспертным расчетам, в современном мире более 3/4 экономического роста достигается за счет применения новых знаний и внедрения достижений научно-технического прогресса. Начальная граница инновационной модели мировой экономики определяется на уровне 40% инновативности, а по показателю наукоемкости ВВП – не ниже 2,5%. Инновативность украинской экономики

не превышает 10-12%, уровень производительности труда в Украине в 5-7 раз меньше, чем в развитых странах, большинство отраслей экономики – неконкурентоспособны, что демонстрируют результаты рейтинга глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Так, Украина сегодня находится на 76 позиции из 144, при этом, занимая 40 место по уровню развития высшего образования и обучения, наша страна значительно уступает многим странам по показателям инноваций и бизнес-привлекательности (92 место) [6]. В рейтинге мировых университетов Times Higher Education 2014-2015 двадцатка лучших университетов остается неизменной: 15 американских, 3 британских, 1 швейцарский и 1 канадский университет [7]. Украинские университеты в этом рейтинге не значатся.

Учитывая вышеизложенное, неотложной задачей для Украины является обеспечение инновационного развития университетской и академической науки. Первым шагом по изменению статуса университетов и усиления степени интеграции между высшим образованием и наукой в Украине можно считать принятие нормативно-правовых документов, которые дали толчок для развития исследовательских университетов [9-11]. Предоставление исследовательского статуса для отдельных университетов предусматривало, прежде всего, создание условий не для массового, а для элитного высшего образования, основанного на сочетании трех составляющих: обучении, научных исследованиях и внедрении инновационных технологий. Очевидно, что основной задачей таких университетов является эффективный трансфер технологий, поэтому в их основе должны функционировать предпринимательские центры, которые будут осуществлять достаточно широко и четко определенный объем исследовательских работ. В Украине по такой модели сегодня работают научный парк «Киевская политехника» при Национальном университете «КПИ», Научный парк Киевского национального экономического университета имени Вадима Гетьмана, Инновационно-инвестиционный кластер «Тернопольщина» на базе Тернопольского национального технического университета и несколько других исследовательских центров. Сегодня статус исследовательских имеют 14 украинских университетов, но, к сожалению, он не создает нового качества научных исследований и не влечет за собой увеличения финансирования. Существующие в Украине технопарки уже готовы выполнять государственные заказы на создание инновационной продукции, трансфер технологий, организацию отечественного производства импортозамещающих продукции, но таких заказов им не дают. Без востребованности науки, без создания под эгидой государства благоприятного климата для привлечения инноваций в экономику не стоит ожидать улучшения социально-экономических показателей.

Перспективность развития предпринимательских университетов в Украине подтверждают темпы развития ИТ-сектора, а объемы экспорта

информационных технологий и признанный в мире успех украинских ИТ-специалистов международные эксперты связывают с конкретными университетами и высоким качеством образования в них. В то же время, успехи украинских ИТ-компаний, которые функционируют на профильных факультетах ведущих украинских технических университетов, обусловлены высокой степенью инновационной предпринимательской активности, в том числе международной [3]. Это свидетельствует о реальной перспективе высокотехнологичной инновационной деятельности в вузах, позитивном восприятии предпринимательства и готовности к открытию собственного дела.

Процесс внедрения инновационной модели «тройной спирали» и, соответственно, деятельность предпринимательских университетов в Украине, имеет свои особенности и сложности. Так, основной объем фундаментальных научных исследований выполняется не университетами, как в большинстве стран мира, а институтами Национальной академии наук. В свою очередь, высшие учебные заведения, осуществляя подготовку кадров (в том числе и высшей квалификации), проводят научные исследования при незначительных объемах финансирования на устаревшей научной базе. Усложняется процесс развития предпринимательских университетов несовершенством нормативно-правовой базы в этой сфере, а также низкой активностью бизнеса в создании инновационного продукта из-за достаточно высоких рисков. Существенно откладывают инновационное развитие университетов ограниченность государственного финансирования научной отрасли, специфика государственного регулирования образования, науки и инновационной деятельности (централизованный, ведомственный тип), а также отсутствие возможностей для подготовки молодых инноваторов.

Поскольку нынешний уровень развития украинской экономики пока не создает достаточных условий для заказа научного продукта, то целесообразным видится развитие уже существующих и внедрение новых форм организации взаимодействия университетов и институтов НАН Украины, особенно на региональном уровне. Интеграция исследований, осуществляемых в научных учреждениях и университетах, проведение совместных комплексных научных программ и масштабных исследовательских проектов интенсифицировали бы процесс сближения науки и высшего образования.

Оптимизации взаимодействия триады «университет – бизнес –власть» должна служить активизация диалога между участниками инновационного процесса и взаимодействие вузов с высокотехнологичным производством по примеру пилотного эксперимента о сотрудничестве между ГП «КБ Южное» и НАН Украины и между ГП «КБ Южное» и двадцатью украинскими университетами.

Важной предпосылкой успеха деятельности предпринимательских университетов в Украине является реальное, а не декларативное

расширение университетской автономии в академической, исследовательской и экономической областях. Одним из шагов на пути к инновационной деятельности университетов может стать привлечение к практической инновационной деятельности студентов (прежде всего магистров) и аспирантов.

Итак, изучение закономерностей развития предпринимательских университетов мирового класса может быть методологической основой для конструирования и реализации эффективной государственной политики в сфере высшего образования в Украине, направленной на развитие высококонкурентных национальных исследовательских университетов, тесно интегрированных в глобальную сеть образовательно-научных учреждений. Однако, слепое копирование чужого опыта будет ложным шагом, поскольку следует учитывать специфику и уровень развития субъектов национальной инновационной инфраструктуры. Для эффективной интеграции модели «тройной спирали» в Украине предстоит создать надлежащие условия и механизмы для инновационной деятельности.

Хочется верить, что интеграция университетского образования, науки и предпринимательской деятельности станет весомым вкладом в развитие новых наукоемких инновационных производств и решения проблемы преодоления системного противоречия между наличием в Украине мощного интеллектуального и кадрового потенциала, а также научного комплекса, способного производить результаты мирового уровня, и недостаточностью спроса на разработки украинских ученых со стороны отечественной экономики.

Литература

1. Etzkowitz H. The Dynamics of Innovation: From National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University – Industry – Government Relations / H. Etzkovitz, L. Leydesdorff // Research Policy. – 2000. – Vol. 29. – P. 109–123.

2. Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation In Action London: Routledge, (2008) – 177 p.

3. Graham Stack, Tapping Ukraine's IT potential, Financial Times, August 22, 2012. – Access mode: http://blogs.ft.com/beyond-brics/2012/08/22/tapping-ukraines-it-outsourcing-potential/

4. Hackett Edward J. Science as a Vocation in the 1990s: The Changing Organizational Culture of Science / Hackett Edward J. // The Journal of Higher Education, 1990. – Vol. 61. – No. 3. – U.S.A. : Published by Ohio State University Press. – P. 241–279.

5. Slaughter S. Academic capitalism. Politics, Policies, and the Entrepreneurial University / S. Slaughter, L. Leslie. – Baltimore, MA, U.S.A. : The John Hopkins University Press, 1997. – 276 p.

6. The Global Competitiveness Report 2014-2015. – Access mode: http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2014-2015/rankings/
7. *Times Higher Education* World University Rankings 2014-2014 – Access mode: https://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2014-15/world-ranking
8. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации [Текст] / пер. с англ. А. Смирнова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 240 с.
9. Постановление Кабинета Министров Украины «Некоторые вопросы предоставления высшим учебным заведениям статуса самоуправляющегося (автономного) исследовательского национального университета» № 76 от 3 февраля 2010 года. – Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=581-2009- %F0 .
10. Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении Положения об исследовательском университете» от 17 февраля 2010 года № 163 – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/163-2010-%D0%BF .
11. Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении Устава Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт» №1332 от 21 ноября 2007 года. – Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=581-2009-%F0 .

Полякова О. О.
Директор ООО «Астроисс», Челябинск

КОСМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ В БИОСФЕРЕ И НООСФЕРЕ

Электромагнитное излучение пронизывает весь Космос и все объекты в Космосе испытывают его влияние.

Астрофизические исследования с помощью современных приборов выявляют эволюционные уровни космических объектов с помощью различных волновых спектров излучения. Российские астрономы А.В. Засов и К.А. Постнов приводят новейшие научные сведения об исследованиях в тепловых и нетепловых спектрах, подразделяя тепловые спектры на несколько разновидностей: «А) Спектры собственного излучения непрозрачных тел (планеты и другие твердые тела, межзвездные пылинки, нейтронные звезды) – в мягком рентгеновском диапазоне. Б) Спектры звезд типа Солнца или более холодные – только в видимой области. В) Спектр

фонового (реликтового) излучения Вселенной… Реликтовое излучение … имеет космологическое происхождение. Это кванты, родившиеся при рекомбинации первичной плазмы, остывающей вследствие расширения» [1, с. 48].

Таким образом, на основе современных астрономических данных, мы видим, что эволюция вещества во Вселенной возможна в границах теплового спектра излучений. Здесь наблюдается образование вещества, начиная с зарождения его в момент начала расширения Вселенной до начала разложения вещества в жестких рентгеновских лучах. Заметим, что Солнце и подобные ему звезды эволюционирует в видимой части спектра – оптике.

Также, мы придерживаемся мнения, высказанного учеными Санкт-Петербургского университета информационных технологий, механики и оптики К.Г. Коротковым, М. Борисовой и др., что биологическая жизнь (по Вернадскому – **биосфера**) основана на энергии света [2], добавим - именно той видимой части спектра, которую различает наш глаз.

Излучения вне его видимой части, такие как инфракрасное излучение, ультрафиолет, рентген, гамма- и космическое излучения, губительны для жизни в жестких лучах, допуская жизнь в мягких излучениях. Жизнь на Земле стала возможной благодаря защите органических клеток от жесткого ультрафиолета, сначала под толщей вод мирового океана, а затем благодаря накопившемуся озоновому слою кислорода, который за миллиарды лет выработали сине-зеленые водоросли.

Одной из гипотез нашего исследования является то заключение, что эволюционное развитие биологических уровней жизни на Земле и, в том числе, физического состояния человеческого организма (**биосфера**), является одним из этапов эволюции вещества в расширяющейся Вселенной и происходит в градациях, соответствующих видимым цветам оптической части спектра.

А что же происходит в невидимых лучах оптики?

Невидимым цветам оптики соответствует эволюция невидимых, но реальных явлений, происходящих в человеческом сознании и сознании других высших животных (**ноосфера**). Состояние современной науки пока что не позволяет получить достоверные эмпирические доказательства этого заключения, однако оно выводится рационально, путем логических построений.

Неоднократные предположения ученых и философов в те далекие времена, когда наука еще не могла эмпирически доказать их предположений, – о «градации» развития всего живого (Аристотелем и Ламарком), о «лестнице существ» от простых организмов до ангелов и архангелов (Бонне) [3] и другие идеи, – говорили о том, что логические построения способны произвести правдоподобную гипотезу, подтверждаемую лишь рациональными умозаключениями – «необъяснимо, но факт».

Затем, дарвиновская теория эволюции, палеонтология и антропология научно доказали историческую эволюцию градации видов.

Не доказанной остается сама причина, приводящая к эволюции градации видов живых организмов. Догадка В.И. Вернадского о том, что жизнь на Земле зависит от положения Земли и Солнечной системы в пространстве [4, с. 258, 270], возможно, гипотетически открывается для нас в том, что Земля, совместно с другими планетами в Солнечной системе, эволюционирует в световом диапазоне электромагнитного излучения, поэтому, вероятно, и порядок планет в Солнечной системе дисперсно распределяется в «градации» частот оптического спектра, также, вероятно, как и многие реальные порядки, например, семь периодов в периодической системе элементов в таблице Менделеева или созданные людьми числовые и алфавитные порядки в **ноосферной** фазе эволюции – все написанное и нарисованное имеет свойства проявленного бытия.

Можно предположить, что мы, земляне, находясь в Солнечной системе, испытываем влияние электромагнитного излучения, в порядке распределения частот которого эволюционируем, как по заданному плану, который изначально угадывали многие мыслители, приписывая этот закон идеалистическим божественным силам. Некоторые некогда идеалистические воззрения в науке со временем становятся материалистическими по мере накопления научных доказательств. Предположения о ступенчатости эволюции изначально носили идеалистический характер, но они постепенно переходят в эмпирически доказываемую материалистическую фазу – с накоплением научных данных об эволюции видов живых организмов и с проведением астрономических исследований на основе созданных человеком приборов.

Выведенные астрофизиками основные этапы эволюции космического вещества во Вселенной можно дополнить рядом параллелей эволюции биосферы в спектре видимого излучения, который мы наблюдаем в виде 7 основных цветов радуги, и порядка освоения человеком ноосферы в спектрах невидимого излучения, подобных невидимым областям света между цветными полосами в двойной и более радуге.

Параллели возможны:

а) в порядке распределения электромагнитных волн различной природы, от невидимых длинноволновых излучений (радиоволны, реликтовое, инфракрасное), далее, излучений видимого спектра, таких как 7 цветов в радуге, до невидимых коротковолновых излучений (ультрафиолет, радиация, гамма- и космическое излучение) [5];

б) в порядке распределения космического вещества во Вселенной, в том числе, планет в Солнечной системе, также, вероятно, как и планет в других звездных системах;

в) в эволюционировании исторически существовавших и ныне существующих организмов на Земле, в том числе, человека [6] в **биосфере** и **ноосфере**.

Рассмотрим подробнее параллели градаций света и порядок расположения светил и планет в Солнечной системе (Рис. 1), невольно используя нумерологический порядок того и другого, что незримо указывает нам и на свойства чисел:

1) красный диапазон света – Солнце в гравитационном взаимодействии с Землей;

2) оранжевый диапазон цвета – Луна в гравитационном взаимодействии с Землей;

и следующие видимые цвета оптики соответствуют другим видимым невооруженным глазом планетам в гравитационном взаимодействии с Солнцем, мы же, земляне, как сторонние наблюдатели, не участвуем в этих гравитационных взаимодействиях, но улавливаем их как приемные антенны:

3) желтый цвет в параллелях соответствует Меркурию,

4) зеленый – Венере,

5) голубой – Марсу,

6) синий – Юпитеру,

7) фиолетовый – Сатурну.

Но в двойной и в тройной радуге можно наблюдать промежуток невидимой области света, а затем снова появляется видимый спектр. Невидимая область спектра относится к неразличимым нашим глазом диапазонам электромагнитного излучения, что, возможно, соответствует порядку неразличимых нашим глазом небесных тел в Солнечной системе:

8) ультрафиолет – Урану;

9) прозрачный сияющий цвет (последователи определенных духовных практик наблюдают его в виде нимба над головой у духовно просветленных людей) – Нептуну;

10) рентген – Плутону;

11) гамма излучение – трансплутоновым планетоидам Пояса Койпера;

12) космическое излучение на границе перехода энергии в массу [7] – возможно, положению небесных тел на краю Солнечной системы, относящимся к Облаку Оорта.

С другой стороны, к видимому красному спектру подходят невидимые электромагнитные радиоволны (от километровых до метровых), в т.ч. реликтовое фоновое излучение (сантиметровое), наполняющее Космос, как память о состоянии Вселенной в момент Большого взрыва [1, с. 48; 8, с. 32] и непосредственно перед красным спектром – невидимое инфракрасное излучение, появляющееся при формировании тепловых образований.

С радиоволнами и инфракрасным излучением связаны **ноосферные** изобретения человека в области радиосвязи, телевидения, микроволновых печей. Инфракрасное излучение позволяет обнаруживать в Космосе тепловое излучение абсолютно черных несветящихся тел.

Все живое рождается и функционирует в области оптики, поэтому и живые существа отражают порядок электромагнитного излучения, во-первых тем, что эволюция усложнения живых организмов идет, вероятно, в порядке электромагнитного излучения, во-вторых тем, что каждый живой организм наделен «антенной» для считывания электромагнитных сигналов – определенной последовательностью чакр, вписывающейся в описанный выше спектральный ряд.

В начальной фазе видимого спектра красного и оранжевого диапазона могут эволюционировать самые плотные энергии, и потому видимые и ощущаемые проявления живого вещества, вероятно, благодаря явлению гравитации:

1) красный цвет – Солнце освещает своим светом все видимое и лежит у истоков зарождения материально проявленного вещества, от неорганических по составу камней и минералов до живых существ, начиная с прокариотов (простейших одноклеточных, в клетке которых еще нет ядра [7, с. 99-101]) на первом уровне **биосферы**, которому присуще размножение делением.

2) оранжевый цвет – Луна может быть связана с появлением воды на Земле и, вслед за этим – жизни в ней, в виде простейших неподвижных эукариотов (одноклеточных, с ядром в клетке) [6, с. 101-105] – грибов, растений на втором уровне эволюции живых существ. Возможно, модель гравитационной связи Земля-Луна в определенном смысле имеет параллель в строении живой клетки как модели клетки с ядром. Возможно, на этом уровне эволюции у живых организмов на Земле появился половой процесс размножения с разделением полов, функции всех органов чувств, которые отвечают за ощущения, связанные с окружающим миром. Ощущения здесь делятся по дуальному принципу: у простых живых организмов это разделение чувств на ощущения типа свет-темнота, тепло-холод и т.д., в то время как у высших эволюционных форм жизни дуальный выбор ощущений более разнообразен – вплоть до понятий добро-зло, хорошо-плохо.

Гравитационная связь Земля-Луна настолько сильна, что создает стабильный угол наклона оси вращения Земли к плоскости солнечной Эклиптики, в результате чего на нашей планете происходит регулярная смена различных циклов, таких как времена года и время в сутках, что позволяет организмам возрождаться снова и снова, и усложняться с течением времени. Поддержание Луной постоянного угла наклона оси вращения Земли создает условия для устойчивой эволюции однажды появившихся живых организмов. Современные астрофизики и астробиологи из Колумбийского и Принстонского университетов (Columbia University, Princeton University) Дэвид Шпигель (David S. Spiegel), Кристен Мену (Kristen Menou) и Калеб Шарф (Caleb A. Scharf) использовали специальную математическую модель, которая описывает изменение температуры на поверхности планеты земного типа для исследования в

изменяющихся характеристиках угла наклона оси и скорости вращения планеты. Они определили, что стабильность жизненных условий задает постоянный угол наклона оси планеты, в нашем случае, обеспеченным одним массивным спутником Луной, в то время как на Марсе, два спутника не дают постоянного угла наклона оси планеты, что не позволяет сформироваться защитному атмосферному слою, и повторяющейся цикличности, столь необходимой для эволюции видов живых организмов [9]. Исходя из этого, можно предположить, что эволюционирующую жизнь на других планетах и в других звездных системах имеет смысл искать там, где есть только один массивный спутник у планеты, задающий постоянный угол наклона оси вращения планеты. Возможно, у Марса был, когда-то, один спутник и тогда на Марсе была жизнь, следы которой обнаруживают астрономы, но простейшие одноклеточные организмы там есть и сейчас.

Солнце и Луна участвуют в непосредственных гравитационных связях с Землей и потому влияния их ощущаются нами на чувственных уровнях, отвечающих за инстинкт выживания – питание (Солнце) и размножение (Луна). В электромагнитном излучении здесь превалирует красноватый оттенок оптики.

Остальной ряд небесных тел в Солнечной системе не дает нам непосредственных чувственных ощущений, т.к. мы не участвуем в их гравитационной связи с Солнцем, но волновые возмущения от вращения этих тел в Солнечной системе имеют влияние для нас на информационных планах, которые считываются нашими чакрами-антеннами.

Анализ информации происходит в психике, настроенной на прием внешней и внутренней информации. Психика живого существа – это продукт и условие сигнального взаимодействия живой системы и ее среды. Она устроена как приемник-отражатель волновых излучений на чувственных и информационных уровнях (ощущения, восприятия, чувства, мысли, представления и т.д.), с последующей обработкой информации на доступном, для конкретного живого организма, уровне эволюционного развития.

3) Информационные уровни восприятия могут начинаться с третьего уровня эволюции живого вещества, соответствующего излучению желтого диапазона оптики, возбуждаемого вращением Меркурия вокруг Солнца. Здесь начинается сбор и анализ информации, как внутренней, так и внешней. В эволюционном срезе этот уровень обозначился появлением подвижных многоклеточных, червей, кишечнополостных, примерно 900 млн. лет назад [6, с. 105-114]. На этом уровне появляются подвижные насекомые с информационными нервными узлами и зрительными органами. У них появляются условные и безусловные рефлексы – начальные проявления информационной памяти у подвижных живых организмов (чтобы помнить, куда вернуться и пр.), в отличие от неподвижных растений и грибов, появившихся на предыдущем уровне эволюции, которым не нужна память движения.

4) Четвертый эволюционный уровень соответствует излучению зеленого цвета. Здесь могут восприниматься информационные энергии от вращения Венеры. В этом диапазоне эволюции появились позвоночные и членистоногие, примерно 500 млн. лет назад [6, с. 117]. Возможно, здесь формируется душевный уровень живого организма. Появляется стремление к нахождению гармонии, душевного общения и тепла, обустройства гнезд и жилищ. На этом уровне эволюции в живых организмах формируется сердечно-сосудистая система и скелет, начиная с класса рыб. Но голоса, средства для общения, еще нет, поэтому душа «молчит, как рыба».

5) Пятый уровень эволюции соответствует положению Земли в Солнечной системе после Венеры, но для Землян, как сторонних наблюдателей, воспринимающих волны извне, пятым является Марс, соответствующий голубому цвету. В эволюционном плане этот уровень проявился около 250 млн. лет назад в Мезозое у плеченогих [6, с. 174] – земноводных, животных и птиц с развитой легочной системой и голосовыми связками, которые отвечают за разнообразное звуковое выражение от рычания и птичьего пения до членораздельной человеческой речи. С этого уровня, по-видимому, началась эволюция отношений, выразившаяся в активном проявлении любви к окружающим существам с ярко выраженными элементами творения красоты у разнополых существ, голосовые игры, а также заботой о воспитании потомства, чего не наблюдается у рыб на предыдущем уровне эволюции ввиду отсутствия голосового аппарата. На пятом уровне творится не только красивое, доброе, светлое, но, и как всякая возможная реальность со светлыми и темными характеристиками, любовь и творчество может обернуться ненавистью и войнами, на пятом уровне это рукопашные и подобные им бои за любовь, пока еще без вспомогательных подручных средств, как это обычно и происходит в животном мире.

Здесь интересно отметить, что все до этого перечисленные светила и планеты имеют плазменную (Солнце) или твердую (Луна, Меркурий, Венера, Марс) основу и соответствуют эволюции внутреннего физического строения тел живых существ на Земле вплоть до совершенствования конечностей, в том числе, пяти пальцев у человека. За Марсом же твердые планеты дробятся (Пояс Астероидов), и это, каким-то образом, соответствует эволюционному переходу от внутреннего строения организмов во внешний круг отношений, в первую очередь, воспитание потомства. Далее в ряде планет солнечной системы наблюдаются газообразные планеты-гиганты Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, которые параллельно могут соответствовать дальнейшей эволюции отношений между индивидами. До пояса астероидов включительно твердые планеты формировали «предметную» эволюцию строения внутренних органов живых организмов, но после пояса астероидов газообразные гиганты уже способствуют не «предметности», а в силу своей газообразности, эволюции

отношений между индивидами, которые не ощущаются как «предметы», но незримо ощущаются в присутствии неких движущих общественных сил.

6) На шестом уровне эволюции, соответствующем излучению синего цвета и положению Юпитера в Солнечной системе, совершенствуется природа современных видов флоры и фауны, примерно, 65 млн. лет назад, от эры кайнозоя [6, с. 188]. Здесь, возможно, начинают эволюционировать коллективные энергии, заставляя высших животных сбиваться в стада-стаи и выбирать вожака. В человеческом обществе на этом уровне могла пройти эволюция социальных форм общества от мини-семьи (мама-дети) на пятом уровне эволюции до племенного строя, с распределением трудовых отношений на шестом уровне эволюции. Здесь также имеет значение место проживания небольшого коллектива – очерчивается незримыми линиями ареал – стада, стаи, племени. У людей на шестом уровне эволюции творческий труд индивидуальных особей переходит в коллективный труд, матриархат сменяется патриархатом, главным в семье и племени становится мужчина, вожак. Ареал племени охраняется с помощью подручных и искусственно изготовленных коллективным трудом из природных материалов средств – копий, ножей, топоров, кельтов и пр.

7) На седьмом уровне эволюции, соответствующем излучению фиолетового цвета и положению Сатурна, – последней, видимой невооруженным глазом, планеты – в четвертичном периоде, примерно, 5,5 млн. лет назад, появился Homo habilis, человек умелый, который оставил после себя олдовайскую костяную и галечную культуру [6, с. 220]. На этом этапе могла начать эволюционировать **рассудочная** часть мышления у представителей высших животных – мудрость, порядок, способность к рассудочному анализу. У человека здесь появляется способность воспринимать время, строить аналоговые структуры и реальные системы – художественные, письменные, культурные, религиозные и др. Появляются организованные сообщества на основе совместного проживания различных племен – народности, с памятью о культуре и истории, устанавливаются законы общежития, формируются религиозные эгрегоры, строятся храмы, а вокруг них - поселения и города, пока еще обнесенные крепостными стенами, работает инженерная мысль, для ведения войн изобретается усовершенствованное оружие, пока еще из естественных природных материалов **биосферы** – луки со стрелами, арбалеты, копьеметалки, стенобитные орудия, основами миропорядка являются религии, диктатуры, монархии. На этом уровне эволюции религии были передовыми носителями светлой идеи, движущей вперед общественное сознание.

Тайна границы **рассудочного** и **разумного**, **подсознания** и **сознания**, **биосферы** и **ноосферы** в природе эволюции живого вещества, по-видимому, может приоткрываться при исследовании перехода от видимых к не видимым диапазонам оптики и соответствующих им планет Солнечной системы:

ультрафиолет – Уран – наблюдение звездного неба, гуманитарные и научные идеи;

прозрачный сияющий цвет – Нептун – божественные идеи, фантастика, музыка, поэзия, психология;

рентген – Плутон – атомная энергия и т.д.;

Плутон и следующие за ним планетоиды – снова твердые, но уже не сферические тела, а камни неправильной формы. Возможно, это снова указывает на эволюцию твердого вещества, но уже в обратном порядке - с радиации начинается распад ядер в атомах вещества.

Философия находится на грани РАССУДКА и РАЗУМА, материализма и идеализма, видимого и невидимого – и философия бесконечно познает эту грань, насколько можно углубиться в нее с помощью РАЗУМА, как бесконечны положительные и отрицательные числа около нуля.

8) На восьмом уровне эволюции, проявляющемся излучением восьмой по счету от звезды планетой, в нашем случае, Ураном, считывается невидимый ультрафиолетовый спектр света, и эволюция идет уже в среде не видимых глазом и созданных природой материалов, а искусственно созданных разумным существом, в земном случае – человеком, способным оперировать выдуманными или представляемыми в сознании идеями. Здесь РАЗУМ вступает в свои права. Это и есть начало **ноосферы**, надприродной надстройки, созданной превосходством РАЗУМА над РАССУДКОМ. Совершенствование общественных отношений идет по пути созидания наций и государственных систем, объединяющих разные города, народности и религии. Теперь уже у государств появляются границы, в то время как у городов эти границы исчезают за ненадобностью, государство внутри себя правит городами, народами и религиями, решая противоречия между ними. Различные религии продолжают нести свои светлые функции через намоленные эгрегоры на местах молений в храмах – местах энергетической силы при обращении к одному для всех Божественному абсолюту. В то же время, РАЗУМ, более продвинутый вперед по эволюционной цепочке, чем религии, порождает науки и научные законы, которые разумнее религиозных канонов. Гуманизм и демократия становятся мерилом справедливости. Становятся понятными незримые нити проявления любви-дружбы без проявления частно-собственнических («предметных») инстинктов. Энтузиазм необъяснимым образом становится двигателем прогресса, без привязок к системе оплаты за свой труд (предметные деньги за предметный труд). Здесь появились идеи Коммунизма: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям, на основе идей гуманизма и желания помочь ближнему. Коммунистические идеи не надо путать с попытками реального воплощения их в жизнь – реальность всегда вносит свои коррективы, сопровождаясь ошибками на практике, которые надо учитывать впоследствии, чтобы не повторялся негативный опыт. Частично излучение уровня Урана проявлялось и ранее –

на заре становления Человечества как такового оно явилось проявлением начала человеческого РАЗУМА - осознанием недоступного, но реально существующего неба со звездами, вращение которого показало человечеству в дальнейшем глобальные вселенские законы мироздания, что позволило развиться астрономическим, физическим и другим естественнонаучным знаниям, а не только знаниям природных земных явлений, доступных РАССУДКУ всего животного царства на предыдущих уровнях эволюции. Но сначала это были только единицы Разумных существ, число которых со временем выросло в большинство – и тогда количество перешло в качество. Всеобщая образованность способствует этому. На уровне Урана в **ноосферной** фазе познается природа молнии, огня, электричества и всего, что только можно создать из этого, как для пользы развивающихся цивилизаций, так и, к сожалению, во вред. На этом же уровне эволюции было изобретено огнестрельное оружие и курение – то, что приносит гибель живому организму. Так же, как ультрафиолет: есть мягкий, в небольших дозах способствующий лечению на основе уничтожения только вредоносных бактерий, и есть жесткий ультрафиолет, в больших дозах, убивающий и крупные организмы. Все живое хорошо чувствует себя в видимом спектре света и в мягких лучах его невидимого спектра, но погибает в жестких лучах. К положительным эволюционным проявлениям излучения Урана можно отнести изобретение электричества, радио, телефона, телевидения, компьютера, интернета – как основы будущего объединения человечества, но параллельно возникает и вред от тех же систем – искаженная или агрессивная информация теле-радиовещания, компьютерная игромания, курение, огнестрельное оружие. Что получается с человеком, которого научили пользоваться огнестрельным оружием, но не дали знаний по астрономии и другим наукам? Безумный терроризм.

9) На девятом уровне эволюции, проявляющимся девятой по счету от звезды планетой, в нашем случае, Нептуном, включающем невидимый сияющий спектр света, не выявленный учеными в отдельную часть спектра света, но реально существующий, который видят некоторые ясновидящие как «нимб» над головой у святых людей, или которая становится видимой, как яркая вспышка света перед атомным взрывом, такую, например, какую видели жители Челябинска перед взрывом метеорита 15 февраля 2013 года, - такой вспышки, что оптика зашкалила, не смогла определить спектр света, т.к. в приборах учета не закладывается определение наличия сияющего спектра света. На девятом уровне эволюции совершенствуется все, что только может усовершенствоваться – происходит приближение к идеалам. Это может быть и Божественный абсолют (по определению Гегеля), проходящий значимой нитью через все религии и определяющий, по сути, все их идеалы в образе единого для всего человечества Бога-абсолюта, неважно, как его называют в различных религиях. Это и для атеистов Бог в душе каждого из нас в виде **совести** и разговора с собственной совестью,

являющейся идеалом для конкретного индивида. Это может быть и платоническая любовь к человеку, кажущемуся идеальным, без претензий на овладение им как собственностью. Это понятие Нирваны в Буддизме – достижение идеального состояния души, не нуждающейся в земных радостях. В этих смыслах Бог-абсолют выше научных знаний восьмого уровня эволюции, еще не достигших знания всех законов мироздания. Нас порой удивляет вера ученых в Бога. Но это вера не в того Бога, который был создан воображением человечества на предыдущих уровнях эволюции, когда складывались межплеменные отношения и формировались отдельные религии, а вера в Божественный абсолют в душе каждого из нас или в свою непогрешимую совесть. На этом уровне эволюции РАЗУМ достигает своих высот, иногда давая подсказки в виде картинок будущего или прошлого, как пророчества, в виде открытий во сне (как Менделеев увидел во сне периодическую систему элементов), в виде слышимых музыки и стихов. Это уровень сверхчувств: ясновидения (вещие сны), яснослышания (звуковые подсказки), ясночувствования (психология) и яснознания (пророчества). Все пророки, которые когда-либо появлялись в истории человечества, достигали своим сознанием этого высокого уровня, в отличие от остальных простых людей, еще не дотягивающихся до таких высот. Но человечество в своей массе подтягивается и к этому уровню. Когда людей, способных к сверхчувствам будет больше, чем половина человечества, люди в любом месте Земного шара будут понимать друг друга без особого знания других языков, понимая с полуслова – вот тогда произойдет качественный скачок в эволюции человечества, границы у государств исчезнут за ненадобностью, хотя административные обязанности у них останутся, так же, как сейчас остались административные функции у городов. Созидание в прошлом империй, в грубом исполнении идеи объединения, или союзов на добровольных началах между государствами уже есть апробация пути к планетарному объединению. Наука, которая в большинстве своем, пока не пропускает знания о сверхчувствах только потому, что у нее не хватает явных научных доказательств их существования, со временем смирится со знанием того, что сверхчувства реально существуют, независимо от научных доказательств об этом, также, как когда-то религии не пропускали научные знания, но им пришлось мириться с наукой, как с реально существующей системой, несмотря на то, что в религиях не заложено знание о науке. Пока одни ученые говорят «нет» (так проще жить) и отрицают существование сверхчувств, как нормального естественного явления, другие ученые создают приборы, доказывающие их существование.

Познание в астрологии находится на грани познания астрономии с познания психологии личностей. Эти знания постоянно совершенствуются, корректируются прежние ошибки, также, как корректируются научные знания. Астрология в своей области знания познает все – и отрицательное, и положительное, но, как батюшка в церкви, который знает о темных, так

называемых, дьявольских силах, молитвой помогает выйти к светлым божественным силам, так и астролог должен не устрашать опасностями, которые реально могут произойти, а подсказывать положительный выход для того, что бы эти опасности не реализовались, например, посоветовать заниматься музыкой, поэзией, медициной, психологией или пойти в храм для общения с божественным абсолютом и нирваной вместо курения, пьянства и употребления наркотиков. Астрология издревна на людях отслеживала влияния Космоса и создала астрометрическую систему считывания пространства и времени, давшей основу современной астрономии. Порядок и свойства планет-управителей соответствуют порядку и свойствам соответствующих знаков Зодиака в порядке электромагнитного излучения: Солнце – Лев, Луна – Рак, Меркурий – Близнецы, Венера – Телец, Марс – Овен, Юпитер – Рыба, Сатурн – Водолей, Уран – Козерог, Нептун – Стрелец, Плутон – Скорпион, Хирон (пояс Койпера) – Весы, Прозерпина (облако Оорта) - Дева (Рис. 2).

На девятом уровне эволюции уже находятся некоторые высшие представители животного мира, хотя они и не проходили стадию становления творческой эволюции с помощью конечностей на пятом уровне эволюции – например, дельфины, которые всегда приплывут на помощь из любого конца мирового океана, когда на уровне сверхчувств получат информацию о гибнущих сородичах или людях, проявляя гуманизм и энтузиазм насколько это возможно. Сияющий спектр света является последним в световом, оптическом спектре электромагнитного излучения перед следующим за ним разрушительным радиоактивным излучением. На девятом уровне еще нет разрушения ядра молекулы, как это происходит при радиации на десятом уровне. Но в молекуле могут происходить перемещения электронов, что, в принципе, меняет природу вещества. Это невидимое свойство материи проявляется в химических реакциях как естественного природного характера (графит и алмаз имеют одну углеродную природу, но имеют разные кристаллические решетки распределения атомов вокруг ядра в молекуле), так и в искусственно созданных человеком химических реактивах, лекарствах, продуктах нанотехнологий, идущих как на пользу человечества, так и во вред. Вредными изобретениями этого уровня эволюции являются яды, спирт и наркотики. В малых дозах эти препараты могут быть лечебны, но злоупотребление ими приводит к губительным последствиям для живого организма. Также вредными изобретениями этого уровня эволюции является химическое, газовое, психотропное, климатическое оружие.

Таблица: Энергетический порядок излучений, тел в Солнечной системе и уровней эволюции

		Название диапазона волн излучения и их источники		Длины волн	Частота волн	Циклы обращения		Уровни эволюции		
НЕТЕПЛОВОЕ	ИОНИЗИРУЮЩЕЕ	**Космическое** – граница перехода энергии в массу, созидательные ядерные процессы в межзвездном пространстве - соединение атомов водорода в ядра гелия, кислорода, азота, кремния, железа		3×10^{-4} – $4{,}6\times10^{-12}$ нм	более 6×10^{19} Гц	Облако Оорта – граница Солнечной системы	ТВЕРДЫЕ ТЕЛА	Граница жизни и смерти. Вопросы бессмертия. Технологические идеи, ведущие к повышению уровня жизни, цивилизации, продлевающей жизнь.	НООСФЕРА	
		Гамма – ядерные процессы радиоактивного распада		$4{,}6\times10^{-12}$ – 5×10^{-12} нм		Пояс Койпера		Целительство. Генетика. Селекция.		
		Рентгеновское – атомные процессы распада при воздействии ускоренных заряженных частиц		5×10^{-12} – 10 нм	3×10^{16} – 6×10^{19} Гц	Плутон 90700 суток 246,4 года		Радиация. Трансформация. Экстрасенсорика. Парапсихология. Радиация. Мутации. Опухоли. Атомная энергия.		
ТЕПЛОВОЕ	ОПТИЧЕСКОЕ	**Прозрачный (сияющий цвет)**				Нептун 60188 суток 164,79 года	ГАЗООБРАЗНЫЕ ТЕЛА	**МЕТАФИЗИКА.** Мифология. Музыка. Поэзия. Абсолютные божественные идеи. Ясновидение. Яснослышание. Психология. Медицина. Альтруизм. Психическая энергия. Нанотехнологии.		
		Ультрафиолетовое (черный цвет) – излучение атомов под воздействием ускоренных электронов		10 – 380 нм	$7{,}5\times10^{14}$ - 3×10^{16} Гц	Уран 30685 суток 84,01 года		**РАЗУМ.** Открытия. Осознание неба. Научные идеи. Математический язык. Философские идеи. Государственные идеологии. Гуманизм. Электрическая энергия.		
		Видимое – излучение молекул и атомов при тепловых и электрических воздействиях	фиолетовый	475 - 380 нм	$750 – 680\times10^{12}$ Гц	Сатурн 10759 суток 29,46 года		**РАССУДОК.** Появление человекообразных 5,5 млн. лет назад. Мудрость. Законы. Рисунки. Знаки. Письменный язык. Поселения. Города. Все реально действующие системы: культурные, религиозные, научные, инженерные, государственные, финансовые и пр.	БИОСФЕРА	
			синий	485 – 475 нм	$680 – 620\times10^{12}$ Гц	Юпитер 4332,58 суток 11,86 года Пояс астероидов		Современные виды флоры и фауны. Кайнозой~65 млн. лет назад. Стаи, стада, семья, род, племя. Коллективный труд. Символьный язык. **ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ И ЯЗЫКА.** Любовь к ближнему. Воспитание потомства. Звуковой язык.		
			голубой	495 – 485 нм	$620 – 600\times10^{12}$ Гц	Марс 656,98 суток		Плеченогие. Млекопитающие. Птицы. Мезозой ~ 250 млн. лет назад. Легкие. Голос.		
			зеленый	565 – 495 нм	$600 – 530\times10^{12}$ Гц	Венера 224,7 суток		Хордовые и позвоночные. Рыбы, рептилии, насекомые. Палеозой ~ 500 млн. лет назад.		
			желтый	580 – 565 нм	$530 – 510\times10^{12}$ Гц	Меркурий 87,97 суток		Многоклеточные, черви, кишечнополостные ~ 900 млн. лет назад. Движение. Рефлексы.		
			оранжевый	595 – 580 нм	$510 – 480\times10^{12}$ Гц	Земля – Луна 27,32 суток		Эукариоты (клетка с ядром). Простейшие и зеленые водоросли. Половой процесс. Протерозой ~ 2,5 млрд. лет назад.		
			красный	780 – 595 нм	$480 – 405\times10^{12}$ Гц	Земля – Солнце 1 сутки		**ЭВОЛЮЦИЯ МАТЕРИИ.** Минералы и прокариоты (клетка без ядра). Деление. Гетеротрофное питание (неорганическими веществами). Архей ~ 4 млрд. лет назад.		
	РАДИОВОЛНЫ	**Инфракрасное** – излучение молекул и атомов при тепловых и электрических воздействиях		780 нм*- 1мм	150×10^{9} — 429×10^{12} Гц			Тепловое излучение абсолютно черных тел (невидимых)	НООСФЕРА	
		Реликтовые – космологического происхождения		1 мм -1м				Память о начале расширения Вселенной. ~ 14 млрд. лет назад.		
		Ультракоротние		1 м -10 м	30×10^{6} — 150×10^{9} Гц			Радары, микроволновые печи, радио, телевидение		
		Коротние		10 м-100м	3 — 30×10^{6} Гц					
		Средние		100 м-1км	300×10^{3} – 3×10^{6} Гц					
		Длинные		1км-10км	30 — 300×10^{3} Гц					
		Сверхдлинные		10 км и более	менее 30×10^{3} Гц **			Подземная и подводная радиосвязь		

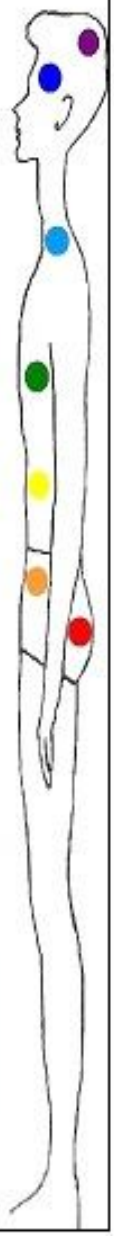
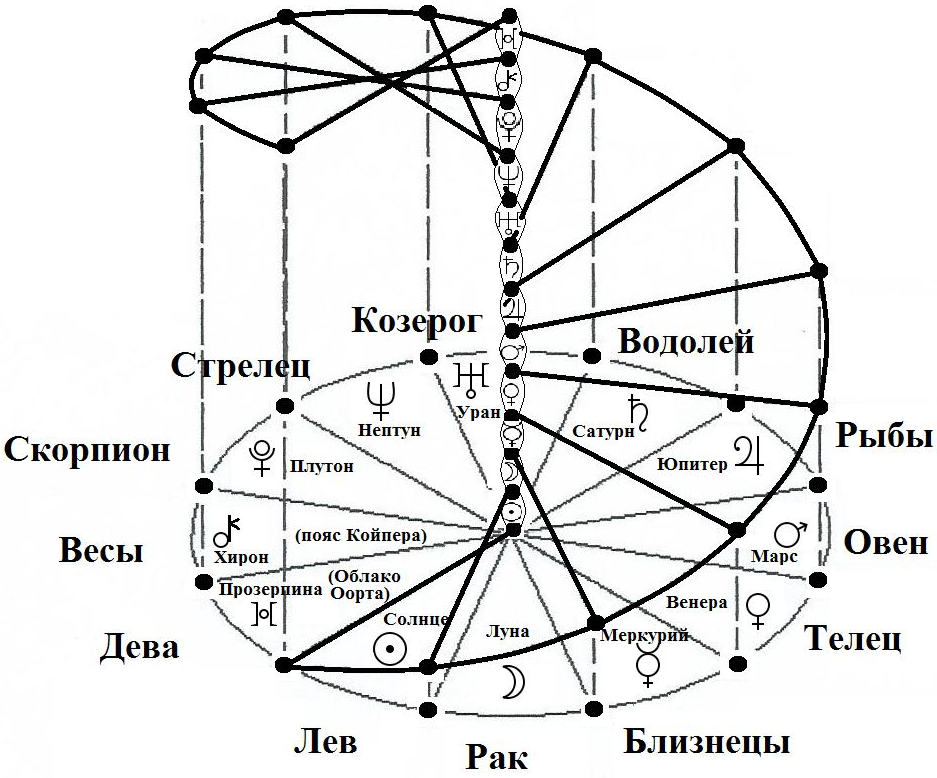


Рис. 1. Космический порядок электромагнитного излучения.



Знаки Зодиака	Планеты управители	
	Дневные	Ночные
♈ Овен	♂ Марс	♇ Плутон
♉ Телец	♀ Венера	⚷ Хирон
♊ Близнецы	☿ Меркурий	⯓ Прозерпина
♋ Рак	☽ Луна	Изида
♌ Лев	☉ Солнце	Озирис
♍ Дева	⯓ Прозерпина	☿ Меркурий
♎ Весы	⚷ Хирон	♀ Венера
♏ Скорпион	♇ Плутон	♂ Марс
♐ Стрелец	♃ Юпитер	♆ Нептун
♑ Козерог	♄ Сатурн	♅ Уран
♒ Водолей	♅ Уран	♄ Сатурн
♓ Рыбы	♆ Нептун	♃ Юпитер

Рис. 2. 3D-пространственная зависимость влияния порядка электромагнитного излучения на распространение качеств Знаков Зодиака в соответствии с качествами планет-управителей.

10) Десятый уровень эволюции, проявляется десятой по счету планетой от звезды, в нашем случае, твердым планетоидом Плутон, идущим после газообразных гигантов (планетоид по определению астрономов является твердым телом и имеет неправильную форму, в отличие от планет, имеющих правильную сферическую форму). На этом уровне считывается радиоактивное излучение уже не светового спектра, а рентгеновского. Здесь происходит распад ядра вещества, в результате которого выделяется огромное количество энергии. Живые организмы в жестких рентгеновских лучах погибают, в мягких – мутируют. В неживой природе разрушение ядра проявляется в виде постепенного, многолетнего радиоактивного распада одного вещества, в результате чего появляется другое вещество. Например, в природе изотоп Урана с полураспадом в 4,5 млрд лет превращается в Торий с периодом полураспада в 24 суток, который затем превращается в палладий с периодом полураспада 6 часов и т.д. После десяти с лишним этапов распада получается, наконец, стабильный изотоп Свинца [10]. Человечество и здесь научилось искусственно создавать процессы ядерного распада для получения огромного количества энергии, используя это изобретение как в положительных, так и отрицательных целях. В положительных целях в малых дозах радиоактивности проводят рентгеновские исследования и лечение организма пациентов в медицине. В больших дозах на атомных станциях производят добычу энергии для превращения ее затем в электрическую, используемую на необходимые цивилизованные нужды населения. В разрушительных целях реакция ядерного распада используется в ядерном оружии.

11) На одиннадцатом уровне эволюции, проявляемом планетоидами, следующими за Плутоном и находящимися в поясе Койпера, происходит всепроникающее гамма-излучение, которое проходит через любые молекулярные кристаллические решетки. Если радиацию еще можно остановить толстыми свинцовыми или бетонными стенами, то гамма-излучению трудно выстроить преграду доступными на земле средствами. Нас, землян, от вездесущего гамма-излучения спасает только толстый озоновый слой нашей атмосферы. В природе мягкое гамма-излучение изменяет генную природу живых организмов. Человечество научилось использовать эту энергию в генной инженерии, применяя достигнутые знания, как в положительном, так и отрицательном ключе. В положительном смысле создаются новые генетические виды организмов в вирусологии для лечения опасных заболеваний и пр. В отрицательном смысле создаются генномодифицированные продукты питания, способные нарушить иммунную систему организмов вплоть до вырождения видов.

12) На двенадцатом уровне эволюции, проявляемом планетоидами, в нашем случае следующими за поясом Койпера, очевидно, находящимися в облаке Оорта на границе Солнечной системы, считывается космическое излучение пронизывающее всю Вселенную. Здесь находится последняя граница жизни и смерти, где и мягкое излучение не спасает. Человечество

приближается к овладению энергиями этого уровня, создавая цивилизационные программы, продлевающие жизнь, в том числе, улучшающие условия жизни людей, создавая механизмы и технологические процессы, заменяющие изнуряющий физический труд. Космическое излучение самое высокочастотное в спектре электромагнитного излучения, но что же дальше?

А дальше высокочастотные энергии с все меньшей и меньшей длиной волны гаснут и исчезают в невидимой для нас и недоступной для приборов темной энергии и темной материи (черные дыры). Там, со временем накопив предельную антимассу, побуждающую к взрыву, энергии снова перерождаются в длинноволновые низкочастотные электромагнитные излучения, сначала звука – где царствуют радиоволны, километровые, затем метровые и сантиметровые, пока волны не уменьшаются до реликтовых и далее переходят в инфракрасное излучение, предшествующее световому оптическому спектру жизни. В природе это выглядит естественно: как в двойной или тройной радуге, между видимыми спектрами света есть невидимые области – там, в зоне невидимых лучей - и ультрафиолет, и сияние, и радиация, и гамма излучение, и космическое излучение, и темная энергия, и темная материя, и звук. Люди, обладающие сверхчувствами, способны улавливать информацию этих невидимых спектров излучения естественным образом. Так же, подобного рода волновую картинку мы видим при снятии кардиограммы живого организма – скачок напряжения и затем уменьшение волны до минимума и снова скачок напряжения и т.д.

Человечество в **ноосферной** фазе развития почти все эти невидимые волны (кроме темной энергии и темной материи) давно уже взяло на вооружение, научившись использовать их для передачи радио и телевизионных сигналов, используя как в позитивном, так и в негативном качестве, например, в виде позитивной или негативной передаваемой информации, что существенно влияет на формирование мировоззрения человечества.

Но и в индивидуальном исполнении Человек сам решает, какие качества нужны ему для будущего, выбирая те или иные проявления личности:

- любовь или ненависть на пятом уровне;
- профессионализм или власть на шестом уровне;
- закон, диктат и религию или культуру, историю и философию на седьмом уровне;
- естественные науки, гуманизм и астрономию или курение, компьютерную игроманию, а то и еще хуже, терроризм на восьмом уровне;
- музыку, поэзию, медицину, химию и психологию или алкоголь и наркоманию на девятом уровне. Здесь стремление к быстрому достижению тонких ощущений, нирваны) с помощью алкоголя и наркотиков (девятый уровень эволюции, соответствующий сиянию), через воздействие на физическое тело (красный спектр плотных материальных энергий первого

уровня), дает разрушение живого организма через соседство в невидимой части электромагнитного излучения, как в спектре света между сиянием и красным цветом, разделенным невидимой областью света (как в невидимой части между световыми потоками в двойной или тройной радуге), но проходящее обратным путем эволюции (от красного спектра питания через звук, темную энергию и темную материю к гамма излучению и радиацию к нирване), по пути зомбируясь темными энергиями – в этом случае мы имеем дело, к сожалению, не с сознательным и разумным человеком, а с продуктом зомбирования темных энергий. Такой человек потом, придя в себя, даже вспомнить не может, что творил и говорил «под диктовку». Сознательному, положительно эволюционирующему человеку, нет смысла общаться с человеком в состоянии «зомби», т.к. через «зомби» идет закачка светлых жизнеутверждающих сил в бездонную «черную дыру».

По-видимому, с циклами обращения планет вокруг Солнца связана и продолжительность жизни человека, в зависимости от того, на каком уровне эволюции находится человечество.

Сейчас мы находимся на восьмом, научно-государственном уровне эволюции, соответствующем излучениям Урана, который обращается вокруг Солнца за 84 года. Средняя продолжительность жизни современного разумного человека тоже составляет 84 года – это возраст, до которого человек еще в силах обслуживать самого себя и разумно мыслить. Далее, если человек еще мыслит, он идет по второму кругу того же цикла Урана – снова впадает в детство – радуется, как ребенок, общаясь с внуками, или выбрасывает предметы в форточку в состоянии маразма же не в состоянии нормально мыслить, у некоторых растут молочные зубы (известный в медицине факт), или, в лучшем случае, у людей появляется возможность получить заслуженные признание и популярность, которые они не могли получить в детстве. Если человек не дожил до этого возраста, то, скорее всего, когда-то он не сделал выбор в сторону светлых сил, ненавидел или обижался, не слышал или игнорировал подсказки своих сверхчувств, предостерегающих от опасности.

Когда-то, когда человечество находилось на седьмом уровне эволюции религий и диктатур, которому соответствует Сатурн в порядке расположения планет в Солнечной системе, средняя продолжительность жизни человека была около 30 лет, как и цикл обращения Сатурна вокруг Солнца. Такой короткой продолжительности жизни способствовали войны, болезни, жертвоприношения, они не позволяли людям в своем большинстве дожить до естественного предела жизнедеятельности, хотя, единицы доживали и в этом был уже прогресс. РАЗУМ тогда не был в почете. Но с появлением всеобщей грамотности, а затем и всеобщей образованности, уровень научного знания и РАЗУМА вырос у большинства представителей человечества – количество перешло в качество, и теперь человечество предпочитает ЗНАНИЕ призрачной ВЕРЕ. ЗНАНИЕ и ГУМАНИЗМ позволяют человеку с уверенностью смотреть в будущее.

Но и ВЕРА совершенствуется, так же как все, когда-то имевшее начало на Земле. Она приобретает иные формы, сначала ВЕРЫ в ЗНАНИЕ, в ГУМАНИЗМ, а потом и во всеобщую ВЕРУ в АБСОЛЮТ. Следующий за современным уровнем эволюции будет девятый уровень, проявленный излучением от вращения Нептуна, который обращается вокруг Солнца за 168 лет. Можно ожидать, что средняя продолжительность жизни человека будет тогда равняться примерно этому возрасту – медицина, дочь Нептуна, найдет средства продления жизни и сохранения РАЗУМА на долгие годы.

При этом, совсем не обязательным будет вопрос увеличения объемов питания человечества, чем озабочены идеологи «золотого миллиарда» человечества, который, якобы, в будущем только и сможет прокормить Земля - они прикрывают свои садистские наклонности идеей «сытого миллиарда.

Здесь сработает другой психологический фактор (психология тоже дочь Нептуна). Дело в том, что энергетическая подпитка происходит не только на физическом уровне в виде употребления продуктов питания – они конечно нужны, но их на самом деле не так много надо для поддержания жизнеспособности организма.

Питание происходит на всех энергетических уровнях, в виде получаемой радости, ведь только когда нам плохо мы «бежим на кухню», заменить разного рода неудовлетворенность на сытое удовлетворение первого энергетического уровня. Вкусная еда радует.

На втором сексуальном уровне можно получить радость от сексуальных отношений или от тепла, греясь на пляже берега моря или другого водного бассейна.

На третьем информационном уровне мы получаем информационную подпитку в виде интересной и положительной информации. Отрицательная информация отравляет – надо искать взамен положительную информацию в виде хороших новостей (третий уровень Меркурия), ощущая домашний уют (четвертый уровень Венеры), читая книги о любви (пятый уровень Марса), читая мудрые философские или религиозные книги (седьмой уровень Сатурна), познавая научную и космическую информации (восьмой уровень Урана), читая фантастику или слушая классическую музыку (девятый уровень Нептуна) или, в конце концов, «бежать на кухню» (первый уровень материи - Солнца).

На четвертом душевном уровне происходит подпитка радостью от общения по душам, от эстетического чувства прекрасной окружающей действительности.

На пятом уровне творчества и любви мы подпитываемся радостью творчества или от общения с любимым человеком и детьми.

На шестом уровне – любимая работа может так увлечь, что и «на обед идти не хочется».

На седьмом уровне – радость от чтения мудрой книги, рисования и дизайна или посещения храма – приобщение к светлым энергиям.

На восьмом уровне – радость открытия или изобретения, дружеское общение, энтузиазм.

На девятом уровне – радость от общения со своим идеалом, может быть и религиозным, или чтением фантастики, или слушанием, а может быть и сочинением, музыки и стихов.

Как видим, человечество освоило все уровни эволюции и находится на стадии самосовершенствования самого себя, в том плане, чтобы научиться использовать энергии в положительном, прогрессивном, жизнеутверждающем плане, продлевающем в целом жизнь человека, снижая до минимума разрушительные тенденции, созданные самим же человеком в **ноосфере**.

Если вернуться к вопросу о поисках РАЗУМА во Вселенной, то, на примере нашей Солнечной системы, по-видимому, надо искать звездные системы в световом спектре эволюции, где есть 8-12 движущихся объектов вокруг звезды, позволяющих включить разумные уровни эволюции в живых организмах.

Вышеописанные авторские идеи ранее печатались в научной литературе [11], но дополнены более подробными описаниями.

Библиография

1. Засов, А.В., Постнов, К.А. Общая астрофизика / А.В. Засов, К.А. Постнов. – Фрязино, 2006. – 496 с.

2. Korotkov, K., Krizhanovsky, E., Borisova, M., Korotkin, D. et. al. Time dynamics of the gas discharge around drops of liquids / K. Korotkov// Journal of Applied Physics. – 2004. - № 95. – PP. 3334-3338.

3. История биологии с древнейших времен до начала XX века [Электронный ресурс. Дата обращения: 1.04.2014] http://www.amgpgu.ru/Evolution/Lectures/Part_1/Steps.html

4. Вернадский, В.И. О состоянии физического пространства / В.И. Вернадский // Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – 522 с.

5. Электромагнитное излучение [Электронный ресурс. Дата обращения: 10.01.2006] http://ru.wikipedia.org/wiki/

6. Иорданский, Н.Н. Эволюция жизни / Н.Н. Иорданский. – М., 2001; [Электронный ресурс. Дата обращения: 15.10.2008] http://macroevolution.narod.ru/iordansky/evzhcont.htm

7. Фриш, С.Э. Природа космических лучей // Вестник знания. 1929. №4. [Электронный ресурс. Дата обращения: 10.01.2006] http://epizodsspace.narod.ru/bibl/ves-zn/1929/priroda.html

8. Шкловский, И.С. Звезды: их рождение, жизнь и смерть. – М.,1984. – 384 с.

9. Как вращается Марс // Новые новости Infox [Электронный ресурс. 15.10.2008] http://infox.ru/science/universe/2008/10/08/habitability 1.phtml; Жизнь на Земле-2, или влияние Луны на жизнь на планете

[Электронный ресурс. Дата обращения 1.04.2014] http://wap.okora.borda.ru/?1-1-80-00000175-000-0-0-1232908294

10. Радиоактивный распад [Электронный ресурс. Дата обращения 5.01.2009] http://elementy.ru/trefil/21197

11. Полякова, О.О. О границах биосферы и ноосферы // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства. Вторая региональная научная конференция. Челябинский государственный университет. 30 мая 2010 г./ Научный редактор – Е.А. Куштым. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2010а. – С. 169-173;

12. Полякова, О.О. Эволюция живого вещества // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства. Вторая региональная научная конференция. Челябинский государственный университет. 30 мая 2010 г./ Научный редактор – Е.А. Куштым. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ» 2010б. – С. 173-176;

13. Полякова, О.О. Градации ноосферного развития человечества // Горизонты цивилизации: материалы Четвертых аркаимских чтений (Аркаим, 21-24 мая 2013 г.) / под ред. докт. филол. наук, проф. М. В. Загидуллиной. – Челябинск: Энциклопедия, 2013. С. 204-214;

14. Полякова, О.О. Электромагнитное излучение, биосфера и ноосфера // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. № 6. С. 29-37; Полякова, О.О. Астрономические аспекты теории познания. - Saarbrucken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing ist ein Imprint der, 2014. - 137 c.

Fidchenko E. V.
PhD in Philosophy, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University

MODULAR APPROACH AND COMMUNICATION TRANSFORMATIONS (PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Modern science and technology, in the philosophical aspect of research is conceptually oriented to the search for modular approach in the realization of communicative practice. This strategy contributes to the formation of innovative vector of social interactions on the three levels of communicative transformations: procedural, methodological and technological.

Communication as a basic phenomenon in science, transformative and focused, eventually converging on projective modulation properties. The module as a functional construct of unification, is one of the system controllers Accumulation and transformation processes in communication and functionality - this is the most pragmatic of the principles in analysis of communicative approach.

It is related to the rational organization and implementation of the process, not only in the instrumental phase, but also anticipating its installation level conceptualization of the research project. Well procedural transformation of communication [1] appears in the application and implementation. Such can be, for example, the problem of the distribution of information as the most positivist of strategic indicators, measured in practice. Options methodological transformation in the communicative project well updated on the example in the theory of communicative action by J. Habermas.

As for the technological transformation component, it is optimally implemented through a phased review NBICS-convergence. It is this aspect of the research is necessary to stop in more detail. Holistic schematization NBICS-project is in the nature of scientific and philosophical methodology of projection, and with a specialization as the interactional, and processability. It is the integration of the projective moment and synergetic system in full accordance with the thesis of H. Haken of the "new state of order" [3, p. 292] as a converged communication in its representation of integrated, synergistic and status-categorical properties. Confirmation of this position performs thesis M.V. Kovalchuk that, on the meta-level studies, social sciences and humanities - a "new stage in the convergence of NBICS-technologies." [2, p. 21].

Here, as a good effective action principle NBICS-convergent technologies, can act mediation. There are two ways to understand the possibility of mediation as a communication side NBICS-project can be two ways, if we take into account, firstly, its relationship with the moderation (not only as a "constructed" and "constitutive" part of the communication process, but also as a "creative" party support socio-functional strategy of convergence), and, secondly, its "mediating" role (for example, a social network [4, p. 2]) when the nature of the equilibrium shown in the context of media opportunities NBICS-communication (or strategic extrapolation).

The principle of mediation is able to work in the mode of hull constructions, not only build, but also thinking, it helps to understand the process of media communication in the social scale and context. Both social and cognitive systems are subject, in this case, the decision of moderation generation media ideas. These ideas are indispensable in the development and implementation of interactional practices effectively support technical support. The project united the character of socio-cognitive actions allows eventually give information updated convergence, system parameter of modulation.

If we talk about destructive crossovers taking place along with the design variant of construction, in accepting them as switching without intermediaries. In a purely semiotic context it is, of course, is the "product" obtained by the conceptual convergence of two or more elements. [5, p. 382]

Corpus linguistics can serve a constructive example of a crossover - the system of scientific project aimed at the formation of information and linguistic mega-program. Its distinguishing feature is unprecedented in the formalization of a pragmatic approach to natural language and its functional and technical

optimization through the corpus. Obviously the presence of the three components of converged (info-, and socio-cogne), which corresponds to the initial setting parameters. Making the housing in such a case should be understood as speech ontologization (in text format). Freestanding building acts such system solutions aimed at optimizing the management of linguistic resources.

In general, the communication as a NBICS-project represents a significant general scientific and philosophical decision in the systematization and unification of innovative research. In these representations of system capacity for 100% option and absolute decisions, it is appropriate to be guided more on the integral design of communicative and synergetic transformation. Such an integral design is both conceptual (for cognitive research and social interaction), and case (for technical and technological solutions).

Synergetic bases of communicative practices suggest that the self-organizational capacity of possible participants of communication taken into account at the stage of pre-preparation for the interaction. A communication system in communicative practice [1, p. 95] plays a mediation role while identifying which of the invariants of the transformation is in the private workshop most appropriate. Optimization procedures correlation principles used it contributes to prolongation constituting the foundations of communicative synergies workshop.

System-projective work with all certainty may be nominated in high quality integral action conceptually realized the possible invariants and equivalents communicative synergistic accumulation. On the example of the practical convergence and technology becomes apparent expediency constructible "cognitive synergy", broadcast «hi-tech synergy" and interaction "socio synergy". "The correlation between the elements of theoretical schemes" provide additional capabilities integrated systems in the transformation of affiliate information in the bifurcation points. This feature is evident in the example of the dual understanding of "synergistic framework" in a situation with social communicative type workshop. Namely, when considering the construct-markator "social and humanitarian paradigm" fixed bifurcation maxim "socio synergy" while demarkator concept "society" provides the ability to scale bifurcation status to "interaction".

Information and systematically, projective direction vectors arranged in conformity: procedural, methodological and technological transformation of communications. This relationship brings the system transitions to the type of mediation / moderation. Synergistic principle of mediation capable of working in the mode of cognitive constructs transfer substantially the cognition. In fact the process of communication media involved as a «hi-tech» level solution of practical problems of communication and social context and the scale of the network realized the workshop.

In addition, and cognitive and technical, and social systems are governed, in the end, the so-called "moderation decision." The process of generating ideas of media carried out in accordance with the same principle and appears synergistic

with equal success both in the local and global interactional and technical support. The project united kogno-character, technological and social action it allows communication to mention the systemic nature of the modulation parameters.

This information field following exposure to the principles of self-organization is structured under the influence of tracer modules Interactional full-fledged content. Regarding the possible destructive crossover it should be noted that a broad understanding of the system can be broadcast in the form of switching without intermediaries.

Regarding functional strategies in building transformation and structural modeling of the semantic field, we should say that they are certainly exposed to a rigorous conceptual gradation in full compliance with the specified cluster filling the case. Info-structural component crossover, thus, does not lose its relevance and possible combinations of the invariant, since the potential of self-organization allows you to apply meta-gradation role in order to achieve stability of the system.

If you add up the potential for a modular basis communicative transformations, their possible positioning in a cyclo-forming systems, you can count on the prospect of output to a new level of communication gradations in accordance with, for example, "NBICS-design", etc.

In general, the use of a modular approach to the transformation in the practical implementation of converging systems is a significant decision for further improvement of the principles of pragma-actualization of an interdisciplinary approach in today's innovative research, taking into account both procedural and methodological and technological aspects of the philosophical analysis of the phenomenon of communication.

References

1. Apel K.-O. The transformation of philosophy. - Moscow, 2001. P. 95.
2. Kovalchuk M.V/ Convergence of Science and Technology - a breakthrough in the future // Russian Nanotechnologies [WWW.NANORF.RU]. 2011. №1-2. Vol. 6. P. 21.
3. Haken H. Secrets of nature. Synergetics: the doctrine of interaction. - Moscow-Izhevsk: Institute of Computer Science, 2003. P. 292-293.
4. Bertolotti T., Magnani L. A philosophical and evolutionary approach to cyber-bullying: social networks and the disruption of sub-moralities // Ethics and Information Technology. 2013. July (27). P. 2.
5. Inhasz R., Stern J.M. Emergent Semiotics in Genetic Programming and the Self-Adaptive Semantic Crossover // Model-Based Reasoning in Science and Technology. Berlin, Heidelberg: Springer, 2010. P. 382.

SECTION XV. Philology (Филологические науки)

Муса Абдоллахи
аспирант кафедры русского языка
Тегеранский государственный университет, Иран
mousaabdollahi@ut.ac.ir
Сайед Хасан Захраи
Профессор. К. Фил. Н.
Тегеранский государственный университет, Иран
hzahraee@ut.ac.ir

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Аннотация: В статье дан краткий обзор вопроса связи между культурой и языком, рассмотрен вопрос роли культуры в обучении иностранным языкам. Вопрос параллельного обучения языку и культуре, с учетом сегодняшней цели обучения иностранным языкам, формирования коммуникативной компетенции очень актуален. В работе показано, что обучение языковым структурам и культуре изучаемого языка очень важно, как и сохранение национальной культуры. Показано, что необходимо подбирать учебные материалы таким образом, чтобы они создавали наименьшие культурные конфликты между национальной культурой и культурой изучаемого языка.

***Ключевые слова*:** *иностранный язык, культура, обучение, коммуникация, коммуникативная компетенция.*

Анализ специальной литературы, касающейся прагматической ценности обучения иностранным языкам, показывает, что современная трактовка практического владения иностранным языком связана, прежде всего, с наличием реального выхода на иную культуру и ее представителей. С этим связано, в свою очередь, определение комплекса знаний, навыков и умений, наличие которых позволяет человеку пользоваться иностранным языком как средством общения и взаимопонимания с культурой страны изучаемого языка и ее носителями.

Почти все специалисты утверждают, что в процессе преподавания иностранных языков, необходимо и внедрение культурных знаний. Студенты без овладения культурой изучаемого языка, несмотря даже на полное владение языковыми структурами, не могут овладеть иностранным языком.

Сегодня, в связи с новой конечной целью процесса обучения иностранным языкам, студент по окончании обучения, должен уметь общаться с носителями языка в любой форме общения. К сожалению, на практике не так.

Многие студенты, хотя и очень хорошо владеют структурами самого языка, не могут превратить эти знания в практику, другими словами, они не

могут общаться с носителями языка. По мнению некоторых специалисты как Гез «Одной из основных задач современного обучения иностранным языкам является формирование вторичной языковой личности, способной успешно осуществлять социальное взаимодействие с носителями иной культуры» [2, с.190] .

Есть многие причины для этого. Специалисты утверждают, что недостаточное знание культуры исходной страны, одной из важнейших причин неэффективности обучения иностранным языкам.

В процессе обучения иностранным языкам, не только важно обучение элементам системы языка, но и важно, и обучение культурным вопросам. По мнению Горского, Человек — носитель языка должен рассматриваться не как «исполнитель» некой абстрактно-абсолютной «семантики языка», а как Субъект познания, наделенный индивидуальным и социальным опытом, системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [4, с.7] .

Поскольку мы собираемся рассмотреть вопрос связи между языком и культурой, сначала нам придется объяснить такие понятия как язык и культура.

«Язык присущий человеку и неинстинктивной способ передачи мыслей, чувств и просьбы путем производства комплекса символов» [22, с.3].

Даже среди специалистов есть мнение о том, что мировоззрение человека создается в зависимости от его языка. Людвиг Витгенштейн об этом говорит: если мы говорили бы на другом языке, у нас было бы другое представление о мире [21]. Язык меняет наши мысли и определяет о чем мы должны думать [11].

«Первым языком называется родной язык. В обществе, в котором люди говорят на двух языках, первым языком считается тот язык, на котором ребенок больше предпочитает говорить» [24, с.140] .

«Второй язык - не первый язык, но пользуется часто как средством общения в обществе. Иностранный язык, тот язык, который изучается в школах или в вузах, но не является языком общения народа той страны» [Там же, с.142-143] , как русский или английский язык в Иране.

«Культура - это образ жизни. Культура - это контекст, в котором мы образуемся, думаем, чувствуем и наладим контакты с другими. она как клей, сдерживающий общество вместе»[12, с.163] .

«Культура – это совокупность форм человечности бытия, одухотворенности жизни. Это – совокупность ценностей, то есть человеческих отношений, в которых, и в носителях которых, реализуется и оформляется эта очеловеченность, облагороженность [1, с.51] .

«Символы, используемые в устной или письменной речи образуют основные способы создания и передачи культурных значений, но другие символы как одежда, зрительные знаки, образ питания, строительство,

архитектура и многие материальные особенности создают культуру» [3, с.55] .

Культура любого народа похожа на айсберг, даже используется термин айсберг культуры. «На поверхности культуры находятся памятники архитектуры, языки, обряды, обычаи и другие реальные знаки, а сущность духовной культуры скрывается под этой внешней оболочкой и является невидимой. Как реальный айсберг может быть опасным для судов, так и чужая культура может быть опасна для человека и народа» [5, с.176-177] .

Учитывая тот факт, что ценности и этикеты различных культур отличаются друг от друга, можно сказать, что каждая культура имеет именно свойственно ее особенности, и эти особенности для народа с другой культурой будут отчуждены. «Среди различных культурных поведений человека есть и общие особенности, которые называются общими культурными особенностями. Таким образом, язык относится к общим культурным особенностям» [5, с.62-64] .

С другой стороны мы знаем, что культурные конфликты ведут к культурному шоку и культурные сходства ведут к смягчению коммуникации и общения с другими.

«Этнографией языка одна из видов языкознания, изучающая связь между языком и культурой, например: традиции, убеждения, семья. Этнография языка в некоторых сферах связана с социологией языка и этнографией» [24, с.17-18] .

Некоторые исследователи убеждены в правоте гипотезы лингвистической относительности, согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности. Гипотеза лингвистической относительности больше известна под названием Гипотеза Сепира — Уорфа потому что Сепир и Уорф первый раз раскрыли эту тему.

По мнению Брауна, язык является частью культуры и культура, частью языка, другими словами, язык и культура неотъемлемы[12].

По мнению Найда, язык и культура - две системы символов, и все в языке, прямо или косвенно указывает на социальное явление. Любое слово имеет прямые значения, но имеет и другие значения, которые связанные с культурой и культура горазда шире языка [17] , Например любой язык для некоторых значений имеет слова с тонкими отличиями в значениях, например в английском языке для указания на части тела человека и животного используется одно и тоже слово, но в испанском языке используется разные слова. Культура в существовании таких предоставлений о значениях слов играет роль. Коррида в Испании - символ мужества и победы над безумной силой, но в другой стране, может быть, что люди считают матадора глупым человеком, который ради развлечения рискует своей жизнью. [20, с.52-62]

Сепир отмечает, что «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некоторой степени составляют одно и тоже... внутреннее содержание всех языков одно и тоже - интуитивное

знание опыта. Только внешняя их форма разнообразно до бесконечности» [8, с.193] .

Для удачного использование языка с целью создания межкультурной коммуникации необходимо знакомство с культурными и ультракультурными значениями. «В любой культуре, носители языка используют собственно тому языку тон, темп, пауз» [10, с.43], поэтому в процессе преподавания иностранных языков даже придется обращать внимание на культурные различия в области произношения, темп... К тому же, критерии уважения в разных культурах, разные.

Культурные ценности и культурные приоритеты показывают себя в лице различия коммуникативных стилей и образ общения, например в американской культуре любой человек может сказать: я так думаю или я так не думаю, но в японской культуре такие выражения не приняты [31, с.69-72] .

Согласно вышесказанному, можно сказать, что «наши представления о коммуникативном контексте являются результатом связи между языком и культурой, точнее, интеллектуальные представления носителей создают коммуникативный контекст» [там же, с. 27] .

По мнению Эскота, в странах с похожей литературой, люди лучше понимают литературу друг друга. Например, понятие английской поэмы о смерти, легче студентам с исламской культурой, чем японцам [27, с. 297-298] .

Но почему? Потому что утверждено, что литература имеет огромное культурное содержание. При переводе, тоже следует обратить внимание не только на языковую эквивалентность, но и на культурную адекватность.

С другой стороны, язык очень тесно связан с мышлением. Ведущий российский специалист Леонтьев А.А. считает, что «использование языка обусловливает теоретическое мышление человека... язык служит орудием мышления человека» [6, с.9] .

Как уже говорили, язык не только часть культуры, но в нем отражается и культура. Другими словами, «понимание культурного содержания считается ключом к удачному изучению иностранных языков. Студенты не могут овладеть каким-то языком, если не владеют культурными контекстами того языка» [22, с.27] .

В 1996 году Американский Совет по вопросам преподавания иностранных языков опубликовал стандарты изучения иностранных языков в 21 веку, где учитывая 5 факторов, определяется рамки действия преподавателей и деятелей области обучения иностранным языкам. Коммуникация находится в центре этих стандартов и умения общения в четырех видах: говорение, аудирование, чтение и письмо должно развиваться в процессе преподавания иностранных языков. Среди опубликованных стандартов, культура тоже имеет огромное значение, в действительности коммуникация не возможно без культуры.

Исследования об обучении культуре на занятиях иностранного языка, методы такого обучения и использовании языка и культуры имеет длинную историю, но практически, результаты таких исследований не влияли на процесс обучения иностранным языкам. В 1998 году был придуман Опросник Межкультурного Развития, предложенного Институтом Межкультурной Коммуникации. Разработчики позиционируют Опросник Межкультурного Развития (далее ОМР), как межкультурно валидный и исключительно надежный метод оценки межкультурной компетентности. Также, по их мнению, ОМР имеет непосредственные приложения в области международных отношений. Так, есть мнение о том, что ОМР позволяет эффективно взаимодействовать на глобальном уровне, сохраняя уважения к культурным различиям. Предполагается, что диапазон межкультурного развития представляет собой спектр от сниженного восприятия различий (как следствие ограниченного опыта культурных различий) до комплексного восприятия, опирающегося на опыт культурного разнообразия. Из множества параметров и признаков культурных различий Харрис и Морганы выделяют десять «культурно целостных» измерений, правильная оценка которых позволит качественно повысить эффективность взаимодействия с людьми других культур: ощущение личного пространства, язык и коммуникация, одежда и внешний вид, пища и пищевые привычки, ценность времени, личные отношения, нормы и ценности, убеждения, обучение,рабочие привычки и практики [7] .

Центр продвинутых исследований по вопросам обучения языку в учебных годах 1998-1997 и 1998-1999 среди 353 студентов и учеников провела исследования, используя опросник Хаммер-Беннет. Анализируя результаты исследований, специалисты пришли к выводу о том, что эта система очень эффективна для проверки межкультурного развития. К тому же, исследователи поняли, что студенты и ученики как выражают свое представление о культурных различиях [16] .

Краснер указывает, что лингвисты и социологи уже давно знают, что внешние формы определенного языка отражает культурные ценности данного общества и владение языковыми средствами недостаточно для владения данным языком [19] .

Томалин тоже утверждает, что обучение культуре должно включать в себя культурные знания, культурные ценности, культурные поведения и культурные навыки [30] .

Байрам тоже пишет, что межкультурная компетенция вместе с владением языковыми средствами создает межкультурную коммуникацию. Студенты, которые владеют межкультурной коммуникацией могут, используя свою способность, присоединить культурные знания с языковыми навыками [13, с.71-73] .

По мнению Риверза, большинство студентов «подвергаются культурным недостаткам, другими словами, система ценностей у них создается культурой дома» [25, с.285] .

Таким образом, «объяснение культурных аспектов любого языка может помочь студентам, чтобы они понимали формы и значения каждого понятия языка» [14, с.298] . К тому же «с изучением культуры, интерес студентов к данному народу и стране растет» [15, с.83] .

Танг говорит, что для владения иностранным языком, человек должен говорить и писать на данном языке. Если кто-то хочет говорить на иностранном языке, он должен и думать на том языке. Потому что только таким образом можно передать полностью содержание [28] .

Разумеется, что в процессе обучения иностранным языкам не обучается культуре автоматически. Преподавателю придется найти подходящие способы обучения культуре на занятиях иностранных языков. Обучение культуре на занятиях иностранных языков не надо ограничиваться только в рамках учебных материалов, нужно обучить культуре как важный элемент того общества.

Даже некоторые специалисты, такие как Крамш, говорят о третьей культуре на занятиях иностранных языков. Под термином «третья культура» подразумевается нейтральная культура на занятиях иностранных языков, при которой сами студенты думают о родной культуре и культуре иностранного языка [18] .

«Изучая другие языки, студенты получают знания про культуру того народа, в действительности студенты не могут владеть языком если они владели культурным контекстом того языка» [23, с.27] .

Можно сказать, что можем вычислить семь целей в обучении культуре:

1. помощь студентам, чтобы они поняли, все люди одной страны соблюдают одинаковые культурные нормы.
2. помощь студентам, чтобы они знали социальные параметры, в том числе возраст, род, социальный слой и место жительства оказывает влияние на говорение и поведения людей.
3. помощь студентам, чтобы они познакомились с обычными традициями данной культуры в определенной ситуации.
4. помощь студентам, чтобы они познакомились с культурным содержанием слов и выражений в данном языке.
5. помощь студентам, чтобы они развивали свою способность на самооценку, и найти другие общие признаки действия данной культуры.
6. помощь студентам, с целью развития их возможность для классифицирования данных о культуре изучаемого языка.
7. Вызвать любопытства студентов про культуру страны изучаемого языка и развитие симпатии к народу данной культуры [29, с.7-8].

Следует заметить, что почти везде в процессе обучения иностранным языкам не обращают достаточного внимания на культуру страны изучаемого языка.

По результатам исследования, проведенного Серко на основе получения информации среди 424 преподавателей иностранных языков из семи стран мира (Бельгия, Болгария, Польша, Мексика, Греция, Испания, Швеция) путем опроса, стало ясно, что цель стимулирования студентов, дать им возможность использовать язык. Поэтому они больше делают акцент на обучении языку и не культуре, в результате которого из-за краткости времени на занятиях очень часто не успеют пользоваться подходящими источниками обучении культуре [26] .

Как уже мы говорили, вопрос обучения культуре параллельно с обучением иностранному языку имеет длинную историю и не является новой темой в методике обучения иностранным языкам. Практически в процессе обучения языку, культурные аспекты ограничиваются информациями о праздниках, традиционных одеждах, блюдах, музыках. Хотя такие материалы тоже очень полезные, но если мы поставим цель-познакомить студентов с еще более широкими культурными аспектами, тогда такие материалы не куда не гадятся. В действительности, знание того, как надо общаться с разными людьми в разных ситуациях, гораздо больше, чем знать языковые структуры и несколько ситуации общения. Культурные цели должны очень аккуратно включить в учебную программу. К тому же надо помочь студентам, чтобы они знали все культуры.

Специалисты предлагают много способов для того, чтобы одновременно и обучать иностранному языку, и культуре. Среди главных способов можно вычислить многие, в том числе: использование реальных источников, дискуссия о пословицах и поговорках иностранного языка и сравнение с пословицами родного языка, спектакль, использование средства наглядности ...

Всегда необходимо помнить, что «хороший урок иностранного языка идет на языке, но это не урок о языке. Безусловно, могут быть уроки, ориентированные на формирование чисто языковых знаний, но если речь идет о формировании коммуникативной компетенции, то такие уроки скорее будут исключением, чем правилом. Ведь даже если это урок формирования лексических и грамматических навыков, нас интересует не уровень знания, а уровень умения применить эти знания в реальном общении. К сожалению, эти два уровня не всегда пересекаются» [9, с.42] .

Культура и способность к коммуникации - две стороны одной монеты, так как культура не только подскажет человеку, как он с другими должен говорить и определяет тему разговора, но и определяет способ кодирования сообщения. Иными словами, когда люди с разными культурами совершают акт коммуникации, создается межкультурная связь, поскольку у них нет одинокого представления об окружающем мире. Таким образом, можно сказать, что контакт создается и на языковом уровне и на социально-культурном. С учетом того, что сегодня главная цель обучения иностранным языкам, считается формированием коммуникативной компетенции, следует обращать внимание на тот факт, что изучение

языковых структур не дает никакого знания о политической, экономической, социальной системы и религии общества изучаемого языка. Поскольку студент на уроках иностранного языка, впервые, сталкивается с многими социально-культурными явлениями иностранного языка, формирование правильного представления о таких социально-культурных явлений очень важно. С другой стороны, преподаватели иностранного языка должны всегда иметь в виду, что обучение иностранной культуре не означает изменения национальной культуры студентов. Хотя обучения языковым структурам и культуре изучаемого языка очень важно, но преподаватели должны стараться на занятиях сохранить национальную культуру, так как национальная культура создает личность студентов. Следует подобрать учебные материалы таким образом, чтобы они создавали наименьшие культурные конфликты между национальной культурой и культурой изучаемого языка.

Список литературы

1. Большаков В. П. Культура как форма человечности. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000. 72.с

2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Москва: Академия, 2004. 336 с.

3. Гиденз Антони. Джамешенаси// перевод: Манучехр Сабури. Тегеран. 1997. С. 55

4. Горский Д.П. Познание и проблема отождествления нетождественного//Творческая природа научного познания. Москва., 1984. С. 7.

5. Григорьев Б.В., Чумакова В.И. Межкультурные коммуникации. Санкт-Петербург: Петрополис, 2008. 404 с.

6. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Москва: Просвещение, 1969. 214 с.

7. О принципе построения и возможности использования Опросника Межкультурного Развития. [Электронный ресурс]: http.//psyjournals.ru/ethnopsy_teor/issue/40389_full.shtml

8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, 1993. 656 с.

9. Соловова Е.Н. методика обучения иностранным языкам. Москва: Просвещение, 2002. 239 с.

10. Танен Дбора. Перевод: Мехди Даги., Зохре Фотухи. Манзурам ин набуд: Тафавотхае калами бейне зан ва мард. Тегеран. С. 43.

11. Benjamin Lee Whorf Quotes. [Электронный ресурс]: http://thinkexist.com/quotes/benjamin_lee_whorf/

12. Brown H.D. Principles of Language Learning and Teaching. Boston: Pearson Education, 1994. 394 p.

13. Byram Michaël. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Bristol: Multilingual Matters, 1997. 124 p.

14. Chastain K. The Development of Modern Language Skills: Theory to Practice, Chicago: Center for Curriculum Development, 1971. 416 p.
15. Cooke M. A., Seelye H.N. Suggestions for Developing More Positive Attitude toward Native Speakers of Spanish in Perspectives for Teachers of Latin American Culture. Springfield: Office of the Superintendent of Public Instruction, 1970. 173 p.
16. Culture and Language Learning Initiatives. [Электронный ресурс]: http://www.carla.umn.edu/culture/initiatives.html
17. Eugene Nida. Language, Culture and Translation // Foreign Languages Journal. 1998, No. 3 C. 29.
18. Kramsch C. Context and Culture in Language Teaching, Oxford: oxford university press, 1993. 134 p.
19. Krasner I. The Role of Culture in Language Teaching. // Dialog on Language Instruction/1999, Vol. 13, No. 1-2
20. Lado R., Valdes J.M. How to Compare Two Cultures, in Culture Bound: Bridging the Cultural Gap in Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 222 p.
21. Ludwig Wittgenstein. [Электронный ресурс]: http://en.proverbia.net/citasautor.asp?autor=17812
22. Lyons, J. Language and Linguistics, Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 356 p.
23. National Standards in Foreign Language Education Project . Standards for Foreign Language Learning in the 21st Century, New York :National Standards in Foreign Language Education Project, 1996. 518 p.
24. Richards J.J., Weber H. Longman Dictionary of Applied Linguistics, London: Routledge, 1992. 656 P.
25. Rivers M.W. Teaching Foreign Language Skills. Chicago: University of Chicago Press, 1968. 576 p.
26. Sercu Lies., Bandura Ewa., Castro Poloma. Foreign Language Teachers and Intercultural Competence: An International Investigation.UK: Multilingual Matters, 2005. 229.p.
27. Scott C. T., Harold Byron Allen. Literature & the ESL Program in Teaching English as A Second Language: a Book of Readin., New York: McGraw-Hill, 1965. 358. P.
28. Tang R. The Place of “Culture” in the Foreign Language Classroom: A Reflection. // The Internet TESL Journal. [Электронный ресурс]: http://iteslj.org/Article/Tang-Culture.html.
29. Tomalin Barry., Stempleski S. Cultural Awareness, Oxford: oxford university press, 1993. 160 P.
30. Tomalin Barry. Culture-the fifth language skill. [Электронный ресурс]: http.-http//www.teachingenglish.org.uk/think/articles/culture-fifth-language-skill
31. Wierzbicka, Anna., Pütz M. Cultural Script's: A New Approach to the Study of Cross Cultural Communication’, in Language Contact and Language Conflict,. Amsterdam: oxford university press, *1994. 352.p.*

Сергей Скрыльник
Кандидат филологических наук
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

LANGUAGE INTERFERENCE IN TRANSLATION

The paper studies the main approaches to language contacts and language interference in translation. Translation is considered as a process of language and speech interaction and as a result of translator's cognitive language activity. The paper singles out two types of interference in translation: negative interference and transference. Regardless of the text genre, interference can have either negative or positive communicative effect for target audience. The paper defines negative interference and gives the main reasons why a translator copies the structure of the source text in a target one. In contrast, the paper gives definition of transference as a positive type of language interference in translation and gives the main reasons for using source structures in a target text. The data consist of translations of the texts of various genres: Ukrainian and Russian translations of "King Lear" by W. Shakespeare and non-official English and Russian translations of agreements and contracts done by students. Such genre diversity is to manifest the pragmatic and communicative discrepancy of negative interference and transference in the process of translation.

Any translated text reflects the source one. Any translated text has vivid features of a source one. Any translated text is a unique text genre that incorporates two languages and two cultures. What is the nature of the language contact in translation? What is the reason and the result of the language contact in translation? To what extent can a translator copy source text structures, neologize and coin new metaphors using source metaphors? What communicative effect does a translator achieve by means of using source structures in a target text? What interacts in translation: text structures or languages? These are the postulates that are of concern to modern translatology. Translation studies scholars still argue about what is a translated text: a language as a structural unit or a speech act. If it is a language with its norms and rules then any translation is an example of negative language interference, since any attempt to "domesticate" a source text in a target language makes the source text an "imitation". In case it is a speech act, then any mistake can be justified, since a speech is an individual form of verbal expression either oral or written, therefore language interference is always positive. The foreignization-domestication theory vividly displays the opposition between what can be considered a negative or positive interference. Domesticated translation "as a pane of glass" (Venuti, 1995) never has any forms of structural language mistakes, but it is pragmatically incompatible with the original author's intent. The foreignized strange translation is hard to perceive; its readability factor is low (Toury, 1995); it is grammatically erroneous and semantically unnatural; but it is closer to the original. The question arises: is interference good or bad? A translator being a bilingual speaker often does not

see a thin dividing line between interacting languages and subconsciously copies source structures into a target text.

Linguistics and translation studies differently define language interference, language contact and speech interaction. Translation studies defines language interference as both negative and positive influence, which can either lead to misunderstanding or make it easier for a target audience to understand the source text in a target language (Aixela, 2009; Hopkinson, 2007; Neubert, 1990; House, 1997). Negative interference leads to structural and pragmatic mistakes in a source text. As a result of negative interference a source unit of translation loses its original communicative effect or becomes totally devoid of the original sense. Linguistics treats language interference as a purely negative phenomenon caused by erroneous language perception and language misusage by bilingual speakers or those who live in bilingual families or in bilingual areas (Grandi, 2004; Fries, 1945; Laufer, 2005). Translations studies being an interdisciplinary subject is to consider different factors that lead to language interference: structural affinity of interacting languages, translator's competence, translation scope, translation target audience, text genre and translator's strategy.

In case two interacting languages are geographically and historically close, interference is frequent and more plausible. The Ukrainian language is structurally, semantically and geographically close to the Russian language and different from the English language. A big number of Ukrainian people are bilingual – speaking both languages equally well. Therefore, language interference in Ukrainian/Russian or Russian/Ukrainian translation must be more frequent than in Ukrainian/English or English/Ukrainian one. This premise is proved by the experiment I have carried out in a group of 4-th year students of translation. The students were given a 200-word Ukrainian literary text to be translated into Russian and then into English. The experiment underpinned the premise that the closer a source phrase or a collocation is to the target one the more cases of negative language interference occur. The Ukrainian/Russian translation contained 30% more mistakes than the Ukrainian/English one. What is interesting, the students do not make such mistakes in everyday communication. It proves that they were copying the very structures of the source text during the experiment. Thus negative language interference is often a text interference – a translator copies the syntactic and lexical-semantic structures of a source text in a target one. In the Ukrainian/English translation, the students were using the phrases they had studied before and practiced before; in the Ukrainian/Russian translation, they were using familiar natural phrases without distinguishing between the languages. Therefore, negative language interference frequency depends much upon language affinity factor.

The translation process means language contact through a translator who recreates and imitates a source text through a source creator. Language interference, which occurs in a target text under the influence of a source one, is often a means of bringing two interacting texts and cultures closer to each other. In a literary translation a translator has an overall freedom to coin neologisms

taking original semantic and syntactic structures. A translator resorts to erroneous structures intentionally to reveal certain substantial subtleties of an original text in a target language. For example, the Ukrainian translation of Shakespeare's "King Lear" done by V. Barka (Barka, 1969) – a neo-romantic poet – proves that the translation is a form of the "afterlife of the original" (Benjamin, 1988). V. Barka almost merged source and original semantic structures, which made two texts "akin" but hard to read. The translator went into the author's footsteps – he was neologizing and coining new metaphors and words using original word-formation tools – transferring structures into a target text. Language interference in this case is positive and serves as a means of reaching a translator's artistic scope. B. Pasternak – a Russian translator – was avoiding any hints of interference; he was making the target text sound Russian. Did he conceal Shakespeare in Shakespearean tragedy?

It depends on a translator's strategy. V. Barka's Ukrainian translation was a reaction to a plethora of "right" translations of Shakespearean "King Lear" into Ukrainian. This very reaction gave the Ukrainian language 92 neologisms and fresh metaphors. Therefore, positive interference / transference is a means to refresh the readability of hackneyed phrases.

I believe that interference in translation- if wisely applied – can be a means of bringing language and cultures closer. Due to transference, languages get new words and phrases. Due to negative interference, students learn by their mistakes. There is still much to research in the field of language contact and interference, for example, pragmatic interference; translator's speech code; ways to avoid interference and interference in simultaneous and consecutive interpreting.

Литература

1. Franco Aixela J. An overview of interference in scientific and technical translation, 2009. Barcelona
2. Grandi N. Gli effetti dell'interferenza sui sistemi morfologici, 2004. Milano
3. Fries C.C. Teaching and learning English as a foreign language, 1945. Michigan
4. Kade O., 1964. Ist Alles Ubersetzbar? Fremdshprachen # 2, 84 – 100.
5. Hopkinson K. Factors in Linguistic Interference: A Case Study in Translation, 2007. SKASE Journal of Translation and Interpretation [online], vol. 2, 234 – 254.
6. Laufer B. What's in a word that makes it hard or easy: some intralexical factors that affect the learning of words, 2005. Cambridge university press.
7. Neubert A. Interference between Languages and between Texts, 1990. Helsinki, 134 – 145.
8. House J. Translation Quality Assessment: A Model Revisited, 1997. Tübingen: Gunter Narr Verlag
9. Lawrence Venuti The translator's invisibility Routledge New York 1995
10. Ernst-August Gutt. Translation and Relevance. Cognition and context, 1991. Oxford: Basil Blackwell

11. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond, 1995. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins
12. Benjamin W. Illuminations: Essays and Reflections, 1998. New York
13. W. Shakespeare. King Lear [translated by V. Barka], 1969. New York
14. W. Shakespeare. King Lear [translated by B. Pasternak]. 1959. Moscow.

Сулейманова Д. Д.
Соискатель кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования, Башкирский государственный университет,
г. Уфа, РФ, dilbar.bulatova@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ФОНЕМЫ */Р/* В ТЮРКСКОМ (ТАТАРСКОМ, БАШКИРСКОМ) И БАСКСКОМ КОНСОНАНТИЗМЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ[1]

Агглютинативные тюркские языки считаются одними из наиболее изученных и распространенных языков, представлены «35 современными языками и диалектами» [1, с. 765]. Татарский и башкирский языки относятся к кыпчакской группе, носители компактно проживают в Центрально-европейской части России. Баскский язык (Euskera) распространен в западной части Пиренейского полуострова на территории севера Франции и юга Испании и, в отличие от соседних индоевропейских языков, относится к языкам агглютинативного типа. В литературе описан материал 10 баскских диалектов.

Сопоставительный анализ исторического развития фонемы *р* в тюркских (на примере татарского, башкирского) и баскском языках проводится впервые и может способствовать выяснению особенностей развития фонемы *р* в изолированных друг от друга агглютинативных языках.

Древнетюркские примеры (далее – ДТ) приводятся по «Древнетюркскому словарю» (1969), пратюркские реконструкции (под графемой <Э> и с номером страницы соответствующего тома) – по «Этимологическому словарю тюркских языков» в 7 томах (1974 – 2003), под графемой <М> и с номером страницы – по публикации О.А. Мудрака «Развитие пратюркской системы фонем» (http://altaica.ru/texts/prototurk.ru). Пратюркские и праалтайские (далее – ПТ и ПА) формы извлечены из

[1] **Сокращения:** алт. – алтайский, арх. – архаичный, диал. – диалектный, каст. – кастильский, кирг. – киргизский, лат. – латинский, тат. – татарский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, узб. – узбекский, хал.– халаджский, як. – якутский.

«Этимологического словаря алтайских языков» С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака (2003). Баскские примеры (диалектный материал и архаическая лексика) и прабаскские реконструкции (под графемой <T> и номером страницы) приводятся по «Этимологическому словарю баскского языка» Р.Л. Траска (2008) и под графемой <S> – по базе этимологических данных С.А. Старостина (http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response). В статье использованы следующие условные сокращения баскских диалектов: A – аэсконский (Aezkoan), B – бискайский (Bizkaian), G – гипускоанский (Gipuzkoan), HN – верхненаваррский (High Navarrese), L – лабурдинский (Lapurdian), LN – нижненаваррский (Low Navarrese), R – ронкальский (Roncalese), S – саларесский (Salazarese), Sout – диалект Алавы (Southern (Alavese)), Z – зуберoанский (Zuberoan (Souletin)).

Реконструкция губно-губной глухой смычной фонемы *p-* для пратюркского анлаута предложена в «Этимологическом словаре тюркских языков» (2003). По мнению М. Рясянена (1955), *p* в исконных тюркских словах встречается только в середине и конце слова. В новейших исследованиях предполагается, что сильная ПА **pʿ-* реализовалась в ПТ **p-,* а далее в **h-* (по халаджским данным), **[0-], *j-*; а слабая ПА **p-* – в ПТ **b-* [1, с. 10-11]. А.М. Щербак считал, что тюркский *h-* не может являться рефлексом алтайских **p-, *f-* [2, с. 182].

В начале слова «внутридиалектное соответствие *p* ~ *b* прослеживается в преобладающем большинстве тюркских языков <...>. Отдельные ареалы тюркских языков обнаруживают аспирированный *pʿ*» [3, с. 179-180]. «В литературном башкирском языке анлаутный *p-* выступает лишь в звукоподражаниях», в отдельных говорах наблюдается сохранение ПТ **p-*; употребление анлаутной *p* вместо *b* наблюдается преимущественно в позиции перед *s, š, θ, δ, t*, сонорными [4, с. 47, 52, 36-42]. По мнению Т.М. Гарипова, губно-губная глухая смычная фонема *p* исторически присуща всем позициям в татарском и башкирском языках основные формулы изменения для *p*: *b, m, f, F, v, t, [0], n, š?* [5, с. 82].

Вопрос о существовании согласного *p* в прабаскском языке также является спорным. Билабиальная смычная глухая фонема *p* восстанавливается С.А. Старостиным для праязыкового состояния. По мнению Р.Л. Траска, для анлаута исконно баскской лексики не были характерны глухие смычные (кроме редких исключений) [6, с. 14-15].

В ограниченном количестве татарских лексем фиксируется начальная фонема *p-*, соответствующая башкирской *b-*, татарская/башкирская (далее – ТБ) *p-/b-* < ПТ **b- (*p-):* ТБ *peš-/beš-* < **bi̯ɨ̆č-* М 15/**piš* Э *116* ‘вариться’; ТБ *pïçaq/bïsaq* ‘нож’ < **pis* II Э 116 ‘лезвие’/**bi:z* Э 130 ‘шило’. Начальная фонема *p-* обнаруживается в тюркских языках Сибири: алт. диал. *pa:s-*, чув. *pus-*, ТБ *bas-/baθ-* < ПТ **bas-/*pas-* Э 105 ‘давить, жать, мять, оседать’; тув. *palar* < **balïr* Э 61/**palar* Э 105 ‘водоросль, тина’; тат. диал. *paɣa, maɣa*, ТБ *baqa* < ПТ **b(i)āka*, **baqa* Э 40/**paɣa* Э 105 ‘лягушка’.

Тюркский материал демонстрирует соответствие анлаутных *p- ~ b- ~ m-*: ТБ *bursïq/burhïq*, хак. *porsïx*, тув. *morzuq* < **porsuq* Э 124 ‘барсук’; алт. диал. *portïq*, алт. *burt*, ТБ *murt* < **port* Э 127 ‘хрупкий; трут, плесень’; ТБ *balçïq/balsïq,* шор. *malčaq* < ПТ **bạl-/ *palčïq* Э 109 ‘грязь, ил, глина, болото’, ср. ТБ *pïçraq/bïsraq* ‘грязный’.

В списке С.А. Старостина приведены 9 прабаскских форм с анлаутной фонемой **p-*. Диалектный материал указывает на соответствия *p- ~ ph ~ b-; m-; [0]-*: *phats* (L), *batz* (B) < **Pač* S ‘жмых’; *bertz* (HN R Z), *pertz* (HN G R), *phertz* (L), *bartzun, barzuin* < **perc* S ‘котел’, ср. *biztu* (B HN LN R), *piztu* (G HN LN L), *phiztü* (Z) T 146 ‘разжигать огонь’; *mintz* (B G HN R), *phintz* (LN Z) < **pinc* ‘мембрана’; *paita* (B) < **paita* ‘утка’; *pataxa* (HN) < **pata-* ‘бутылка’; *pinpilin-* (HN L) < **pinpiRin* ‘бабочка’; *potro* (B) < **pot-* ‘яйцо’; *puzkar* (G HN), *uzker* (R), *üzker* (Z) < **pus-ka* ‘пускать газы из кишечника’.

Анлаутная *p* в баскской заимствованной лексике также подвержена усилению, ослаблению или соноризации в отдельных случаях, *p- > p-, ph-, b-, m-, [0-]: piper, phiper, phíper* (Z), *biper*, *bipher*, *pipar* (B G) < лат. *piper* T 151 ‘перец’; *paradisu* (арх. HN), *baradisu* (A), *parabisu* (арх. L), *pha(r)adüsü* (Z) T 239 ‘рай’; *bortu* (LN R), *bortü* (Z), *portu* (HN LN), *mortu* (HN L), *maurtu* (арх. B) ‘пустыня’ < лат. *portum* T 147 ‘гавань’; *martoopil, martopil* (G) ‘подарок родившей женщине’ < каст. *parto* T 285 ‘рождение’; *oilo* (B HN L LN A), *ollo* (ОБ), *óllo* (Z R) ‘курица’ < каст. *pollo* T 336. Наблюдаются соответствия *p- ~ ph- ~ b- ~ f-: frogatu, porogatu, phorogatu* (арх. LN), *borogatu* (арх. LN) < каст. *probar* T 193 ‘доказывать’; *barre* (B Sout S), *parre* (B G), *farre* (G HN), *barra* (LN R), *parra* (G), *farra* (G HN L) T 127 (по мнению Р.Л. Траска, слово неясной этимологии) ‘улыбка, смех’.

В середине слова ПА **-p-* реализовалась в пратюркской **-b-*, а ПТ **p*, возводимая к сильной ПА **p* ʻ (ср. ТБ *ipi/äpäj* < ПТ **Epej* ‘печеный хлеб’), в некоторых случаях отражается как *f* в татарском языке [1, с. 18], ТБ *-f-/-p-* < ПТ **-p-*: ТБ *tufraq/tupraq* < ПТ **topra-k* ‘земля, пыль’; ТБ *jafraq/japraq*, кирг. *ǯalb ɨraq*, як. *sebirdex*, тув. *čövüree*, ДТ *jap ɨrɣaq* < ПТ **japur-gak* ‘лист’; тат. *tufan*, тур. *tipi*, узб. диал. *dubulaj*, тув. *duvu* < ПТ **tüpi* ‘вьюга; пылевая буря’.

ПТ **-p-* в тюркских языках подвержена ослаблению и имеет рефлексы *-b-, -v-, -m-* (при наличии сонантов): ТБ *küper*, тув. *ko’vurug*, як. *kurbe*, *kurge* < ПТ **köpür* ‘мост’; ТБ *çabïrt/sabïrt-*, тур. *čopur* < ПТ **čopur* ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’; ТБ *seberke/hepertke* < **sï’pürɣi* M 45, ПТ **sipür-* ‘веник’; ТБ *taban*, кирг. *taman*, тоф. *daman* < ПТ **dāpan* ‘нога, подошва’; ТБ *tubal* < ПТ **Topal* ‘кузовок, лукошко’; ТБ *ubïr* ‘ненасытный’, ДТ *opïr-* < **opir-* Э 466 ‘хапнуть’.

Баскские основы с срединной *p* довольно устойчивы, ср. *koipe* T 55 < **goipe* S ‘сало, жирный, пухлый’; *tipi* (HN), *ttipi* (LN), *txipi* (L), *ttipi, txipi, xipi* (L) < **tipi* S ‘маленький’. Имеются диалектные соответствия *-p- ~ -ph-*: *ope* (арх. B G), *opil* (B G HN S), *ophil* (L LN) T 305 ‘торт; маленькая

булочка хлеба’; *eper* (B G HN R), *epher* (L LN Z) T 172 < **e-perr* S ‘куропатка’; *-p- ~ -m-*: *atzamar* (B) T 114 ‘палец’, *atzapar, aztapar* (LN Z R), *atzapar* (G HN L), *haztapar* T 114 < **a-s-taparr* S ‘палец, коготь (птицы)’; *zarraparra, zarramar* (B G) ‘суматоха’. Соответствия *-p- ~ -b-, -p- ~ -f-* встречаются в редких случаях: *sabai, sapai* (G), *sapaio* (HN), *sapallo* (HN) T 335 ‘мягкий’; *apo, apho, ápho* (Z), *afo* (LN), *zapo* < каст. *sapo* ‘жаба’. Заметим, что восстанавливаемые С.А. Старостиным слова отнесены Р.Л. Траском к заимствованиям.

В конце слова наблюдается устойчивость фонемы *-p* в татарском и башкирском языках, ТБ *-p* < ПТ **-p*: ТБ *qap* < ПТ **Kāp* ‘мешок, посуда, горшок’; ТБ *up-* < **op-* Э 464 ‘пожирать’; ТБ *jap-* < ПТ **jap-* ‘покрывать; закрывать (дверь)’. Происходит озвончение фонемы *p* в грамматических формах (в интервокальном положении): ТБ *küp* ‘много’ – *kübäj-* ‘увеличивайся’, ТБ *jap-* ‘закрывать’– *jabïl-* ‘закрываться’.

Баскские корни, как правило, имеют конечный гласный после взрывных согласных, сибилянтов. Конечная *-p* характерна лишь для экспрессивной лексики в баскском языке: *panp* (L LN Z), *panpa, phanpa* T 323 ‘стук’. Заметим, что в чувашском языке наблюдается присутствие конечных гласных, отсутствующих в других тюркских языках.

Итак, губно-губная глухая смычная фонема *p* функционирует в современных консонантных системах исследуемых языков. При этом констатируется редкое употребление начальной *p-* в современных татарском, башкирском и баскском языках, имеются разногласия по проблеме реконструкции фонемы **p-* для пратюркского и прабаскского анлаута. Соответствия *p- ~ b-*, а также *p- ~ m-* и в более редких случаях утрата *p-* характерны для начала слова в обеих системах. Фонема *p* в середине слова подвержена изменениям преимущественно в пределах группы губных согласных в обеих системах: *-p- ~ -f-, -b-, -v-, -m-* в тюркских и *-ph-, -f-, -m-* в баскском языках. В отличие от тюркских языков (исключение составляет чувашский язык), конечная фонема *p-* не характерна для баскского ауслаута. Таким образом, имеется значительное количество типологических сходств в функционировании и историческом развитии фонемы *p* в изолированных друг от друга агглютинативных татарского, башкирского и баскского языках.

Литература

1. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка; под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006.

2. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970.

3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика; отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984.

4. Ишкильдина Л.К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ишкильдина Линара Камиловна. – Уфа, 2013.
5. Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхронической и диахронической характеристики. – М.: Наука, 1979. – 305 с.
6. Trask Robert Lawrence. Etymological Dictionary of Basque [Электронный ресурс]; edited for web publication by Max W. Wheeler. – University of Sussex. – 2008. – Режим доступа: http://www.academia.edu/2154989/Etymological_Dictionary_ of_Basque_ by _ R._L._Trask_edited _for_web_publication_by_Max_W._Wheeler.
7. Michelena Koldo Elissalt. Fonetica historica vasca. – San Sebastian: Diputación Foral de Gipuzkoa, 1990.

Терехова С. И.
Доктор филологических наук, профессор
Киевский национальный лингвистический университет, Украина

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК ОПТИМАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ АБСТРАКТНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ В УКРАИНСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)

На протяжении последних десятилетий проблема исследования способов экспликации и репрезентаций категории референции в языках привлекает внимание исследователей как одна из самых неоднозначных и поэтому сложных для восприятия и понимания языковых категорий (см. работы Р. Карнапа, И. Пригожина, И. Стренгерса, Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой и др.). Тем не менее, оптимальной комплексной методики исследования данной категории в лингвистике до сих пор не было предложено.

Цель статьи – охарактеризовать возможности применения полипарадигмального подхода для анализа абстрактных языковых категорий на примере категории референции в украинском, русском и английском языках.

Поскольку категория референции, как свидетельствует проведенное исследование, в разных языках эксплицирована единицами разных уровней (лексическими, лексико-грамматическими, грамматическими, функционально-семантическими), то для мониторинга средств ее экспликации в близкородственных и отдаленнородственных языках и для их комплексного, многоуровневого контрастивного анализа на рубеже XX-

XXI вв. был разработан полипарадигмальный подход, внедренный на материале украинского, русского и английского языков [Терехова 2011; 2012]. В частности, были проанализированы репрезентации референции в украинском, русском и английском языках на уровне концептов (понятий), собственно языковых единиц и ассоциаций. Поскольку материал исследования эксплицирован в английском языке преимущественно функционально-синтаксическими средствами, а в украинском и русском языках – в большей мере лексико-грамматическими, оптимальной моделью репрезентации категории референции послужила модель функционально-семантического поля (ФСП). Были изучены способы экспликации категории референции в исследуемых языках, а именно – ФСП референции к пространству, времени и лицу, в составе которых рассмотрены и сопоставлены тематические группы и другие парадигмы, а также отдельные языковые единицы указанной семантики и / или функции.

Методика применения полипарадигмального подхода, предложенная для изучения экстралингвистических и лингвистических характеристик ФСП референции, дала возможность проецировать исследование на дополнительные понятийный и ассоциативный уровни анализа экспликантов данной категории в контрастируемых языках, что, в свою очередь, позволило определить особенности осознания репрезентаций категории референции в их алломорфных и изоморфных характеристиках носителями сопоставляемых языков.

Разработки, проведенные в контексте общелингвистических исследований (см. работы А. Фрея, Ф. Боаса, М. Сводеша, Е. Косериу и др.), содержат первые попытки контрастивного анализа отдельных указательных репрезентаций референции разных типов. Дальнейшие научные исследования, как правило, разворачивались в аспектах изучения анафоры в целом (О. Ю. Богуславская, И. А. Муравьёва, В. И. Подлесская, K. Ehrlich и др.), дейксиса (Ю. Д. Апресян, С. А. Крылов, Н. В. Курикова, Й. А. Стернин и др.) или собственно референции (Х. Патнэм, Д. И. Руденко, М. Г. Селезнёв и др.), типологии дейксиса (С. Рахимов, Г. А. Шамова и др.) или дейктической идентификации (Д. А. Меленчук, Л. А. Булаева).

Развитие сопоставительного / контрастивного направлений в лингвистике, которое происходило почти одновременно с разработкой структурно-семантического, коммуникативного и других направлений современного языкознания, позволяет рассматривать их как отдельный, более высокий этап изучения языковых явлений и категорий (в т. ч. и категории референции). С одной стороны, такие разработки являются промежуточным этапом в создании общелингвистической теории (определение языковых универсалий, законов развития языков и др.), с другой стороны, общеязыковые основы – это фундамент для создания типологии (т. е. совокупности классификаций) языковых единиц и категорий, явлений и процессов, определения их алломорфных и изоморфных характеристик в языках разных типов и морфологической структуры.

В последние годы актуализировались типологические исследования функционирования систем указательных средств и типов референции (С. Рахимов, M. Clyne, D. Crystal, E. Danziger, M. Ettlinger и др.). Были исследованы основные характеристики дейктического, анафорического и собственно референциального типов репрезентаций референции, однако их специфика в языках остается малоизученной. Необходимо пересмотреть и уточнить типологию экспликантов референции (ср., например, классификации К. Бюлера, А. В. Алферова, С. Рахимова и др.).

Контрастивное исследование отдельных проблем функционирования указательных систем и отдельных типов их репрезентации (артикля (М. Д. Фридман, P. Christophersen и др.), местоимений и наречий (M. Haspelmath, C. Hill и др.), предлогов и предложных конструкций (Т. Залозная и др.), категориальной доминанты времени (Т. М. Голосова), категории локальности (Л. Б. Карпенко), координат локации (А. В. Науменко), временной нелокализованности (Х. С. Лепшоков), направления движения (О. И. Смирницкий), темпоральности, модальности и аспектуальности (А. В. Бондарко, С. М. Зуммер, Н. Г. Кирвалидзе, S.-G. Andersson и др.), отдельных подвидов референции, в частности, интеракционального дейксиса (А. В. Алферов), дейктической идентификации (Д. А. Меленчук, Л. А. Булаева), личного дейксиса (Chr. Hauenschild и др.), пространственных репрезентаций дейксиса (C. Hill и др.)), привело к появлению общей теории сопоставительного / контрастивного исследования функционирования репрезентаций разных типов указания, а именно – к составлению типологии дейктических систем в целом: предлагается разграничивать среди тричленных систем моноцентрические и бицентрические (С. А. Крылов).

Таким образом, к началу XXI в. исследования репрезентаций референции проводились преимущественно на материале одного или двух языков с акцентом на отдельных ее типах. Важным вкладом в решение данной проблемы является унифицированная лингвистическая типология репрезентаций ориентационной референции, разработанная на материале украинского, русского и английского языков [Терехова 2012, с. 79-89].

В процессе исследования было доказано, что категория референции может пониматься в широком и узком смысле. В узком понимании референция – это, как известно, идентификация предмета, явления, процесса и т. д. на основе отсылания к первому упоминанию о нем в тексте. В широком понимании на основе идентификационного компонента семантики в категорию референции включаются репрезентации дейксиса, анафоры и собственно референции (в узком понимании этого термина). В процессе исследования нами были рассмотрены типы репрезентаций референции (в широком понимании термина) в украинском, русском и английском языках, в т. ч. на основе моно- и полисемантичности, моно- и полифункциональности, транссемантичности и трансфункциональности анализируемых ее языковых экспликантов. Исследуемый материал был

типологизирован на: семантические типы, стилистические типы, оценочные типы, функционально-семантические типы, синтагматические типы, лексико-грамматические типы, синтаксические типы, парадигматические типы, прагматические типы, типы репрезентаций референции, выделяемые по степени адекватности, по отнесенности к определенному языковому уровню, по частотности употребления, деривационные и словообразовательные типы, гендерные, ассоциативные типы. Перечисленные типы репрезентаций референции представляют собой своего рода матрицу проведенного сопоставительного лингвистического анализа. Среди них главным интегральным признаком анализируемых языковых эксплкантов является их денотативная отнесенность, которая лежит в основе определения семантических типов исследуемых единиц языка. Основными в сопоставляемых системах репрезентаций референции являются: монофункциональные, моносемантические, трансфункциональные, транссемантические типы, полифункциональные и полисемантические типы.

Таким образом, на основе полипарадигмального анализа категории референции в русском, украинском и английском языках было установлено, что для всех сопоставляемых языков характерен дейктически-референциальный, в меньшей мере − номинативно-референциальный типы репрезентаций референции (особенно в близкородственных языках). В английском языке более распространен дейктически-анафорический тип. Специфичным для английского языка является полифункциональный полисемантический тип репрезентаций референци. Для других сопоставляемых языков характерен бифункционализм и семантическая обратимость.

Согласно типологическим признакам (типологической классификации) исследуемые подсистемы языка классифицированы на: 1) системы репрезентаций референции с существенно развитыми отношениями частеречной омонимии, полисемии, полифункциональности как следствие незначительного развития флективности и суффиксального словообразования (английский язык); 2) системы репрезентаций референции с умеренно развитыми отношениями частеречной омонимии, полисемии и полифункциональности (таковы украинский и русский языки).

Согласно грамматическим характеристикам (критерий В. Скалички) различаются: 1) языковые системы с устойчивыми синтаксическими функциями и закрепленной сочетаемостью репрезентаций референции, в которых референциальные языковые единицы представлены преимущественно как функционально-синтаксические, что обусловлено прямым порядком слов, их относительно устойчивой сочетаемостью и незначительно развитой системой склонения (таковым среди сопоставляемых является английский язык); 2) языковые системы с неустойчивыми, изменяющимися синтаксическими функциями репрезентаций референции и их относительно свободной сочетаемостью, в которых экспликанты референции представлены

преимущественно как лексико-грамматические и функционально-семантические, что обусловлено свободным порядком слов в языке, относительно свободной сочетаемостью и развитой системой склонения (таковыми среди сопоставляемых являются русский и украинский языки). Эти признаки более четко представлены в русском языке, что не исключает постепенного формирования промежуточного типа систем репрезентаций референции в сопоставляемых языках.

Литература

1. Терехова С.И. 2011. Полипарадигмальный подход в современной лингвистической типологии / С. И. Терехова // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav XIII). – München, 2011. – Bd. 14. – Pp. 227-232.

2. Терехова С. І. Референція в системі орієнтаційних репрезентацій української, російської та англійської мов (поліпарадигмальне дослідження): дис. ... докт. філол. наук / 10.02.17. – К.: КНЛУ, 2012. – 530 арк.

SECTION XVI. Jurisprudence (Юридические науки)

Волынец И. П.
студентка I курса магистратуры юридического факультета
специализации «интеллектуальная собственность»
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Украина на пути вхождения в Европейское пространство, поэтому, она должна соответствовать требованиям Копенгагенских критериев - параметрам, которым должны соответствовать страны-члены Европейского Союза. 12 января 2015 года Указом Президента Украины Петра Порошенко была принята Стратегия устойчивого развития «Украина - 2020», в которой указаны различные программы и реформы для выхода нашего государства на ведущие позиции мира. [4] Изменения будут касаться как реформы защиты интеллектуальной собственности, так и реформы системы здравоохранения. Перемены, которые требуют наибольшего внимания - это рынок лекарственных средств. Для того чтобы Украина действительно заняла достойное место среди ведущих государств мира, необходимо, прежде всего, ввести механизмы противодействия коррупции,

недобросовестной конкуренции, устранение «теневого рынка» в сфере лекарственных средств и внедрить свободный доступ к лекарственным средствам, учитывая низкий уровень доходов населения. Одним из способов решения проблемы является обеспечения на рынке лекарственных средств добросовестной конкуренции.

Исходя из специфики рынка лекарственных средств, как и любой отрасли, конкуренция может быть добросовестная (законная) и недобросовестная (незаконная).

Добросовестная конкуренция - это соперничество, при котором соблюдаются правовые и этические нормы взаимоотношений с партнерами.

Также, конкуренция - соперничество в определенной области, борьба за достижение лучших последствий; соревнование или борьба между частными предпринимателями за более выгодные условия производства и сбыта товаров при товарном производстве; борьба за наибольшие прибыли. [10]

Правовое закрепление данного понятия содержится в Законе Украины «О защите от недобросовестной конкуренции», а также в Законе Украины «О защите экономической конкуренции». [1]

Благодаря такому виду конкурентной борьбы на украинском рынке будут появляться новые лекарственные средства, что приведет к возникновению большого выбора лекарственных средств по более доступным ценам. Такие действия будут иметь положительные последствия, а именно: повышение качества продукции, постоянное обновление ассортимента лекарственных средств и тому подобное.

Однако, если нарушаются предпринимателями нормы законодательства по соблюдению конкуренции на рынке, такие действия уже являются недобросовестными и противоречат торговым правилам, в предпринимательской деятельности.

В Законе Украины «О защите от недобросовестной конкуренции» понятие «недобросовестная конкуренция» определено как любые действия в конкуренции, которые противоречат правилам, торговым и другим честным обычаям в предпринимательской деятельности. [2]

Одним из приоритетных вопросов в регулировании оборота лекарственных средств является защита здоровья населения путем усовершенствования нормативно-правовой базы. С учетом современного состояния развития системы оборота лекарственных средств, как одного из механизмов обеспечения добросовестной конкуренции на рынке лекарственных средств, можно решить не одну из вышеупомянутых проблем.

Стоит начать с возможных будущих позитивных изменений, которые уже воплощены в статье 9 Закона Украины «О лекарственных средствах», через проект Закона Украины «О внесении изменения в статью 9 Закона Украины «О лекарственных средствах» относительно упрощения государственной регистрации лекарственных средств».

Статья дополнена такой нормой: «...В случае, если лекарственное средство зарегистрировано и произведено в странах, регуляторные органы которых применяют высокие стандарты качества (Австралия, Канада, США, Швейцария, Япония), или произведенные в странах-членах Европейского Союза и зарегистрированные Европейским агентством с медицинских продуктов (ЕМА), государственная регистрация такого лекарственного средства осуществляется в течение пяти рабочих дней... без проведения экспертизы таких материалов и дополнительных исследований...». [5]

Надеемся, что воплощение проекта постановления в Закон приведет, во-первых, к уменьшению коррупционных схем при регистрации лекарственных средств, во-вторых, к доступности лекарств для населения, и для тех лиц, которые более всего в них нуждаются (пострадавшие в зоне АТО, больные ВИЧ/СПИД, туберкулезом, вирусным гепатитом, онкологическими заболеваниями и т.д.), в-третьих, позволит обеспечить непрерывный доступ пациентов к лекарственным средствам и невозможности прерывания схем лечения (как указано в обосновании необходимости принятия акта).

Учитывая постоянные интеграционные процессы Украины в Европейское и Мировое Сообщество, важным аспектом совершенствования национального законодательства является имплементация в национальное законодательство некоторых положений и соблюдения высоких стандартов международных нормативно-правовых актов.

Например, в соглашении «О торговых аспектах прав интеллектуальной собственности» (далее - ТРИПС) и Дохийской декларации о Соглашении ТРИПС и общественном здоровье (далее - Дохийская декларация) интересы защиты жизни и здоровья людей ставятся выше над интересами охраны интеллектуальной собственности, однако в условиях крайней необходимости.

Например, в статье 30 соглашения ТРИПС указано: «Члены могут предусматривать ограниченные исключения из исключительных прав, предоставляемых патентом, при условии, что такие исключения не вступают в противоречие с нормальным использованием патента и наносит существенный вред законным интересам владельца патента, учитывая интересы третьих сторон». [7] Данная норма закона позволяет понять, что при определенных обстоятельствах ограниченное использование запатентованных изобретений нужно для достижения целей государственной политики по поощрению инноваций и содействие производству генерических лекарственных средств.

В свою очередь, Дохийская декларация поддерживает вышеуказанную норму: п. 17 «Мы подчеркиваем значимость выполнения и трактовке соглашений ТРИПС способом, который обеспечивает защиту здоровья населения путем улучшения доступа к уже существующим лекарствам и к научным исследованиям, так и к разработке новых лекарств,

и в данном случае, принимаем отдельную декларацию». Кроме того, Дохийская декларация определяет важность имплементации и интерпретации Соглашения ТРИПС способом, наиболее благоприятным для защиты общественного здоровья, путем обеспечения доступа к уже существующим лекарственным средствам и созданию новых. В пункте 5 (d) Дохийской декларации говорится: «Результатом действия положений Соглашения ТРИПС, касающиеся исчерпания прав интеллектуальной собственности, является то, что каждое государство-член свободно может устанавливать собственный режим такого исчерпания без каких либо возражений ». [8, с. 5] В Декларации также отмечается, что положения Соглашения ТРИПС не противоречат и не должны противоречить праву членов осуществлять меры, необходимые для защиты общественного здоровья.

На фармацевтическом рынке развитых стран, таких как Канада, часто применяется раннее исключение в рабочем порядке, или так называемое «исключение Болар». Это исключение способствует производству и внедрению генерических лекарственных средств на рынок в день окончания срока действия патента. Таким образом, это исключение позволяет использовать изобретение с целью получения разрешения на генерические лекарственные средства не дожидаясь окончания срока действия патента, без необходимости получения разрешения владельца патента. [9]

Итак, можно сделать вывод о том, что использование таких механизмов международного законодательства, позволит Украине иметь доступ к лекарственным средствам, учитывая низкий уровень доходов украинских граждан, а также производить и импортировать оригинальные лекарственные средства. Внедрение гибких механизмов Соглашения ТРИПС, в частности, принудительной лицензии, обеспечит более дешевый доступ к жизненно важным лекарственным средствам.

Литература

1. Закон України «Про захист економічної конкуренції» від 11.01.2001 № 2210-III // Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 12. – Ст. 64.

2. Закон України «Про захист від недобросовісної конкуренції» від 07.06.1996 № 236/96-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 36. – Ст. 164.

3. Закон України «Про лікарські засоби» від 04.04.1996 № 123/96-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 22. – Ст. 86.

4. Указ Президента України «Про Стратегію сталого розвитку "Україна - 2020"» від 12.01.2015 № 5/2015 // Офіційний вісник України. – 2015. – № 4. – Ст. 67.

5. Проект Закону про внесення зміни до статті 9 Закону України "Про лікарські засоби" щодо спрощення державної реєстрації лікарських

засобів [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=53073.

6. Повідомлення про оприлюднення до проекту Закону України "Про внесення змін до Закону України "Про лікарські засоби" [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.moz.gov.ua/ua/portal/Pro_20140416_0.html.

7. Угода про торговельні аспекти прав інтелектуальної власності (укр/рос) СОТ; Угода:Міжнародний документ від 15.04.1994 // Офіційний вісник України. – 2010. – № 84. – С. 503. – Ст. 2989.

8. ель-Саїд М. Угоди про вільну торгівлю Європейського Союзу (УВТ ЄС) і ТРІПС-плюс: виклики та можливості для України // Інтелектуальна власність. – К. – 2010. – № 8. – С. 39–50.

9. Майданик Р. Гнучкі механізми Угоди TRIPS і доступ до лікарських засобів в Україні [Електронний ресурс] // Юридичний журнал. – 2013. – № 10. – Режим доступу: http://www.justinian.com.ua/article.php?id=4045.

10. Конкуренція // Словопедія [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://slovopedia.org.ua/29/53402/13596.html.

Irena Dirgėlienė
Master of Law Kazimieras Simonavičius University
J. Basanavičiaus str. 29 A, LT-03109 Vilnius, Lithuania

THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAIT IN ENGLISH CONTRACT LAW

The principle of good faith is not officially recognized in all countries, but its impact on contract law is undisputed. The principle of good faith is particularly important in continental law countries, which directly establish the provisions of this principle in statute-books. Moreover it is also the basis of all institutes of civil law, while the obligation of good faith is acknowledged in all stages of contract law.

A.S. Hartkamp notes that English legal system follows the principle of equity, which is often used in court precedents as an analogue of good faith (Hartkamp *et al* 2004).

Historically the provision of the principle of good faith has been transposed to the system of the English contract law. According to F. Teubner, due to the fact that the development of the provision of good faith was unnatural, certain authors have a negative attitude towards the negative consequences of this principle (Teubner 1998). R. Goode's opinion about the consequences of the transposition is even stricter (Good 1992). He claims that the principle of good faith directly

transposed into the English law could be detrimental rather than useful, because the English law has an individual understanding of the provision of good faith, which interprets the principle in a more restricted manner than it is done in the tradition of the continental law. For example, in England a party is regarded as honest if its actions are open.

R. Zimmermann and S. Whittaker also regard the concept of good faith as something causing a lot of danger: "...it is often claimed that the English contract law does not acknowledge the general concept of good faith. It tolerates a certain moral insensitivity, while the economic efficiency and legal result of the case is regarded as more valuable than the absolute justice. Based on the principle of good faith, the duty to negotiate was even defined as naturally incompatible with the adversarial position of the parties in the negotiation, as well as impossible to implement in practice" (Zimmermann, Whittaker 2008).

English practice and legal doctrine in pre-contractual legal relationships does not recognize the duty to act in good faith overall and the principle of good faith is applied rarely and only during the implementation of the contract. This provision has been established by Walford vs. Miles (Miles 1992), a precedent of the British House of Lords in 1992. This precedent indicates that the obligation to negotiate in good faith is not effective in practice, because it completely does not comply with the position of the negotiating parties. Parties have a right to terminate the ongoing negotiations at any time, no matter the reason.

It is likely that the above-mentioned transposition in England and some other states of general legal system make the general category of the principle of good faith difficult to acknowledge. "The English law has not established general provisions of honest implementation of duties, but sometimes courts do not allow the parties to rely on certain provisions of the contract, if the court considers them different from the intention of the parties (European Contract Law 2008)."

As it was mentioned, English legal system does not have a general requirement for the concept of good faith, but this provision can be found in legal norms, which regulate specific legal relationships. E. McKendric states that the fact that English courts do not acknowledge the doctrine of good faith makes the issue of the doctrine of good faith painful. Moreover, there is a number of examples of English contract law, when English judges give priority to strict application of contract provisions than revealing justice in the case (Baele 2004).

G. Šulija's opinion differs from the positions indicated above. According to him, evaluation of the good faith or reasonableness of contract provisions should consider not only the relative positions of the parties, but also the contract practice of a specific business area. In order to attract foreign investors and international corporations to Lithuanian capital market and promote our country's market to foreign entities, legal regulation must be focused on strengthening the principle of the contract freedom. In this context it would be beneficial to evaluate and consider the legal experience of the states that rely on Anglo-Saxon legal tradition and work with a large part of the global financial corporations (Šulija 2012).

S. Mulevičiūtė rightly concludes: ”The English law does not directly recognize the doctrine of good faith, but its influence on the entire legal system of the United Kingdom is obvious. The contents, meaning and application constructions of the principle of good faith may still become the object of dispute between the representatives of the legal doctrines (Mulevičiūtė 2013).”

In English legal system there is no general requirement for the concept of good faith, but this provision can be found in legal norms, which regulate specific legal relationships. The English law does not directly recognize the doctrine of good faith, but its influence on the entire legal system of the United Kingdom is obvious. The contents, meaning and application constructions of the principle of good faith may still become the object of further disquisition of the representatives of the legal doctrines.

References

1. Baele H. G., et. al. (2004) Chity on Contracts. Volume 1. General Principles. Twenty-ninth edition. London: Sweet & Maxwell.
2. European Contract Law. Materials for a Common Frame of Reference: Terminology, Guiding Principles, Model Rules. Sellier: European law publishers. 2008. p. 543.
3. Goode R. The Concept of Good Faith in English Law. Centro di studi e ricerche di diritto comparato e straniero. Roma. 1992. p. 7.
4. Hartkamp A. S., et al. Towards a European Civil Code. The Hague, London, Boston: Kluwer Law International 2004. p. 350 - 369.
5. Mulevičiūtė S.(2013) Sąžiningumo principas sutarčių teisėje/ Mokslinės Minties šventė. MRU
6. Šulija G.(2012) Sutarties laisvės principas ir jo taikymo ribos: analizė tarptautinių aviacijos sandorių pavyzdžiu. Teisės problemos. Nr. 4 (78), p. 44.
7. Teubner G., Legal Irritants: Good faith in British Law or How Unifying Law Ends Up in New Divergences. Modern Law Review, 1998. Nr. 61. p. 17.
8. Zimmermann R., Whittaker S., Good faith in European Contract Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. p. 15.
9. Walford v. Miles. 1992. 2 AC 128, 138.

Irena Dirgėlienė
Master of Law Kazimieras Simonavičius University
J. Basanavičiaus str. 29 A, LT-03109 Vilnius, Lithuania

THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAIT IN FRENCH LAW

The principle of good faith is not officially recognized in all countries, but its impact on contract law is undisputed. The principle of good faith is particularly important in continental law countries, which directly establish the provisions of this principle in statute-books. Moreover it is also the basis of all institutes of civil law, while the obligation of good faith is acknowledged in all stages of contract law. The principle of good faith in the countries of common law is treated somewhat differently – its provisions apply only during the stage of the implementation of the agreement.

Pt. 3 of the Article 1134 of the Civil Code of France provides that contracts must be carried out in good faith (*de bonne foi*). Good faith is a classical concept of French law, yet it raises a certain distrust due to the fact that judges sometimes interfere too much in contract terms. Despite a number of researches aimed at defining the limits of the principle of good faith, its meaning, areas of application and changes that were definitely affected by the legislation of the European Union, remains doubtful.

Seeking to define different roles of good faith, Prof. M. F. Magnan of Sorbonne University, suggested a concept for each of the criteria of the principle of good faith. The concept of good faith limits differences, with regards to the standard of honest behaviour and if that behaviour affects the contents of the contract. According to the professor, the principle of good faith not only performs a procedural role, but also protects the trust of the other party. The role of good faith is important in certain circumstances, seeking to reduce the scope of the contract terms, limit the excessive obligation and separate implicit responsibilities, which differ from those laid down in the Article 1135 of the French Civil Code. Based on the additions of the principle of good faith, it is aimed at ensuring the sustainability of the contractual relations (Magnan 2012).

P. Mayer states that good faith is an open concept, which allows the legislators to introduce the flexibility necessary to the operation of the contract law (Mayer 1993). The French court practice presents an example of a honest implementation of obligations, when in some cases the parties are obliged to re-negotiate the terms of contract. Such a duty occurs due to actions of one of the party, which prevent the other party from receiving a part or the entire benefit, which was expected after implementing the terms of the contract.

France has been preparing to introduce a reform of the law of contracts and obligations for already several years, and the culmination of its implementation is expected already this year (2015). The Article 38 of the Constitution of France enables Governmental power to take action in the legal area in order to ensure

legal safety and the efficiency of application of the law. In order to implement these goals the Government of France is authorised to change the structure and contents of the third book of the Civil Code: to modernise, simplify, improve readability, increase the accessibility of the general contract law, define the system of obligations and evidence law

The goal of the changes is to confirm the general principles of contract law, such as good faith and freedom of contract, also to define the major contract categories, explain rules related to the contract process and the provisions of negotiation, as well as contract proposal and acceptance, particularly considering the time and place. At the same time particular attention is focused on the concept of dishonest contract terms: there are intentions to adopt provisions which allow to punish the party, which abuses the incomprehension of the weaker party.

The draft amendment of the Civil Code of France includes additional provisions for the pt. 3 of the art. 1134, which state that contracts must be pecuniary and carried out in good faith, and that they are considered as one of the most important principles of contract law. According to the author, the amendments to the Civil Code of France will consolidate the implementation of the principle of good faith in the legal system of this country. It is also likely that the application of the provisions of this principle in court practice will be more flexible. The consolidation of the amendments to the Code is also welcome due to possibly better protection of the rights of the consumer as the weaker party.

References

1. Magnan M. F. Le rôle de la bonne foi en droit des contrats Essai d'analyse à la lumière du droit anglais et du droit européen. Institut de Droit des Affaires. 2012. p. 6.
2. Mayer, P. Le Principe de Bonne Foi devant les Arbitres du Commerce International, in: Festschrift Pierre Lalive, Basel, Frankfurt a. M. 1993. p. 543.

SECTION XVII. Educational Sciences (Педагогические науки)

Shavadi Arsaliev
Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, College of History,
Chechen State University, Chechen State Teachers Training Institute;
Grozny, Chechen Republic, Russian Federation

ETHNOPEDAGOGICS IN MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Each nation has its own education system based on history, family traditions, national ideas and ideals. This system is connected to ethnic properties and differences of each nation, its geographical position, and ethnographic moments. It reflects national ideas about education. Research approaches and the methods applied in ethnopedagogics, are numerous and various. The theoretical conclusions explaining historical and modern functioning of ethnos pedagogical traditions are made on their basis [1]. Ethnopedagogics represent a new branch of pedagogical science. It is a young and actively developing direction in pedagogics and represents the scientific knowledge containing the information on practical education and formation experience of ethnic groups, about moral, ethical and aesthetic views on value of a family, a tribe, a national character, the nation [2]. They can result in factors and principals of education, have methodological and theoretical base. The object of studies of this science is national experience and traditions of education. It means that they can be considered as a separate branch of science having its own structure, methods, systems, and applications. It was recognized that ethnopedagogics represent a separate option of modern pedagogics studying national educational experience in theoretical and practical application. The development of this science becomes more and more important because of the specificity of Russian education space that is considered to be multinational and multicultural.

The theoretical bases of the ethnopedagogics which have been put by such greatest teachers as J.A. Komensky, A.S. Makarenko, V.A. Sukhomlinsky, K.D. Ushinsky and others, proved continuity in questions of education, necessity of use of a creative heritage of last generations and ethnic educational experience, promoted ethnopedagogics formation as a branch of modern scientific knowledge. The great scientists mentioned above have paid attention to the fact that national educational ideas can be structured and represented as systems. Transformation of ethnopedagogics into independent branch of a science is considered to be a merit of the greatest ethnoteacher of the present, academician G.N. Volkov [3]. Methodological, practical, and applied problems of ethnic pedagogics have also been discussed and developed in works by V.G. Afanasjev, Sh.M-Kh. Arsaliev, M.B. Gurtueva, T.N. Petrova, I.A. Shorov and many others. Ethnopedagogics development was promoted also by researches of feature of

culture and a life of representatives of separate ethnoses, in particular, the people of the North Caucasus, analyzed by Sh.M-Kh. Arsaliev, M.Kh. Bagaeva, A.I. Karaeva, I.M. Shamanov; the ethic norms of ethnoses presented in works by A.I. Musukaev, A.I. Pershits, K.A-K. Salpagarova; the religious aspects of education are studied by A.I. Ibragim, G.M. Shajdaeva, etc.

Deep changes at the present stage of development of a society make new demands to formation of the person in educational space. The person of new type should be ready to ability to live in polyethnic space, to intercultural dialogue, to creativity in practical and intellectual activity [4]. Overcoming of the modern education system crisis caused by discrepancy of rates of global, technological, ethnic, cultural, and educational processes development in transition to an information society is connected with the solution of the formation problem and development of a new type of the person.

Revealing of ways and means of decrease in spontaneity elements in ethno pedagogical process, an establishment of the most effective forms and methods of the coordination of objective and subjective factors of national education allow improving the last in modern conditions. One of such ways is the use *of the synergetic approach* in the ethno pedagogical phenomena studying. Its appearance is connected with changes in a general scientific picture of the world.

Postnonclassical strategy of knowledge is directly connected with a so-called *evolutionary paradigm*, or, other names applied to this paradigm, - *a paradigm of Darwin, a paradigm of evolution and synergetics* [5]. At the basis of the new approach to the description of various evolutionary processes, the modern understanding of evolution as self-organization displays lays. Now rather wide spectrum of processes of self-organization both in live, and in the lifeless nature is already studied.

As *synergetics* is considered as "the self-organization theory in the complex, open, nonequilibrium and nonlinear systems of any nature. This rather new scientific direction which is engaged in studying of occurrence, maintenance, stability and disintegration of self organizing structures, co-operative effects in them" [6].

Synergetics as the new scientific direction investigating processes of self-organization of structures of the various nature, searches for universal laws of occurrence of an order from chaos, makes attempt to create the description of the reasons and mechanisms of steady existence of arising structures and their disintegration [8].

Researchers consider *synergetics* as a set of the general ideas about principles of self-organization and the sum of the general mathematical methods for its description. According to synergetic paradigm, the whole is always more than a simple sum of parts making it. In ethnopedagogical technologies designing and realization it means, that the ethnocultural educational space which parts are co-operating separate educational systems, represents a phenomenon possessing qualitatively new properties, in comparison with each separately taken system.

For ethnopedagogics the synergetics has special methodological value. Formation of the person in ethnocultural space, his or her ethnopedagogization is carried out also in the course of passage of bifurcation points of destruction of old structures and occurrence of new possibilities for system transition in new quality. Ethnipedagogization possesses property of nonlinearity, i.e. multi-variant approach and unpredictability of transition of system from one condition in another. The ethnopedagogical system is unstable and is strong and unbalanced, fluctual, is opened for development etc. Attractors are represented by the ethnocultural phenomena, process of sense creation should be organized so that in this semantic self-organization, formation of a semantic basis of the trainee according to synergetic laws took place. Self-organization is carried out if a system is unbalanced, that arises in the event that through system the substance, energy or the information "is pumped over". In ethnocultural educational space, it is the ethnocultural information. Synergetics speak about attraction zones made by this or that attractor. An attractor represents an area resulting in a trajectory of development [10]. As a result unstable balance is an indicator of system development. Development proceeds under condition of occurrence of a new nonequilibrium condition of system. With the fact of an attraction in the conditions of the nonequilibrium systems, proved in synergetics, connect the fact of "a semantic attraction" in the conditions of semantic uncertainty of the person, semantic "struggle" in which more important senses [11] become a part of personality. In our case, these are ethnocultural senses.

To summarize all said above we propose the following *synergetic principles of the ethnopedagogics* which operating concerns the ethnocultural phenomena and has appeared in connection with transformation of a general scientific picture of the world:

- *the principle of a subject;* the learning consciousness, the new place of the researcher representing personal system, in supervision system forces to comprehend in a new fashion and the status of characters of ethnopedagogical process; the trainee and the teacher are active subjects of ethnopedagogical process;
- *the principle of complementarity*, means that contrasts as a development basis are eliminated not by means of removal, and at the expense of mutual addition, the compromise, former contrasts combining line; in practice it means, that the ethnic cultural monologue gives way to semantic interethnic intercultural dialogue, interaction, partnership, orientations to real freedom of the developing ethnocultural person, national tolerance and a recognition of self-value of each culture;
- *a principle of an openness of the ethnocultural information*; the role of the teacher consists in placing ethnocultural knowledge offered the trainee in an opening context, to stimulate knowledge process, instead of to give knowledge in a ready kind; the openness of the ethnocultural information means also general availability;

- *a principle of nonlinearity of the person ethnocultural development*; this principle means that formation of the ethnocultural person happens to the account of variants and development scenarios plurality; nonlinearity is connected with a choice of a way of development which is realized by the person according to own personal senses; in ethnopedagogics personal senses are connected with national consciousness;
- *a principle «whole is more than the simple sum of parts»*; it means consideration of each separate ethnoculture as parts of world cultural process, as integral component of a world civilization;
- *a principle of a recognition of each person self-value*; from positions of synergetics the person is open possibility; the recognition of self-value of the person means a recognition of its individuality, feature and, at the same time, a recognition of the importance of development of each person for all society;
- *a principle of fluctuation* (deviation); any functioning system is not stable, in it deviations which conduct to chaos inevitably collect and can even cause its disintegration; process of comprehension itself in ethnocultural space leads «to an order through fluctuation»; it means, that development of the person in ethnocultural space leads to accumulation of the certain ethnocultural information which enters the person into the instability condition which result is occurrence of new personal senses, ideals, installations;
- *a principle of discrepancy* of development; self-organization is possible at heterogeneity of system, in the presence of no equilibrium structures; development in synergetics is understood as self-actualization of available potential possibilities of system, instead of as putting in order from the outside; development is possible only in case of need overcomings of contradictions;
- *a principle of the common* rate of development; training and trained in development in ethnocultural space; in the course of evolution open no equilibrium systems are integrated into the complex complete structures developing in different rate.

These *synergetic principles of ethnopedagogics* operating in ethnocultural space, allow understanding mechanisms of development of the ethnocultural person in which basis lay general scientific synergetic ideas developed in modern science. They allow confirming once again universality of mechanisms of development of the nature and a society, unity of bases of existence of live.

The primary goal of ethnopedagogics is the permission of existing contradictions between necessity of mastering by people this experience and absence at them aprioristic ability to such development, between processes of self-organization of ethnos and the person, growth of ethnic identification and requirement for interethnic integration. Being independent branch of a pedagogical science, the ethnopedagogics is considered as the powerful tool of

maintenance of reproduction of the ethnos, promoting formation of national consciousness of the population, providing transmission of ethnic norms and values from generation to generation.

Many elements of ethnopedagogics are realized during training to different professional disciplines, many subjects have ethnopedagogical character. It means that ethnopedagogization is taking place every minute without stopping, every moment of education. It is realized constantly, with use of all accessible means and methods, in various situations of educational employment and out-of-class dialogue with the trainee. It is impossible to bring under technologies that set of the educational moments in the ethnocultural plan and situations which the teacher can use in teaching and educational process. Such situations appear spontaneously very often. Further efficiency of their use depends on the teacher. However, in our opinion, the teacher is obliged to make ethnopedagogic process systematic, strategically and tactically developed. It is possible to speak about ethnopedagogical technology in the pure state only when we deal with the organization of any ethnopedagogical action, with formation of any making ethnocultural competence.

Thus, the accurate methodological and scientific-theoretical position in a solution of a problem of modeling of ethnopedagogical technologies allows considering bases of designing of ethnopedagogical process from positions of modern methodological culture. The formalization of ethnopedagogical process realized in the form of technology allows revealing the most rational, objective and valuable in the field of ethnic educational systems. It allows making educational experience the property of a bigger number of teachers. All it allows to move ahead in a solution of a problem of formation of the person capable to function successfully in the conditions of the non-uniform ethnic environment, to have high level ethnocultural competence, and also to promote the development of the theory of an ethnopedagogical science.

Many countries of the world carry out formation reforms. Transformations and reforms in Russia at present concern various fields of human activity, including high school educational space. The formation history testifies that the country cannot find the worthy status in the world without continuous development of educational sphere.

Educational environment today is multicultural, flexible and focused on personality's development. The potential of national ideas, traditions, and cultural phenomena is not used enough. Multicultural character of modern educational space demands new approaches and ways of education to be developed. That is why we connect our hopes with development of ethnopedagogics [18].

Ethnopedagogics is considered to be a unique phenomenon in modern world's cultural and educational space as it represents a science searching for ways of education and training on the basis of returning to sources of national life, on the basis of a recognition of a generality of cultures as a guarantee of successful development of world cultural process and uniqueness of culture of each separately taken people as a world civilization integral part. Uniqueness of

ethnopedagogics also consists that it actually is the tool, allowing carrying out dialogue of cultures during realization of educational process. It also the powerful tool of improvement of international relations, developments and strengthening of the international communications which have developed historically that is extraordinary important for such multinational country as Russia, is a perennial spring of spirituality which so does not suffice in a modern society.

World scientific process is characterized by certain laws of existence and development, non-observance and discrepancy which do any scientific direction impractical. Conformity of a science, criteria of scientific search which in it are used, to a modern postnonclassical scientific picture of the world and a scientific paradigm is pledge of success, perspective and, the main thing, necessities of the given scientific direction. The ethnopedagogics is not an exception. The four levels hierarchical structure of the ethnopedagogics methodology allows to consider the ethnopedagogical phenomena in a complex, in the tideway of modern integration processes in a science [19].

Being independent branch of a pedagogical science, the ethnopedagogics is considered as the powerful tool of maintenance of reproduction of the ethnos, promoting formation of national consciousness of the population, providing transmission of ethnic norms and values from generation to generation. The primary goal of ethnopedagogics is the permission of existing contradictions between necessity of mastering by people this experience and absence at them aprioristic ability to such development, between processes of self-organization of ethnos and the person, growth of ethnic identification and requirement for interethnic integration.

REFERENCES

1. Sh. Arsaliev, Ethnopedagogics in a Context of a Modern Scientific Paradigm. Palmarium Academic Publishing. Deutschland. 2013. 285 p. ISBN 978-3-659-98363-4.
2. Sh. Arsaliev, Methodology of Modern Ethnopedagogics. Moscow: Gelios ARV, 2013.320 p. ISBN 978-5-85438-224-3.
3. G. Volkov, Etnopedagogika. Moscow: Publishing centre "Academy", 1999. 168 p. ISBN 5-7695-0413-7.
4. Sh. Arsaliev, G. Volkov, Ethnopedagogical Values, Tendencies and Prognoses. Izvestya Chechenskogo Gospedinstituta. Grozny. 2009. №2. pp.28-44.
5. V.N. Lozovsky, S.V. Lozovsky, Concept of Modern Natural Sciences: the manual. 2 edition, corr. - SPb.: Publishing house "LAN", 2006. 224 p.
6. G. Haken, Mysteries of the Nature. Synergetics: The Doctrine about Interaction. Moscow - Izhevsk: Institute of computer researches, 2003, 320 p.
7. Synergetics. Seminar works. Volume 3. Materials of a round table «Self-organization and synergetics: ideas, approaches and prospects». - M: Moscow State University Publishing house. 2000. - 368 p.

8. E.N. Knyazeva, Synergetics as a Symptom (the review of the book «The Sinergetics paradigm. Education synergetics. - M: Progress-tradition, 2007).
9. E. Knyazeva, A.Tourobov, Unique Science about the Uniform Nature. The New world. 2000. № 3.
10. V.G. Budanov, Methodology of Synergetics in Postnonclassical Science and Education. Edition. 3, comp. - M: the Book house «Librocom», 2009. 240 p.
11. V.V. Suvorov, Synergetic Concept of Self-Organization. In the book. "Synergetics. Seminar works. Volume 3. Materials of a round table" Self-organization and synergetics: ideas, approaches and prospects "- M: Moscow State University Publishing house. - 2000. pp.325-337.
12. T. Uilber, Integrated psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy [Text] / K.Uilber; the lane with English; under the editorship of A.Kiseleva. - M: Open Company «nuclear heating plant Publishing house», 2004. – 412 p.
13. V.A. Slastenin, I.F. Isaev, A.I. Mishchenko, E.N. Shijanov, Pedagogics. Moscow, 1998.
14. K.Silber, The Field Of Educational Technology : A Statement Of Definition. Audiovisual instruction, 1972, № 8. pp. 18–30.
15. C.Wedemeyer, The future of educational technology in the USA // G. Moir(ed). Teaching and Television, ETV Exp.– Oxford, 1967. – P. 130–138.
16. Z.Werner, Hirsch, Luc E. Weber, Challenges Facing Higher Education at the Millennium. IAU Press. Pergamon. 1999.
17. P.D. Mitchell, Educational Technology //The Ene. of educational media communications and technology/ Ed. D. Unwin, R. Me. – Aleese. – L.,1978.– P.132–185.
18. Sh. Arsaliev, The Synergetic Approach In Ethnopedagogics. Science, Technology and Higher Education: materials of the V International research and practice conference, Westwood, June 20th, 2014.Publishing office Accent Graphics communications. Westwood. Canada, 2014. 508 p.ISBN 978-1-77192-087-2.182-186 pp.
19. Sh. Arsaliev, V. Pisarenko, System Approach as Methodology of Ethnopedagogics. European Social Science Journal. Moscow.2014, №2 (41). Vol. 1. pp. 34-42.

[1]Белоусова Т. Ф., [2]Лубянова М.А.
[1]доцент, кандидат педагогических наук
[2]доцент, кандидат педагогических наук
Южный федеральный университет, Россия

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Как известно, для современного общества характерно взаимодействие двух тенденций: глобализации и этнической идентичности. В этих условиях существенно возрастает роль межкультурной коммуникации. Это, в свою очередь, требует не только осмысления современного состояния проблемы, но и определения новых аспектов ее исследования. Межкультурная коммуникация избирается в качестве объекта исследования представителями различных сфер гуманитарного знания: социологами, культурологами, психологами, лингвистами (во всем многообразии подходов). В каждой их областей гуманитарного знания исследование сосредоточено на доминантном для нее аспекте. Так, социология выявляет ценностные установки, их стабилизацию и динамику, влияние различного рода социальных стереотипов на поведение в конкретном социуме. Психология рассматривает эти же элементы с точки зрения процесса формирования личности (сознания и самосознания). Культурология же закономерно обращается к систематизации и категоризации этих элементов в общечеловеческой культуре, а также в конкретных культурах на определенном этапе их развития. Педагогика разрабатывает общедидактические подходы к обучению, определяет необходимость формирования метапредметных умений, а также обосновывает комплексы методик и новые для данной области знаний методики обучения коммуникации в мультикультурной среде. Лингвистика, на наш взгляд, обеспечивает возможность интеграции всех подходов, представленных в гуманитарном знании, а также позволяет определить новые аспекты анализа феномена межкультурной коммуникации, в частности лингвокультурологические, этнопсихолингвистические и т.д.

На современном этапе развития общества существенно изменяются сами задачи образования: становится необходимым соотнести тенденции к сохранению этнической идентичности и глобализации, создать основу для успешной и гармоничной межкультурной коммуникации. Решение таких задач связано и существенным повышением роли изучения иностранных языков. Если собственно коммуникация может быть обеспечена за счет изучения английского языка (можно даже говорить о достаточности изучения так называемого basic English), то проникновение в другую культуру и/или достижение определенной степени аккультурации возможно только на основе формирования как социокультурной, так и собственно коммуникативной компетенции. Можно говорить о взаимосвязи и

взаимовлиянии этих компетенций на конкретном уровне (этапе) освоения иностранного языка. С развитием культурных и экономических связей между странами и народами возрастает роль изучения иностранных языков. Готовность жить в поликультурном мире требует владения социокультурной компетенцией. Высшая школа, среди множества стоящих перед нею задач, должна направить свои усилия на развитие данной компетенции, т.к. именно она даст возможность будущим специалистам профессионально взаимодействовать в глобальном пространстве. Развитие личности, совершенствование личностных качеств (в том числе этических, эстетических, эмоциональных) рассматривается как часть процесса социализации индивида и его инкультурации. Обусловленные этими качествами личности свойства определяют уровень владения комплексом компетенций, в том числе и коммуникативной, а также определяются степенью сформированности этих компетенций.

Можно говорить о различной значимости личностных качеств для обеспечения успешной межкультурной коммуникации, которая осуществляется на языке другого лингвокультурного сообщества. К одним из наиболее значимых качеств и свойств личности относятся такие, как собственные социально-значимые личностные качества и собственный социальный опыт. Трудности и ошибки студентов в иноязычном общении напрямую связаны с отсутствием или недостаточно высокой степенью сформированности у них данных составляющих.

Уже традиционно в состав социально-значимых личностных качеств исследователи включают следующие:

- убежденность в собственной социальной значимости;
- терпимость к людям, независимо от расовой, этнической принадлежности, социального статуса, индивидуальных качеств;
- открытость, терпимость, готовность к общению с представителями иной культуры;
- готовность понимать психологическое и эмоциональное состояние собеседника;
- проявление интереса к личности собеседника;
- структура и объем фоновых знаний, степень освоения когнитивного и культурного пространств лингвокультуры;
- саморегуляция, выдержка, автономность и гибкость в решении задач коммуникации.

Социальный опыт, на наш взгляд, есть ничто иное, как продуктивное межкультурное общение, основанное на знании культуры, истории, традиций, обычаев, образе жизни, социальных ценностей чужой культуры, умении строить свое речевое поведение в соответствии с социокультурной спецификой страны, умении выбирать правильное решение в процессе общения, аргументировать и отстаивать свою позицию, проявлять инициативу при установлении межкультурных контактов, преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении, правильно

употреблять в речи социально маркированные единицы в различных сферах межкультурного общения и др.

Далее необходимо ответить на вопрос, как же в условиях учебных аудиторий, вне языковой среды развивать социокультурную компетенцию студентов. Анализ литературы по данной проблеме, а также собственный педагогический опыт позволяют разграничить некоторые объективные и субъективные условия, способствующие развитию социокультурной компетенции. К объективным условиям можно отнести:

- направленность всего учебного процесса на развитие данной компетенции;
- соответствие содержания обучения задачам формирования социокультурной компетенции;
- методы и технологии, направленные на развитие социокультурной компетенции;
- характер педагогического руководства становлением социокультурной компетенции.

К субъективным условиям можно отнести следующие:

- устойчивая потребность в общении для установления взаимопонимания, в том числе между народами;
- осознание собственной социальной значимости;
- социокультурная наблюдательность, способность выбирать адекватное речевое поведение в условиях межкультурного общения;
- активная позиция, включенность в коммуникацию.

Таким образом, социокультурная компетенция – многогранное явление, формирование которого требует активной, заинтересованной позиции всех участников учебного процесса.

Развитию социокультурной и коммуникативной компетенций способствуют и культурно-специфичные тренинги, которые обеспечивают успешность коммуникации человека как в рамках конкретной культуры, так и при межкультурной коммуникации. По основной направленности и способу организации и подачи материала такого рода тренинги подразделяются на *когнитивные* (специализирующиеся на общей информации о другой культуре, формирующие представление о ядре когнитивной базы и центре культурного пространства лингвокультурного сообщества, либо об актуальных для конкретных коммуникативных ситуаций фрагментах когнитивной базы и культурного пространства); *поведенческие* (специализирующиеся на формировании и закреплении практических навыков, необходимы для успешной коммуникации в чужой лингвокультуре, а также взамодействия индивидов в соответствующих социумах); *атрибутивные* (специализирующиеся на объяснении специфики социального поведения, в том числе и коммуникативного в иной культуре). Атрибутивные тренинги представляются наиболее практикоориентированными из названных выше, так как позволяют предупредить и\или нейтрализовать значительную часть

проблем в процессе общения с представителями других культур (вне зависимости от избираемого языка – родного или неродного для коммуникантов) при опоре на достаточную степень сформированности социокультурной компетенции, а за счет достигаемого в ходе тренинга расширения объема фоновых знаний. В результате такого тренинга происходит как минимум знакомство с основными атрибутами культуры, а также значимой для коммуникации системой знаний и представлений, закрепленных в конкретной культуре. Это позволит учитывать в процессе коммуникации сложившиеся в данной культуре в целом (а также в определенной степени в лингвокультуре) традиции, обычаи, нормы.

Как особый тип тренингов интегративного характера можно рассматривать *коммуникативные*. Они обеспечивают не только развитие собственно навыков владения иностранным языком (сформированности языковой и лингвистической компетенций), но и достижение достаточной степени коммуникативной компетенции, что невозможно без процесса аккультурации. В лингвострановедении, лингвокультурологии и лингводидактике понятие «аккультурация» имеет различные толкования, но при этом общим является освоение инофоном норм и ценностей другой культуры с учетом типа языковых контактов (соприкосновение, приобщение, проникновение, взаимодействие). Успешность межкультурной коммуникации закономерно требует хотя бы приобщения как степени аккультурации инофона. В профессиональной коммуникации желательно достижение проникновения как степени аккультурации. Взаимодействие же возможно только при высокой степени сформированности комплекса компетенций (социокультурной, языковой, лингвистической и собственно коммуникативной). Можно говорить о наличии корреляций типа тренинга и степени аккультурации (когнитивные обеспечивают соприкосновение, а затем приобщение; при обращении к поведенческим возможно приобщение и проникновение, в первую очередь при освоении социальных стереотипов и обусловленных ими коммуникативных; атрибутивные могут обеспечить соприкосновение, а затем приобщение и проникновение; коммуникативные − все степени аккультурации).

Обучение межкультурному общению требует сбалансированности культурных составляющих, поэтому при формировании вторичной языковой личности важно сделать акцент на аутентичности учебных материалов. Использование современных аутентичных материалов для чтения и обсуждения позволяет погрузить обучающихся в иноязычную культуру, дать модель инокультурного общения. Использование комплекса инновационных и традиционных методик позволяет совершенствовать не только теоретическое и практическое освоение иностранного языка, но и обеспечить успешность использования коммуникативных навыков в различных сферах профессиональной деятельности, в том числе и при межкультурной коммуникации.

[1]Зданевич А.А., [2]Шукевич Л.В., [3]Головач М.В.
[1]доцент, канд. пед. наук, [2]доцент, канд. пед. наук,
[3]доцент, канд. биол. наук
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МАКСИМАЛЬНОЙ ЧАСТОТЫ ДВИЖЕНИЙ У ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПОРТСМЕНОК РАЗЛИЧНЫХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ

Актуальность. Спортивная деятельность протекает в сложных, экстремальных условиях, что способствует выявлению предельных возможностей человеческого организма. В этих условиях возрастает зависимость эффективности деятельности спортсмена от индивидуальных свойств нервной системы.

В последние годы всё чаще высказывается мнение о важной роли типологических особенностей нервной системы человека, как в спортивной, так и в трудовой деятельности, которые сопровождаются возникновением состояний высокой психической напряженности, эмоционального выгорания и утомления [4].

В психологии давно утвердилось мнение, что нервная система является биологическим базисом психических процессов. Изучение двигательных способностей в связи с типологическими особенностями проявления основных свойств нервной системы имеет значение, прежде всего, для прогнозирования успешности в спортивной и трудовой деятельности человека [5].

Доказано, что каждое физическое качество имеет свои психологические особенности и психологическую структуру. Наиболее сложным считается физическое качество быстроты, в которое входит одна из важных форм ее проявления – максимальная частота движений.

В.Н. Кирой [3] отмечает, что максимальная частота движений, изменяясь при утомлении, стрессе и в других действиях, может служить индикатором функционального состояния человека.

К сожалению, в изученных нами литературных источниках нет конкретных данных о максимальной частоте движений у высококвалифицированных спортсменов (на примере «теппинг-теста») несмотря на то, что этот вопрос имеет давнюю историю.

Изучению двигательного темпа у спортсменов посвящено достаточно много работ [1, 2, 3 и др.], но методики экспериментального измерения максимальной частоты движений были различными. Это затрудняет сопоставление и сравнение полученных показателей, снижает возможность углубленного анализа и обобщения результатов. Литературные данные на этот счёт довольно противоречивы, к тому же их имеется большое количество. Проведенное исследование представляет интерес и значимость

в подготовке спортсменов-олимпийцев различных специализаций, способствует определению различных их показателей, связанных со спецификой их вида спорта и может служить возможностью прогнозирования работоспособности и подбору тренировочных средств на этапе спортивного совершенствования.

Цель исследования – определение показателей максимальной частоты движений у спортсменок высокой квалификации различных специализаций, участниц Олимпийских игр.

Материалы и методы. Нами было проведено исследование по определению максимальной частоты движений у спортсменок высокой квалификации, разных специализаций по методу «теппинг-тест» [2].

В исследовании приняли участие спортсменки, входившие в состав Национальной команды Республики Беларусь, принимавшие участие в Олимпийских играх: Юлия Нестеренко (Олимпийская чемпионка в Афинах (2004 г.), рекордсменка Республики Беларусь в беге на 100 м, Заслуженный мастер спорта, участница Олимпийских игр в Пекине (2008 г); мастер спорта международного класса – Юлиана Ющенко (Пекин 2008 г. и Лондон 2012 г.); бронзовый призёр Олимпиады в Лондоне (2012 г.), Заслуженный мастер спорта Ирина Кулеша (тяжёлая атлетика).

Результаты исследования и их обсуждение. На рисунке 1 представлены показатели максимальной частоты движений за 60 с, выполненные правой и левой рукой Олимпийской чемпионкой Ю. Нестеренко.

Следует отметить очень высокую частоту движений Юлии Нестеренко ведущей рукой, которая превосходит частоту движений кистью неведущей руки за 1 минуту на 88,0 точек.

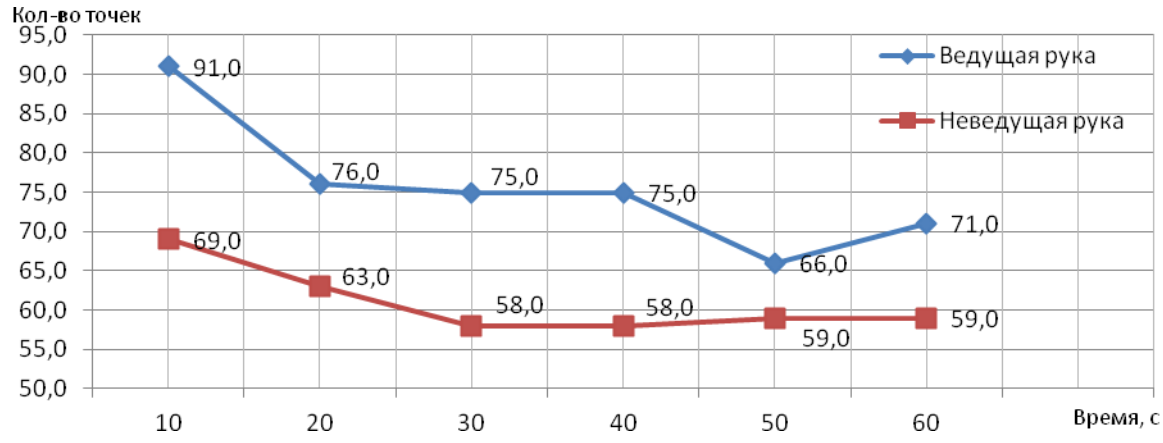


Рисунок 1 – Показатели «теппинг-теста» Ю. Нестеренко

Анализируя показатели максимальной частоты движений в каждом квадрате можно констатировать, что в первом квадрате показатели ведущей рукой Ю. Нестеренко на 22,0 точки больше, чем показатели неведущей рукой. Во втором квадрате – на 13,0, в третьем – на 17,0, в четвёртом – также на 17,0, в пятом – на 7,0 и в шестом – на 12,0 точек. Указанные изменения свидетельствуют, что частота движений ведущей рукой

значительно выше частоты движений неведущей рукой на протяжении одной минуты работы. У Ю. Нестеренко общая сумма поставленных точек за 60 с ведущей рукой составляет 454,0, неведущей − 366,0 точек.

В ходе проведения констатирующего педагогического эксперимента были выявлены показатели максимальной частоты движений у участницы Олимпийских игр 2012 года в эстафетном беге 4×400 м мастера спорта международного класса Юлианы Ющенко.

Анализ полученных данных показывает, что у Ю. Ющенко, в первом квадрате поставлено 65,0 точек, что на 6,0 точек меньше, чем неведущей рукой. Во втором квадрате показатели ведущей руки увеличились, достигая 72,0 точек, что выше по сравнению с неведущей рукой на 17,0 точек. В третьем квадрате частота движений снижается до 62,0 точек ведущей рукой и различия с показателями неведущей руки составляют 11,0 точек. В четвёртом квадрате ведущей рукой – 60,0, пятом – 66,0 и шестом 68,0 точек, неведущей рукой в четвертом квадрате – 49,0, в пятом – 47,0, в шестом – 56,0, что соответственно имеет различия в сравнении с ведущей рукой на 11,0 точек, 19,0 и 10,0 точек (рисунок 2).

Общая сумма поставленных точек ведущей рукой за 60 с составляет 393,0, неведущей – 329,0.

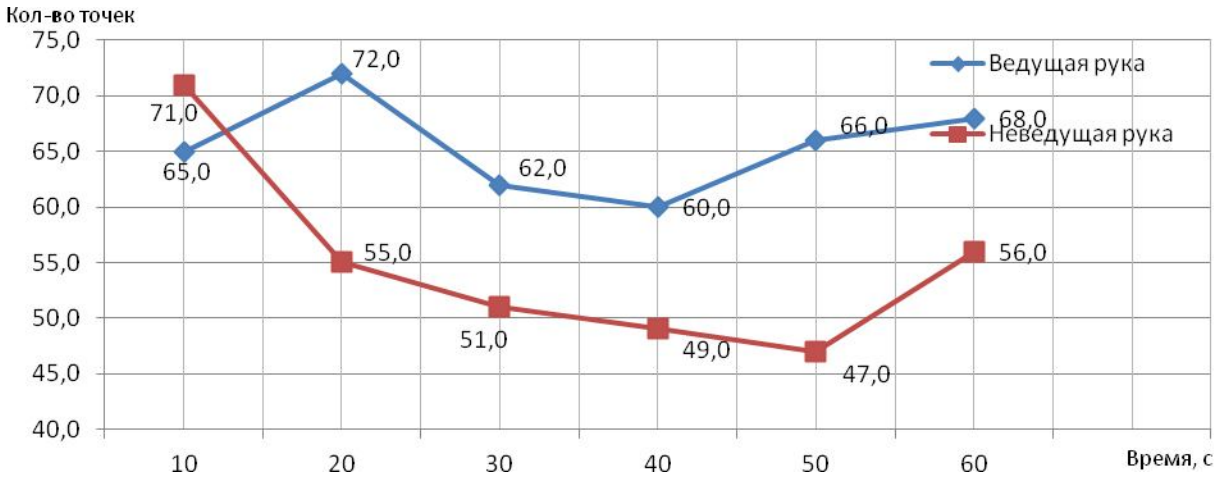


Рисунок 2 – Показатели «теппинг-теста» Ю. Ющенко

Сопоставим полученные данные максимальной частоты движений ведущей и неведущей рук бронзового призера Игр Олимпиады в Лондоне (2012 г.) Ирины Кулеша (рисунок 3). Динамика изменения максимальной частоты движений схожа, но показатели ведущей руки намного превосходят показатели неведущей руки. Так в первом квадрате показатели ведущей руки выше на 17,0 нанесенных точек, во втором – на 14,0 точек, в третьем – на 12,0, в четвертом – на 17,0, в пятом – на 15,0 точек, в шестом – на 10,0 точек. Общая сумма поставленных точек И. Кулеша ведущей рукой за 60 с составляет – 435,0, а неведущей – 350,0.

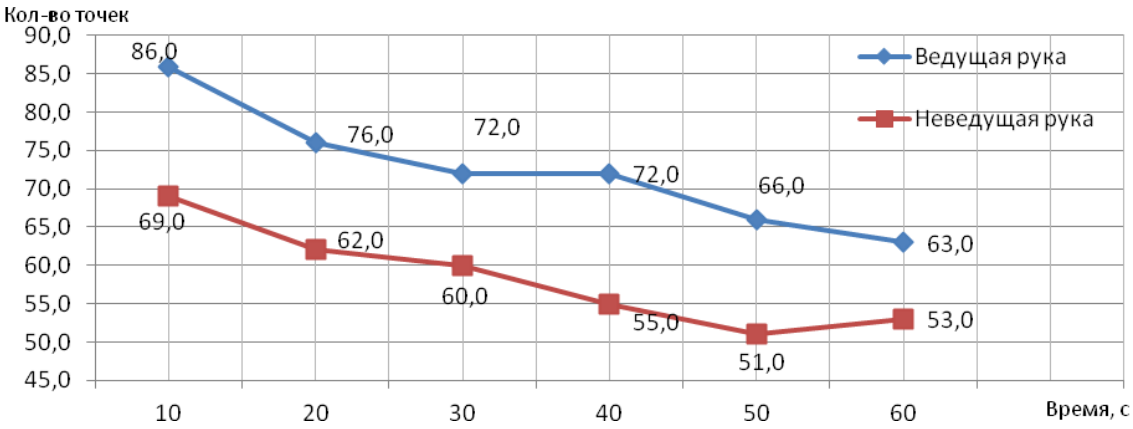


Рисунок 3 – Показатели «теппинг-теста» И. Кулеша

Заключение. Таким образом, полученные результаты максимальной частоты движений у высококвалифицированных спортсменок свидетельствуют, что у Ю. Нестеренко высочайший темп движений в первом квадрате и таким же высоким он остается на протяжении 60 с, следовательно, спортсменка имеет и высококачественные механизмы адаптации, и высокую функциональную устойчивость организма. Показатели максимальной частоты движений Ю. Ющенко, характеризуются равномерным нанесением точек в квадратах, что свидетельствует о хорошем уровне развития скоростной выносливости. У И. Кулеша динамика показателей максимальной частоты движений имеет менее выраженную картину с высокими абсолютными показателями.

Литература

1. Гонтаренко, А. Н. Исследование максимального темпа движений и обоснование методики его воспитания : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.04 / А. Н. Гонтаренко. – Л., 1973. – 21 с.
2. Ильина, М. Н. Об одном из условий диагностирования силы нервной системы по возбуждению с помощью теппинг-теста / М. Н. Ильина, Е. П. Ильин // Психофизиологические особенности спортивной деятельности. – Л., 1975. – С. 183–186.
3. Кирой, В. Н. Физиологические методы в психологии : учебное пособие / В. Н. Кирой. – Ростов-на-Дону : Изд-во ООО «ЦВВР», 2003. – 224 с.
4. Небылицын, В. Д. Избранные психологические труды / В. Д. Небылицин. – М. : Педагогика, 1990. – 408 с.
5. Сурков, Е. Н. Психомоторика спортсмена / Е.Н. Сурков. – М. : Физкультура и спорт, 1984. – 126 с.

[1]Ivanovskaya I. P., [2]Nefyodov O. V.
[1]Ph. D. In Philology, Plekhanov Russian University of Economics
[2]Plekhanov Russian University of Economics
Pyatigorsk branch

TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO NONLINGUISTIC STUDENTS IN NON-AUTHENTIC ENVIRONMENT

One of the problems facing Russia today in the field of modernization of higher education is its reform which should be aimed at higher school normalization to standards and requirements of the Bologna process, that is the transition to two-level system – the Bachelor's and Master's programme that opens prospect for Russian students to continue education at universities in Europe. On each level of education (Bachelor's programme, Master's programme) students can plan the educational path, including learning and study tours in higher education institutions interesting for them in the professional way. Conceptually new ways of getting higher education afford wide transboundary opportunities to the Russian students and their employment after graduation [15].

In the context of implementation of the Bologna Convention ideas it is obvious that securing of the academic mobility of students and their competitiveness in the world market is possible providing that they have a good command of a foreign language on a competence-based level.

At linguistic universities students - future professionals specializing in linguistics by means of intensive communicative practice reach a high level of foreign language skills C1 – C2 - Proficient in accordance with the Common Framework Scale of Language Proficiency [8], considering that they are future specialists in intercultural communication (foreign language teachers, translators, linguists). These students become proficient in vocational intercultural communications which, according to N.V.Baryshnikov, differs from the other kinds of intercultural communications by the fact that its participants (communicants) are professionally trained specialists proficient in a foreign language on the operational level, studied history, culture of the target language country, and also customs and traditions of the people for which the target language is native. The phenomenon of intercultural communications on the professional level consists that in a situation of intercultural communication one of the communicants is a non-native speaker and another one is a specialist with a higher professional education in intercultural communication - a graduate or a student of the Russian higher education institution with a linguistic specialization [1].

The process of acquisition and use of a foreign language by non-linguistic students differs considerably. Teaching non-linguistic students foreign languages (future engineers, economists, lawyers, etc.) in non-linguistic higher education institutions presents great difficulties. Foreign language teaching methods traditional for Russian education in non-linguistic higher education institutions

provided proficiency in reading and translation at a level sufficiently high so that students could use the information for professional objectives, accomplishing only informative function of a language.

In the current conditions of the national economy development a considerable number of higher education institutions graduates are involved in the international cooperation. However there is a paradoxical situation when specialists in technical fields have to resort to translation services which owing to their humanitarian education lack knowledge in manufacturing nuances. The current situation (or current priorities) puts forward new objectives. Graduates of non-linguistic higher education institutions should possess a foreign language communicative competence at a level sufficient enough to be engaged in intercultural oral and written communication in various spheres of community and professional activities.

Besides, for getting knowledge in foreign higher education institutions students should have a command of a foreign language at a level enabling them not only to communicate with contemporaries and teachers, but also understand lecture material on different subjects and use it for carrying out learning activities.

Thus, at the present stage in the course of teaching non-linguistic students foreign languages there are considerable difficulties due to the following factors:

1. Foreign languages programmes for an entry level, developed on the basis of state standard, are aimed at filling of the gaps in school language preparation to the detriment of vocational education. Lack of school knowledgebase has an unfavourable effect on the process of foreign language teaching in higher education institutions of any specialization and consequently not all graduates get knowledge of this subject at a professional level.

2. Teaching efficient foreign language skills, including professionally-focused, is impeded by a shortage of the class hours allotted by the curriculum on learning a foreign language in non-linguistic universities, as the primary attention is paid to studying vocational subjects.

3. Underestimation of the role of self-guided work which, as well as all educational process, should become task-oriented, include differentiated, variative tasks, taking maximally into consideration individual abilities, needs and interests of students, induce them to active creative educational-cognitive and educational-professional activities.

Fluency in foreign language skills on a competence-based level is centered on thorough knowledge, therefore it is seen necessary to use rational method of teaching foreign languages communicative competence in the first year, taking into account a shortage of class hours and allowing to qualitatively boost the level of students' foreign language skills for further acquirement of professional communicative competence.

The rational concept of teaching foreign languages to non-linguistic students should take into account all factors influencing the success of mastering foreign language communicative competence to the level conforming to

international standards. We believe that in conditions of teaching out of the authentic environment the rational method of teaching should be based on the following principles.

At determining the conceptual issues of the rational method of teaching non-linguistic students it is necessary to specify the component structure of a foreign language syllabus and to develop modern means and methods of teaching according to the person-oriented paradigm of education [14], [19]. As for teaching foreign languages to non-linguistic students, the changes should apply to the following aspects of the content: the material aspect of the syllabus (language and speech units); the ideal aspect of the syllabus (theme, problems, speech subjects); procedural and activity aspect of the syllabus (speech acts with the above mentioned units with the object of the problem solving of educational, cognitive, and communicative tasks; motivational and value-oriented aspect of the syllabus (feelings and emotions evoked by an interaction of the specified components of the content) [3].

The character and volume of the syllabus at a specific stage should consider the starting level of knowledge and specific character of professional education of future professionals. So far as the first-year students have different levels of language competence, at the initial stage of learning it is necessary to give special consideration to development of the linguistic competence. Students' knowledge of the linguistic competence is a basis for development of the communicative competence speaking another language which, as it is known, has multicomponent structure: linguistic, sociolinguistic, sociocultural, discursive, strategic, social, pragmatic competence [7], [17], [18].

At the initial stage of studying at non-linguistic higher education institutions, with regard to teaching the linguistic competence as a basis of the foreign language communicative competence knowledge, it seems important to develop all components of students' foreign language communicative competence, rationally combining teaching all kinds of speech activity (listening, reading, speaking, and writing).

The rational methodological conception requires working out rational means of education. We believe that the hypertext electronic textbook that makes it possible to organize educational material rationally can be such means. Hypertext is considered universal technology the use of which does not depend on specific character of educational area. It is a substantial technology comprising nearly all separate methods of storage and representation of information. Practice of teaching shows that foreign language learning by means of a material organized in a textbook on the hypertext principle is easier for perception and has a positive influence on memorizing. Hypertext used at the practical lesson, gives the learners a dynamic system in which there are different opportunities, and thus allows carrying out both self-guided work and dynamic actions of learners in a classroom. The methodological organization of the material on the basis of hypertext technology provides practical conditions for carrying out a differentiated, individual approach to teaching students, taking into

account their abilities and potentialities, and also encourages the development of need for lifelong self-education and self-development.

Practice of teaching foreign languages at the initial stage in non-linguistic university revealed that for many students mastering even a program minimum is difficult as the level of skills in a foreign language is lower than standard assigned by the federal state standard of the general secondary education (B1 - Common Framework Scale of Language Proficiency). This results from the fact that the final years at the comprehensive school pupils direct all their efforts to studying the subjects which will be chosen by them for taking the Uniform State Examination with the view of entering the chosen higher education institution. The list of subjects for taking Uniform State Examination for pupils entering non-linguistic universities, as a rule, doesn't include a foreign language and, therefore they do not pay proper attention to its studying.

In this connection, for the initial stage of learning it is necessary to develop innovative (special, specific) means enabling the initial stage students to reach the basic level of foreign language skills, complying with requirements of the programme and a higher level for ambitious students which set themselves higher goals. Students, as a rule, have different levels of motivation. Some students believe that having a reading knowledge and ability to acquire professionally significant information from the authentic texts, others - set themselves a goal to continue education at foreign universities.

The levels of foreign language communicative competence skills of such students should enable them not only to communicate with their peers and teachers, but also to acquire knowledge in the field of their future profession.

In implementing the educational process at higher school, difficulties caused by the essential change in the balance of class work and self-guided work duration towards an increase of students' self-guided work duration emerge. In the conditions of the initial stage of learning teacher shouldn't forget about one of priority tendencies of higher professional education – the tendency towards self-education. Class work should be focused on teaching students basic competencies, enabling them to further acquire knowledge independently according to actual requirements in social and professional activities of the competent specialist.

In this connection, for effective self-guided work of students it is essential to create all necessary conditions considering different levels of language skills of students, their pragmatic interests, motivation. In other words, we should provide students with information material and learning means raising the level of their skills in linguistic competence (phonological, lexical, grammatical); rationally distribute the information material, a material under study and learning means according to the contents of each module of the textbook; create a bank of controlling and measuring materials for self-testing and self-learning.

In organizing the classroom and self-guided work it is important to take into account individual psychological characteristics of students that have an

influence on the process of learning a foreign language. In learners' activities a teacher should rely on psychological theories such as:

- theory of the influence of personality type on the educational activities. So, I. Myers singled out four bipolar personality characteristics that determine learning styles: extraverts – introverts; sensing – intuitive; thinking – feeling; judging – perceiving [13];

- theory of multiple intelligences (spatial, linguistic, logical-mathematical, bodily-kinesthetic, musical, interpersonal, intrapersonal, naturalistic), representatives and followers of which believe that one cannot ignore the type of intellectual activity inherent in students, as the dominant type of intelligence determines the style of student learning activities and determines the way they perceive, remember and operate with new information [9], [16].

Application of the theory of influence of personality type on the learning activity and the theory of multiple intelligences in teaching is based on the use of variety of individual differences and creation of various methods for their actualization and learning on their basis. The basic principle of application of the theories is to provide students with opportunities to learn, to study the material in a way which is closest to them, easy to use and at which they feel comfortable. In other words, the use of their own style in mastering a foreign language.

We emphasize that in self-activity the autonomy of students is manifested, therefore one of the priority principles of rational methodological concept should become a principle of taking into account the student autonomy. The concept of learner autonomy plays an important role in the learning process. In order to help students achieve their goals, it's essential to improve their academic autonomy.

The content of notions «learner autonomy», «autonomous learner» is revealed in many psychological and pedagogical works. Autonomous person is understood as the subject of activity that can be goal-setting, responsible for implementing the decisions on their own, has "internal reserves" that determine their own development and is viewed in the following aspects: self-regulation and self-determination of a student personality, realized in the form of conscious choice of the mode of action taking into account the internal aspirations and external conditions, self-actualization, implying the presence of perceived responsibility for their actions, behaviour, understanding the importance of individual personality and their constant striving for personal development itself; self-control consisting in self-reliance, independence and activity of the students in achieving their goals, in recognition of the need of personal growth [5].

Rational approach to learning involves the creation of all necessary conditions for improving student learning autonomy. The position of D. Little is close to ours which highlights that "the decisive factor [in fostering the growth of learner autonomy] will always be the nature of the pedagogical dialogue" [12, p. 175]. Manifestation of the student's autonomy in the educational process should be encouraged by modern learning means developed in the context of rational approach and based on social interaction between a teacher and learner.

Therefore, in determining the methods and means of teaching it is important to take into account the peculiarities of students' age, their intelligence types and cognitive styles.

At the student age value-oriented activities become more dynamic, serving as a unity of views, attitudes, approval of goals and activities performed. Students as subjects of learning activity, are not just building an overall picture of the world, but also produce their own attitude to everything they know and see. Therefore, in their mental activity, the activity of analyzing thoughts, reasoning and tendency to a particular emotion are combined. At this age an improvement in communicativeness, considerable differentiation of emotional reactions and expressions of emotional states, rise in self-control and self-regulation can be observed [6, p. 100].

Thus, we believe that methodological decisions - the organization of educational material, methods, techniques, means and tools, should be based on a basic level of syllabus, refracted through the prism of an individual student and their future professional interests, through their internal and external context.

In order to realize the objectives we need to create favorable external conditions corresponding with the inner aspirations of students on mastering a foreign language and culture, to actualize personal and professional needs of students in learning a foreign language and culture, to develop students' metacognitive strategies for mastering a foreign language, develop competencies of self-education. As for learning technologies, we agree with D.Little, who emphasizes, that technology-based systems should be created with the learner in mind. We should create space in which the learner can develop; take adequate account of the dialogic nature of language and learning; stimulate reflective processes that are central to learner autonomy; support planning, monitoring and evaluation of learning [11].

As tools, we propose to use interactive technologies of speech pragmatization, which include problematic communicative tasks based on the ideas of contextual learning [10], [4], contributing to the formation of practical pragmatic skills of language use.

The use of «SWOT-analysis" technology adapted to the conditions of teaching non-linguistic students out of the authentic language environment [2] makes it possible to draw unique cross-cultural parallels providing communication of learning a foreign language in classroom activities with external realities, establish chains of links between the material under study with life events outside the class. Students perform educational speech practice of different levels of complexity and perfection from asking questions, a description of real objects, evaluation and interpretation of information to the use of sociocultural data obtained from the environment. In the process of carrying out the «SWOT-analysis," students develop skills to overcome stereotypes of foreign language speech behavior, formed in the process of learning in the classroom, as well as the ability to overcome language and cultural barriers in communicating with potential native speakers.

We also consider effective the use of specially organized trainings of foreign language communication based on dialogue interaction, full-fledged interpersonal relationships, constant feedback, self-disclosure and personal involvement, in other words - these are interactive communicative activities, simulating real life situations in a particular professional sociosphere most close to the authentic, and suggesting an active influence on the student through the exercise of specified language and speech material.

References

1. Барышников Н.В. Профессиональная межкультурная коммуникация (монография). Пятигорск, 2010. 264 с.
2. Барышников Н.В., Шевченко Т.Д. Технология "SWOT-анализ" как средство обучения иноязычной речи // Иностранные языки в школе. 2011. N 9. С. 72-76.
3. Бим И.Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования (ИЯ) // Иностранные языки в школе. 2005. N 8. С. 2-6.
4. Жукова Н.В., Вербицкий А.А. Кросс-культурные контексты в контекстном обучении // Высшее образование в России. 2007. № 4. С. 11-16.
5. Леонтьев Д. А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13-46.
6. Щербакова М. В. Организация процесса усвоения иностранного языка на основе изучения индивидуально-личностных особенностей студентов // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2005. № 1. С. 98-105.
7. Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // Applied Linguistics. 1980. Vol. 1 (1). P. 1-47.
8. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge University Press, Feb 22, 2001. 260p.
9. Gardner H. Intelligences Reframed: Multiple Intelligences for the 21st Century. New York: Basic Books, 2000. 304 p.
10. Johnson E.B. Contextual Teaching and Learning. What it is and why it is here to stay. Thousands Oaks, California: Corwin Press, Inc., 2002. 208 p.
11. Little D. Learner autonomy, teacher autonomy and the European Language Portfolio. Paper presented at UNTELE, Université de Compiègne. [Electronic resource]. URL: http://www.utc.fr/~untele/2004ppt/handouts/little.pdf (accessed: 16.03.2015).
12. Little D. Learning as dialogue: the dependence of learner autonomy on teacher autonomy // System. 1995. Vol. 23 (2). P. 175–181.

13. Myers I. B., McCaulley M.H., Quenk N.L., Hammer A.L. MBTI Manual (A guide to the development and use of the Myers Briggs type indicator). Consulting Psychologists Press. 1998. 3rd edition. P. 115-127.
14. Pearlman B. Making 21st Century Schools. Educational Technology. [Electronic resource]. URL: http://www.bobpearlman.org/Articles/ET%20Bob%20Pearlman%20article.pdf (accessed: 10.04.2015).
15. Pursiainen C., Medvedev S.A. The Bologna Process, Russia and globalization. In Pursianinen C. & Medvedev, S.A. eds., 2005, The Bologna process and its implications for Russia. Moscow: Russian European Centre for Economic Policy P. 16-26.
16. Richards J.C., Rodgers T.S. Approaches and methods in language teaching. 2nd ed. Cambridge University Press, 2001. 278 p.
17. Savingnon S. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. Reading. Mass.: Addison Wesley, 1983. 284 p.
18. Sheils J. Communication in the Modern Language Classroom. Strasbourg. Council of Europe Press, 1993. 309 p.
19. Watson S.L., Reigetuth C.M. The learner-centered paradigm of education // Educational Technology. 2008. Vol. 38 (5). P. 42-48.

Кемалова Гулжанат Балтабековна
магистр педагогики и психологии Актюбинского государственного регионального университета им. К. Жубанова
E-mail:gul_kemalova@mail.ru

РАЗВИТИЕ, ВОСНИТАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Концепция системного подхода является одной из ведущих в современном научном познании. Она отражает системность мироустройства. Становление понятия системности уходит в глубину веков, однако «кристаллизация» его современного общего смысла связана с именами А.А.Богданова (всеобщая организационная теория - тектология), Я.Х.Смэтса (холизм - теория целостности и творческой эволюции во всеобщей системе природы), Л.Берталанфи (общая теория систем) и других отечественных и зарубежных ученых [1].

В современной науке проблема личности достаточно сложна вследствие многогранности ее понимания и проявления, отражающих многообразие проявлений человека в эволюции природы, истории общества и собственной жизни.

Личность- проявление социальной сущности человека. В понятие «личность» входит не только ее роль в обществе, но и особенности ее

психологии: направленность, мотивация, способности, характер, темперамент[2].

Основной целью воспитания является освоение социального опыта формирующейся личностью, ее всестороннее гармоническое развитие. Проблема развития и формнрования личности имеет многовсковую историю. Она многоаспектна и рассматривается на стыке разных наук. Уже древнегреческие философы считали, что на развитие личности влияют как биологические,так и социальные факторы. Развитие идей о факторах формирования личности нашло отражение в прогрессивной философской и психолого-педагогической мысли последующих эпох (Э. Роттердамский, Я.А.Коменский, К.А. Гельвеций, Д.Дидро, А.Дистерверг, К.Д.Ушинский, В. Г.Белинский, Н.Г.Чернышевский, К. Маркс, 3.Фрейд,Д. Дьюи, Э.Торндайк, Н.К.Крупская, П.П.Блонский, А.С.Макаренко, Л.С.Выготский, Э.И.Моносзон, Л.И.Божович, С.Л.Рубинштепн, В.В. Давыдов и др.).

Я.А. Коменский.Человеку прирождены четыре части, или качества, или способности. Первая называется ум - зеркало всех вещей, с суждением - живыми весами и рычагом всех вещей и, наконец, с памятью - кладовою для вещей. На втором месте - воля - судья, все решающий и повелевающий.. Третья - способность движения, исполнительница всех решений.

Итак, необходимо все дарования развивать в совершенстве, чтобы родившийся человеком учился и действовать почеловечески. Но прежде всего необходимо, чтобы такую обработку получали те, кто должен стать зерцалом, правилом и опорой для других, т.е. кто предназначен к управлению какой-либо частью человеческого общества: семьей, школой, городом, царством. Но надо наставлять и тех, кого природа предназначила к подчинению, чтобы они умели разумно покоряться и повиноваться порядку.

Ш.А. Амонашвили. Рождение любого ребенка не есть случайность.

Неповторимость человека я понимаю не в узкофизическом смысле, что этот человек больше не родится, что мать вторично не родит его и его не воскресить. А в том смысле, что именно он необходим был людям. Люди, окружающие его, нуждались в нем. Может быть, в нем нуждалось и целое поколение, целое общество, даже прошлые и будущие поколения. Человек нужен человеку, и люди рождаются друг для друга. Человек есть подспорье для другого человека. Сама жизнь, бурлящая по своим законам, вызывает к рождению нужного человека. Вот он и рождается со своей миссией.

Активность в ребенке заложена изначально, природой, то есть ребенок сам в себе несет источник движения, энергию активности, деятельности. И эта энергия, эти импульсы функций, по моему убеждению, сами приводят в движение нужные процессы, не дожидаясь зова среды. Природа рождает не пассивные человеческие существа, а такие, которые

изначально уже активны, уже движутся, уже находятся в процессецелостного развития.

А.С. Макаренко.Человек плох только потому, что он находился в плохой социальной структуре, в плохих условиях. Я был свидетелем многочисленных случаев, когда тяжелейшие мальчики, которых выгоняли из всех школ, считали дезорганизаторами, поставленные в условия нормального педагогического общества, буквально на другой день стаиовились хорошими, очень талантливыми, способными идти быстро вперед. Таких случаев масса...[3]

Человек - живое существо с присущей ему биологичсской организацией, поэтому законы природы распространяются и на его развитие. В отличие от животыых, которыеприспосабливаются к среде и нспользуют готовые средства для своего существования, человек сам создает их. Изменения природы человека происходят под влиянием социальных условий его жизни, и наследственность здесь является не только продуктом биологической эволюции, но и результатом его исторического развития. Социальное наследование» происходит благодаря присвоению им общественного опыта. Таким образом, в общем развигии человека наблюдается две взаимосвязанные линии - биологическая и социальная. Человек рождается как существо биологическое, но лишь в процессе своего развития он становится социальным существом.

Важнейшими признаками личности являются её разумность, ответственность, свобода, личное достоинство, индивидуальность. Личность тем более значительна, чем больше отражает она в своих качествах и деятелыюсти тенденции общественного прогресса, чем ярче и специфически выражены в ней социальные черты и качества, в какой мере ее деятельность носит творческий характер. В этом смысле характеристики понятий «человек» и «личность» должны быть дополнены понятием «индивидуальность».

Индивидуальность характеризует непохожесть, своеобразие и отличие одного человека от другого, одной личности от другой. Индивидуалыюсть, как правило, выделяется особыми чертами характера и темперамента (например, уравновешенно-волевой и целеустремленный человек), своеобразием творческой деятельности и способиостей.

Развитие личности означает, прежде всего, процесс количественных изменений в её свойствах и качествах. Родившись, человек растет физически, при эгом отмечается увеличениеегоотдельныхорганов и систем. У негопоявляется речь, увеличивается словарный запас. Ребенок овладевает множеством социально-бытовых и моральных умений,трудовых навыков и привычек. Однако главным в развитии человека как личности являются происходящие в нем качественные изменения (в познавательной, чувственной, морально-волевой сфере и др.). Реактивные формы поведения все более уступают место активно преобразующейдеятельности, повышается способность к

самостоятельности и управлению собственным поведением. Все эти и другие изменения и характеризуют процесс развития человека какличности

Таким образом, под развитием следует понимать взаимосвязанный процесс количественных и качественных изменений, которые происходят в анатомо-физиологичсском созревании человека, в совершенствовании его нервной системы и психики, атакже его познавательной и творческой деятельности. В обогащении его мировоззрения, нравственности, общественно-политических взглядов и убеждений [4].

Литература

1.А.А.Крылова., М.А.Захарова. Психология. Учебник– М.: ПБОЮЛ,2001.
2.ГМ.Коджаспирова. Педагогика. – М.: Гардарика, 2007.
3.Г.М.Коджаспирова педагогика: Практикум и методические материалы:Учеб. Пособие для студ. пед.училищ и колледжей. – М.: Гуманит.изд. центр ВЛАДОС, 2003.
4.Г.Т.Хайруллин. Педагогика. Курс лекций. Алматы: «Нұрлы Әлем», 2003.

В.И. Писаренко
Профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков Южного федерального университета

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В отечественной гуманистической педагогике сегодня сосуществует ряд концепций, каждая из которых рассматривает и определяет личностное образование с разных позиций. Они не противоречат друг другу, но фиксируют внимание на различных аспектах этого процесса. Каждая из них рассматривает педагогическую деятельность с позиции **парадигмы** личностно ориентированного образования. В работах современных отечественных педагогов (Е.В.Бондаревская, О.В.Гукаленко, И.А.Колесникова, Г.Б.Корнетов, С.В.Кульневич, В.Н.Руденко, Х.Г.Тхагапсоев и др.) в качестве метода анализа научных теорий, подходов, а также в качестве способа концептуализации образования используется *парадигмальный подход*.

В современном науковедении понятие *парадигмы* довольно широко используется в качестве методологического инструмента для изучения трансформаций в общенаучной картине мира. Следует отметить, что

наряду с термином «парадигма», в науке существуют другие термины того же смыслового ряда, выполняющие аналогичные объяснительные функции, например, «ядро исследовательской программы» (И. Лакатос); «исследовательская традиция» (Л. Лаудан); «основания науки» (Н.Н. Моисеев, В.С. Степин), «стиль мышления» (Е.Н. Князева, В.С. Швырев).

Парадигмальный подход используется в качестве одного из основных в изучении и моделировании современного образовательного пространства. Парадигма является основой дифференциации научных проблем, моделью образцом решения исследовательских задач. Ее рассматривают как определенную мировоззренческую «матрицу», объединяющую в своем основании взгляды на исследуемую научную реальность в определенный исторический период.

Термин «парадигма» давно использовался в философии для описания некоторой идеальной модели, лежащей в основе структуры и формы материальных объектов, однако в качестве методологического инструмента его предложил Г. Бергман. Н.И.Миронова говорит о том, что за последние 300 лет наука предложила три базовых парадигмы, три модели объяснения мира, формулирования проблем и поиска решений [1,с.3]. Р.Декарт предложил упростить сложный мир до модели изолированных механических часов. Через 200 лет появилась «организмическая» парадигма, предложенная Г. Спенсером, рассматривавшая мир в развитии, сравнивая его с растущим организмом. Еще через 50 лет появились понятия неустойчивости, неравновесности, динамики, а затем и самоорганизации живых систем. По мнению Н.И.Мироновой, наше время характеризуется удивительной ситуацией сосуществования сразу всех трех парадигмальных подходов и практик в жизнедеятельности общества: *классической* (линейной, картезианской, ньютоновской), *неоклассической* (организмической, спенсеровской) и *постнеоклассической* (системной). В.Н.Лозовский предлагает различать также эволюционную парадигму, парадигму Дарвина, эволюционно-синергетическую парадигму [2, с.26]. Говоря о системной парадигме, Н.И.Миронова отмечает, что она использует две метафоры, естественно-научную и физико-математическую. В рамках этих двух метафор системная парадигма позволяет выделить еще три органично встроенные в нее парадигмы – информациональную, культурно-ценностную и социальную. Каждая парадигма формализует тот тип упрощения реальности, который признается допустимым в ее пределах.

Словарь-справочник современного общего образования определяет парадигму как теорию (или модель, тип постановки проблемы), принятую в качестве образца решения исследовательских задач [3, с.273].

Педагогический энциклопедический словарь дает следующее определение парадигмы: образец, тип, модель, исходная концептуальная схема, меняющаяся со временем и характерная для определенного этапа в развитии науки, модель постановки проблем и их решения [4, с.185].

По определению С.В.Кульневича, парадигма – это совокупность теоретических и методологических предпосылок, определяющих конкретное научное исследование, которая воплощается в научной практике на данном этапе [5]. Наиболее емкое определение термина «парадигма», на котором основываются все остальные исследователи, принадлежит Т.Куну, который связывал понятие парадигмы с научной революцией [6].

Рассматривая парадигму как совокупность научных оснований, не противоречащих актуальной в данный исторический момент научной картине мира, педагоги используют данное понятие, осуществляя парадигмальный анализ современного образовательного пространства и подчеркивая его полипарадигмальный характер (Т.И.Власова, И.А.Колесникова, С.В.Кульневич, В.Я.Пилиповский, И.А.Соловцова, И.Г.Фомичева и др.), а также констатируют постоянный процесс смены парадигм в педагогике.

Использование понятия «парадигма» в педагогике ставит ряд вопросов, решение которых требует не только конкретизации самого понятия, но и рассмотрения особенностей его использования в педагогическом и образовательном контекстах. Анализ понятия «парадигма», используемого в педагогическом контексте, позволяет выделить несколько подходов к трактовке данного термина. Во-первых, это близкое к классическому общенаучному пониманию парадигмы как модели научной деятельности, совокупности норм, критериев, стандартов исследования (А.А.Арламов, Е.В.Бережнова, Н.Л.Коршунова, В.В.Краевский, В.Нургалиев и др.). Сторонники второго направления в понимании парадигмы трактуют ее как основы, идеи, подходы к проектированию образовательных систем, как образец в решении образовательных задач (А.С.Белкин, Н.П.Клушина, И.А.Колесникова, Г.Б.Корнетов, В.Я.Пилиповский, И.А.Соловцова, Е.В.Титова, И.Г.Фомичева и др). Такая трактовка сопровождается такими понятиями, как «педагогическая», «образовательная», «воспитательная», «методическая», «формирующая», «гуманистическая», (Е.В.Бондаревская, С.В.Кульневич и др.), «знаниевая» (И.Б.Котова, Е.Н.Шиянов и др.), «личностная» (В.В.Зайцев, Н.Б.Крылова, В.В.Сериков и др.), «духовно-ориентированная» (Т.И.Власова), «традиционная», «адаптивная», «православная», «педагогического мышления», «инновационная» и др., которые отражают основные направления образовательной деятельности. Речь идет об образовательной парадигме.

Синтетическим вариантом понимания парадигмы в первом и втором случае является трактовка педагогической парадигмы как определенного стандарта в решении как научных, так и образовательных задач (Е.В.Бондаревская, Т.И.Власова, С.В.Кульневич, И.Е.Шкабара и др.).

Еще один вариант трактовки понятия «парадигма» в педагогике аналогичен таким понятиям, как установка, аксиома, стереотип

педагогической деятельности. Например, понятие парадигм традиционной педагогики или парадигмы педагогического мышления. Фактически эта трактовка относится также к образовательной деятельности, а не к научной, с той лишь разницей, что здесь понимание парадигмы выходит на уровень практики.

Необходимость в новой образовательной парадигме возникает в связи с переходом к новому типу мышления и действия, новым способам преобразования действительности. По мнению С.В.Кульневича, «обосновывая ту или иную парадигму образования, педагогическая наука реагирует на «вызовы» общества, личности, государства, предлагая модель образовательной системы, в которой содержатся ответы на вопросы о ценностях и целях образования, о функциях школы и принципах ее деятельности, об организации, содержании и технологиях обучения и воспитания, о способах взаимодействия основных субъектов образования» [5].

Сущность парадигмального подхода раскрывается исследователями (Богуславский М.В., Корнетов Г.Б.) [7] как анализ педагогического процесса сквозь призму бинарных оппозиций (двоичных противопоставлений). Эти оппозиции просматриваются ими во всех инвариантных компонентах педагогического процесса: его направленности, целях и результатах, взаимоотношениях его субъектов, содержании, технологиях, характере отношений образовательных учреждений с обществом и государством.

По мнению В.Я Пилиповского, в мировом образовательном пространстве действуют три основные **парадигмальные модели** [8]:

- традиционалистская, цель которой заключается в сохранении и передаче молодому поколению наиболее существенных элементов культурного наследия человеческой цивилизации – необходимого многообразия важных знаний, умений и навыков, а также идеалов и ценностей, способствующих как индивидуальному развитию, так и сохранению социального порядка;
- рационалистическая, которая в центр внимания ставит не содержание, а эффективные способы усвоения различных видов знаний, в ее основе лежит бихевиористская концепция социальной инженерии Б.Скинера; исследователи отмечают технократизм этой парадигмы;
- гуманистическая модель концентрирует внимание на обучаемом как субъекте жизни, свободной и духовной личности, имеющей потребность в саморазвитии.

Необходимо отметить, что в рамках гуманистической парадигмы существуют достаточно разнообразные модели образования. Их объединяет ценностное отношение к объекту обучения и воспитания, а также свобода и творчество обучаемых и педагогов.

Анализ образовательных парадигм в контексте гуманистического подхода осуществлен И.А.Колесниковой. Она обосновывает

педагогические парадигмы, исходя из того, насколько образовательный процесс (его ценности, цели, содержание, технологии, оценка результатов) отвечает критерию «человечности», который реализуется в способах взаимодействия человека с миром, предложенных той или иной парадигмой образования. Так, в научно-технической парадигме таким способом выступает передача и усвоение «точного» научного знания, необходимого для совершенствования практики. Познавательные возможности человека определяют его ценность. Иную логику ценностных ориентаций прослеживает И.А.Колесникова в гуманитарной образовательной парадигме, центром которой становится человек, познающий истину. В рамках данной парадигмы важна не сама истина, а отношение к ней. Отношения между педагогом и обучаемыми выстраиваются на основе диалога, сотрудничества, полилога, совместного творчества. В свободном субъект-субъектном взаимодействии участники педагогического процесса обмениваются не только знаниями, но и личностными смыслами. Отметим, что парадигма в педагогике может рассматриваться и в более частном смысле, что способствует конкретизации достаточно общих понятий.

Традиционное педагогическое мышление пользуется набором этих и других парадигм в качестве основания педагогической деятельности. В основе концепции личностно ориентированного воспитания также заложен набор парадигм, отличающихся от традиционной своей гуманистической ориентацией. Классификация таких парадигм предложена В.В.Сериковым [10].

В целом можно говорить о существовании двух основных парадигм в современном образовании: **формирующей** (традиционной) и **личностно ориентированной** (гуманистической), каждой из которых присущ свой, специфический набор частных парадигм, описывающих представления о цели, содержании и процессе обучения и воспитания.

Термин «парадигма» не только вошел в научный лексикон и часто используется в научно-педагогических трудах, но и относится к актуальным понятиям современной педагогики. По мнению Н.А.Лызь [11], следует более внимательно отнестись к смысловому наполнению термина «парадигма» и допустить его собственно педагогическое, отличное от других наук толкование. Тот же автор считает правомерным выделение в парадигме двух составляющих: онтологической (генерализованные представления об объекте науки) и гносеологической (образец научной деятельности) [11, с.15]. Мы разделяем мнение Н.А.Лызь, которая считает, что рассмотрение этих двух составляющих парадигмы в педагогике приводит к выделению научно-теоретической и конструктивно-технической функций педагогики и позволяет решать образовательные задачи на новом уровне. Тот же автор предлагает развести понятия *научная педагогическая парадигма* и *образовательная парадигма*, с чем мы абсолютно согласны, поскольку первое представляет собой научную абстракцию, а второе — конкретные теоретические и практические

основания, определяющие основу функционирования образовательного пространства в конкретный исторический момент. Отталкиваясь от единой общенаучной картины мира и опираясь на общие мировоззренческие основания, эти парадигмы расходятся в идеалах и нормах. Например, по мнению В.С.Степина, в рамках одной научной парадигмы, определяемой типом рациональности, может существовать целый ряд образовательных парадигм, различающихся взглядами на сущность образования человека, природу образовательных ценностей, целей и процессов. Такой подход к пониманию парадигмы позволяет исследователям образовательного пространства рассматривать данное понятие в различных контекстах. Следовательно, основная цель парадигмального анализа состоит в анализе выдвигаемых идей, теорий, концепций на предмет их соответствия или несоответствия современной общенаучной картине мира.

Утверждение о смене парадигмы педагогики все чаще встречается в научно-педагогических трудах. Традиционная парадигма педагогики формировалась в русле позитивизма, общих гносеологических установок, идеалов традиционной науки, регулирующих любой научный поиск. Безусловно, в педагогике модели научной деятельности и построения теории приобрели некоторые специфичные черты, но образцом для нее, как и для других гуманитарных наук была классическая наука, естественнонаучное познание.

Если обратиться к классикам, можно утверждать, что смена парадигмы влечет за собой научную революцию, предполагающую перестройку оснований науки. На современном этапе развития педагогики говорить о свершившейся научной революции, вероятно, преждевременно. Однако перестройка оснований науки не является актом внезапной смены парадигмы, а представляет собой процесс, который начинается задолго до непосредственного преобразования норм исследования и научной картины мира с философского осмысления тенденций научного развития и рефлексии оснований культуры. В.С. Степиным обозначены два варианта перестройки оснований науки: 1) за счет внутридисциплинарного развития знаний, включения в сферу исследования новых объектов, накопления парадоксов и проблем и 2) за счет междисциплинарных связей, переноса из одной науки в другую дисциплинарных отологии, идеалов и норм исследования, что открывает иное поле научных проблем, способствует рассмотрению явлений, которые до этого вообще не попадали в сферу научного поиска [Там же]. Именно этот процесс переосмысления мировоззренческих оснований происходит в современном образовательном пространстве, что позволяет нам, как и многим другим исследователям, согласиться с утвержденим о постепенной смене парадигмы в педагогике и заключить, что общенаучные предпосылки смены парадигмы связаны с изменением общенаучной картины мира**.** Общенаучные изменения подкрепляются внутринаучными, связанными, прежде всего, с трансформацией образа Человека в педагогике и психологии, а также с

содержательными и процессуальными трансформациями всего образовательного пространства. По мнению С.В.Кульневича, «революции» в психолого-педагогических науках не произойдет до тех пор, пока для описания и реализации новой парадигмы мы будем использовать старый категориальный аппарат. Рассмотрение образования на основе новых гуманистических представлений о человеке уже принято научно-педагогическим сообществом и реализуется в многочисленных исследованиях.

Анализ общенаучной картины мира и трансформации смысла основных категорий педагогики, гуманизации и гуманитаризации образования, а также трансформаций в парадигме высшего инженерного образования позволяют говорить о том, что основания педагогики претерпевают изменения. Обозначим следующие **предпосылки смены научной парадигмы педагогики:**

- изменения в общенаучной картине мира;
- изменение положения, которое занимает человек в общенаучной картине мира;
- трансформация картины мира в гуманитарных науках;
- активизация процессов гуманизации и гуманитаризации высшего образования.

В.В.Сериков отмечает, что «личностная ориентация образования, признанная потребностью времени, еще не стала объектом методологической рефлексии и отражается в большей части научных работ и в массовом педагогическом сознании на уровне обыденных представлений» [10, с.9]. Здесь уместно вспомнить об аналогичной точке зрения С.В.Кульневича, приведенной нами выше. Как правило, реализация личностно ориентированного подхода сводится к социально-психологическому аспекту – взаимоотношениям педагогов и обучаемых, или к инновациям в области учебных планов, рабочих программ и т.д. Личностная ориентация образования требует поиска иных оснований для проектирования учебного процесса, которые нельзя сводить к заранее установленной модели личности. Не отрицая социальную детерминацию и конечные цели обучения, важно обеспечить реализацию всех сторон личностного развития обучаемого. Такая ориентация существенно отличается от функционального образования, сконцентрированного на социальных функциях. Целевые, содержательные, процессуальные характеристики образования должны разрабатываться в соответствии с целостным концептуальным представлением о сущностных чертах личностно ориентированного обучения. Способ усвоения содержания образования описан В.В.Сериковым и представляет собой своеобразное «снятие» объективного значения материала и выявление в нем субъективного смысла, личностно утверждающих ценностей. Такое представление о сущностном механизме личностно ориентированного обучения требует значительной корректировки сложившихся

представлений о целях, содержании и технологиях образовательного процесса.

Как уже отмечалось выше, **личностный подход** в образовании, провозглашенный ведущей тенденцией современной педагогической теории и практики, не имеет в сегодняшнем педагогическом сознании однозначного понимания. Об этом свидетельствуют многочисленные труды в этой области таких ученых, как Е.В.Бондаревская, И.С.Якиманская, В.В.Горшкова, В.И.Гинецинский, В.В.Давыдов, В.С.Ильин, М.В.Кларин, И.А.Колесникова, Л.И.Новикова, В.И.Слободчиков, А.П.Тряпицына, Г.А.Цукерман, Л.Андерсон, В.Белль, П.Брендвайн, Р.Драйвер, Дж.Найсбитт, М.Полани, Дж.Шваб и др. В связи с этим есть необходимость говорить о множественности концепций и теорий личностно ориентированного образования.

Психолого-дидактическая концепция личностно ориентированного обучения разработана И.С.Якиманской [12]. И.С.Якиманская различает процессы обучения и учения, понимая последнее как индивидуально значимую деятельность отдельного субъекта, в которой реализуется его личный опыт. Обучаемый выступает как субъект познавательной и предметной деятельности. Основными сферами возникновения и осознания субъектного опыта являются сферы познания и учебной деятельности.

Аксиологическая концепция личностного воспитания разработана И.Б.Котовой, А.В.Петровским, Е.Н.Шияновым. Аксиологический (ценностный) подход является основой всех гуманистических концепций. В данной концепции он заключается в определении гуманистической ориентации образования как целостного комплекса взглядов, убеждений, идеалов, где высшей ценностью является человек. Социализация рассматривается как процесс адаптации и интеграции человека в обществе, а также как процесс саморазвития и самореализации личности. По мнению этих исследователей, образование соответствует истинному предназначению, если оно создает условия для развития личности, способной освободиться от влияния «функциональной заданности».

Дидактическая модель личностно ориентированного образования, разработанная В.В.Сериковым [10], основана на теории личности С.Л.Рубинштейна, согласно которой сущность личности проявляется в ее способности занимать определенную позицию. Личность представляет собой не набор заданных качеств, а способность человека быть личностью, то есть проявлять свои отношения к миру и самому себе. Исходным пунктом концепции является представление о личности как о цели и факторе образовательного процесса, об особой природе и механизмах формирования личностного опыта в процессе обучения. Определяющим замыслом этой концепции является не формирование личности с заданными свойствами, а создание условий для полноценного проявления и развития личностных функций субъектов образовательного

процесса. Образование достигает своей цели, если создает ситуацию востребованности личности, сил ее саморазвития. Главным условием реализации личностных способностей в образовательном процессе В.В.Сериков считает создание личностно ориентированной ситуации, в которой потребуется проявление личностных функций, т.е. обучаемый попадает в ситуацию, когда необходим **поиск смысла**, размышления о себе, создать модель своей жизнедеятельности, выбрать творческий вариант решения проблемы, дать критическую оценку и т.д. В таких условиях возникает ситуация, в которой появляется проблема, решить которую на знаниево-репродуктивном уровне невозможно. Это означает, что не существует четких правил, по которым необходимо действовать, нет однозначных истин, простых решений. Обнаруживается неэффективность и неадекватность ориентировки на привычный смысл. Происходит процесс, который психологи называют «ревизия смысла», когда обучаемый самостоятельно выявляет проблему, противоречие, выражает обоснованное несогласие с какими-либо утверждениями, находит причину собственной ошибки, пытается дать собственное толкование явления и т.д. Таким образом, происходит формирование субъективного опыта, различные виды которого составляют содержание личностно ориентированного образования.

Каждая из этих трактовок подразумевает построение определенной модели педагогической деятельности, поэтому личностный подход является **полипарадигмальным**, по выражению В.В.Серикова. Именно поэтому необходима методология, ориентированная на полипарадигмальное видение проблемы, на многомерное пространство идей личностно ориентированного образования. Полипарадигмальность не отрицает создания конкретных концепций образования, разрабатывающих те или иные аспекты данной проблемы.

Литература

1. Миронова Н.И. Три парадигмы мышления – три подхода к государству – три культуры управления [Текст] // Материалы Первой международной научно-практической конференции «Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления» [Текст] // Под общей редакцией проф. В.Л.Романова. – М.: Проспект, 2004. Том 2, часть 2.- С.203-214.
2. Лозовский В.Н., Лозовский- С.В. Концепции современного естествознания: Учебное пособие. 2-е изд., испр. – СПб.: Изд-во «Лань», 2006. – 224 с.
3. Тюмасева З.И., Богданов Е.Н., Щербак Н.П. Словарь-справочник современного общего образования: акмеологические, валеологические и экологические тайны. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
4. Педагогический энциклопедический словарь. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 527 с.

5. Кульневич С.В. Фантомы и реалии становления синергетического мировоззрения в педагогике: Тезисы конференции «Психолого-педагогические чтения юга России». – Майкоп, 2000.
6. Кун Т. Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 365 с.
7. Богуславский, М.В., Корнетов, Г.Б. О педагогических парадигмах [Текст] // Магистр. 1992, № 5. — С.16 - 17.
8. Пилиповский В.Я. Традиционолистско-консервативная парадигма в теории обучения на Западе [Текст] // Педагогика, 1992, № 9-10.- С.106-113.
9. Колесникова И. А. Педагогическое проектирование: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / И.А.Колесникова, М.П.Горчакова-Сибирская; Под ред. И.А. Колесниковой
10. Сериков В.В. Личностно ориентированное образование: к разработке дидактической концепции // Педагогика. 1994. №5.- С.16-21.
11. Лызь Н.А. Развитие безопасной личности в образовательном процессе вуза: Монография / Под ред. А.В.Непомнящего. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. – 305 с.
12. Якиманская И.С. Личностно ориентированное обучение в современной школе. -М: Сентябрь, 1996. -96с.

[1]Шукевич Л.В., [2]Зданевич А.А., Заровский В.А., Жидков А.В.
[1]доцент, канд. пед. наук, [2]доцент, канд. пед. наук,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
Брест, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ХОККЕИСТОВ ГРУПП СПОРТИВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Актуальность. Хоккей с шайбой – коллективная игра, представляющая собой определенную форму спортивной борьбы в рамках действующих правил [2].

Основой для роста спортивного мастерства является достижение высокого уровня физической подготовленности спортсменов. Физическая подготовка в хоккее – это процесс воспитания двигательных способностей и поддержание их на уровне, обеспечивающем высокую эффективность игровых действий [1].

Характерной особенностью хоккея в отличие от других спортивных игр является то, что процесс выполнения игровой деятельности осуществляется хоккеистами в движении на коньках. Поэтому умение

хоккеиста быстро и рационально маневрировать на коньках является основной базой мастерства хоккеиста.

Целью исследования является – определение особенностей показателей общей и специальной физической подготовленности хоккеистов на этапах спортивного совершенствования.

Материалы и методы. Базой эксперимента являлась ДЮСШ по хоккею с шайбой и фигурному катанию г. Бреста. В исследовании приняли участие хоккеисты групп спортивного совершенствования – 2, 3 годов обучения (16–17 лет), с наполняемостью в группах по 10 человек.

Для оценки уровня общей и специальной физической подготовленности хоккеистов применялись контрольные испытания, используемые в практике [2].

В учебно-тренировочном процессе на этапе спортивного совершенствования продолжается уделяться очень большое внимание как общей, так и специальной подготовке игроков.

Результаты исследования и их обсуждение. В таблице 1 размещены показатели общей физической подготовленности хоккеистов групп спортивного совершенствования (СПС–2 и СПС–3). Полученные результаты свидетельствуют, что, несмотря на достаточное внимание общей физической подготовке, отмечаются невысокие темпы прироста показателей развития физических способностей хоккеистов. Улучшается статистически достоверно лишь скоростная выносливость (бег на 300 м).

Ю.В. Никонов [2] отмечает, что тренировка по специальной физической подготовке – это, прежде всего, процесс адаптации к специфическим условиям игровой деятельности хоккеиста.

Мышечная работа (она составляет основу спортивной деятельности) оказывает не только тренирующее воздействие на двигательные навыки и двигательные способности, но и всесторонне влияет на организм, вызывая в нем биохимические, морфологические и функциональные изменения.

Проанализируем темпы изменения показателей, которые происходили в специальной физической подготовленности хоккеистов на этапе спортивного совершенствования (таблица 2).

Следует отметить, что достаточно высокий прирост показателей наблюдается в беге на коньках 36 м лицом вперед и спиной вперед, а также в беге на коньках 1 круг влево. В этих показателях отмечены статистически достоверные различия, подтверждающие достаточно высокие темпы прироста, изучаемых показателей.

Таблица 1 – Достоверность различий между показателями общей физической подготовленности хоккеистов групп спортивного совершенствования

Показатели	СПС-2 16 лет		СПС-3 17 лет		Статистические параметры					
	$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ	t	p	t	p	t	p
	2		3		1–2		1–3		2–3	
Бег на 30 м, с	4,41	0,28	4,43	0,34	0,580	>0,05	0,376	>0,05	0,157	>0,05
Бег на 60 м, с	8,30	0,48	8,38	0,47	0,544	>0,05	0,184	>0,05	0,412	>0,05
Бег на 300 м, с	44,1	0,63	44,9	0,65	5,173	<0,05	1,079	>0,05	3,061	<0,05
Отжимания в упоре лежа, кол-во раз	52,3	2,5	54,0	2,8	1,499	>0,05	3,005	<0,05	1,568	>0,05
Комплексный тест на ловкость, с	16,3	0,53	16,5	0,48	0,466	>0,05	0,489	>0,05	0,968	>0,05
Прыжок в длину с места, см	234,0	7,35	235,0	8,15	2,831	<0,05	2,996	<0,05	0,315	>0,05
Поднимание туловища за 45 с, кол-во раз	44,2	2,3	44,4	2,1	0,099	>0,05	0,310	>0,05	0,222	>0,05

Таблица 2 – Достоверность различий между показателями специальной физической подготовленности хоккеистов групп спортивного совершенствования

Показатели	ГСС-2 16 лет		ГСС-3 17 лет		Статистические параметры					
	$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ	t	p	t	p	t	p
	2		3		1–2		1–3		2–3	
«Малый слалом» с шайбой, с	23,6	0,48	23,2	0,51	6,782	<0,01	8,105	<0,01	0,571	>0,05
«Малый слалом» без шайбы, с	23,0	0,52	22,9	0,54	5,087	<0,01	5,536	<0,01	0,533	>0,05
«Слалом», с	43,5	1,31	42,8	0,66	0,211	>0,05	2,562	<0,05	1,908	>0,05
Бег на коньках 36 м лицом вперед, с	5,2	0,21	5,0	0,28	1,169	>0,05	1,028	>0,05	2,285	<0,05
Бег на коньках 36 м спиной вперед, с	6,3	0,24	6,1	0,22	1,154	>0,05	3,634	<0,05	2,457	<0,05
Бег на коньках 1 круг влево, с	16,8	0,27	16,5	0,36	1,407	>0,05	3,246	<0,05	2,666	<0,05
Бег на коньках 1 круг вправо, с	16,7	0,38	16,5	0,40	1,182	>0,05	2,324	<0,05	1,449	>0,05

Заключение. Таким образом, анализ темпов прироста показателей общей физической подготовленности хоккеистов групп спортивного совершенствования, в частности скоростных способностей (на примере бега на 30 м и 60 м) свидетельствует о незначительном их улучшении.

Следует констатировать, что темпы прироста показателей специальной физической подготовленности, в частности в беге на коньках 36 м лицом вперед и спиной вперед, а также в показателях бега на коньках 1 круг влево статистически значимы. В других показателях отмечены не достоверные темпы прироста.

Литература

1. Букатин, А. Ю. Юный хоккеист : пособие для тренеров / А. Ю. Букатин, В. М. Колузганов. – М. : Физкультура и спорт, 1986. – 208 с.
2. Никонов, Ю. В. Подготовка юных хоккеистов : учеб. пособие / Ю. В. Никонов. – Минск, Асар, 2008. – 320 с.

SECTION XVIII. Art Criticism (Искусствоведение)

УДК74.

Анастасия Витальевна Варивончик
Кандидат искусствоведения, доцент
Киевского Университета имени Бориса Гринченко
г. Киев, Украина. E-mail:varivonchik@ukr.net

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ УКРАИНЫ

Аннотация: Статья посвящена малоизученной проблеме в отечественной науке, связанной с функционированием традиционных народных искусств, а именно в художественной деревообработке. Анализируется историческое развитие художественной промышленности, которая работала с изготовлением изделий декоративной резьбой.

Ключевые слова: сницарство, резчик, мастер, традиции, династии, художественная промышленность.

Anastasya Varyvonchyk
PhD, associate Professor of Kyiv University named after Boris Grinchenko.
Ukraine, Kiev. E-mail:varivonchik@ukr.net

WOODCARVING IN THE CONTEXT OF THE ARTS AND CRAFTS OF UKRAINE

Abstract: The article is devoted to the insufficiently studied problem in science is associated with the functioning of the traditional folk arts, namely artistic woodworking. Examines the historical development of the art industry who worked with the manufacturing of products with decorative carvings.
Keywords: sicartsa, carver, master, traditions, dynasty, art industry.

Традиционное народное искусство в целом и его различные отрасли, виды и разновидности в частности существует значительный корпус научных исследований. Так, об искусстве вышивания писали Л. Кравчук (1969.), М. Новицка (1972.), Т. Кара-Васильева (1993, 2000.). Вышивание во всех его разновидностях – как распространенный вид народного творчества – тщательно проанализировала Г. Захарчук-Чугай (1988) и др., Е. Причепий (2009.) и др. Подобно обстоит дело и относительно такого вида народного искусства, как домашнее ткачество. Его исследовали С. Колос (1928.), Н. Лебедева (1956.), С. Сидорович (1979), А. Карась (2013.). Многовековые исторические и технологические традиции украинского ковроткачества изучали: Д. Щербаковский (1927.), С. Таранущенко (1968.), А. Жук (1973), Я. Запаско (1973.), Т. Кара-Васильева (1997.), А. Данченко (1982.) и др. Деревообработку на Украине исследовали: Н. Селивачов (1985), Является. Антонович, Г.Захарчук-Чугай, Н. Станкевич (1992), Е. Шевченко (1997), Н. Селівачов (2002). Гончарство и керамику исследовали: А. Арциховский (1947), А. Августиник (1957); П. Будников (1962);. Кинджери (1967); Н. Воронов (1973), О. Голубец (1984, 1991), В. Петрашенко (1992), А. Пошивайло (1993.), В. Качкан (1994), Ю. Лащук (1998), И. Пошивайло (2000), В. Мещанин (2006). Искусство декоративной росписи исследовали: Велигоцкая Н. (1938), Бы. Бутник-Северский (1977), Я. Яценко, В. Соловьев (1982), В. Свенціцька, В. Откович (1991), Т. Голяк (1999), Л.Білякова (2000), Т. Кара-Васильева, С. Чегусова (2005), Об искусстве Фарфора-фаянса писали: Б. Бутник-Северский (1972), Кара-Васильєва Т. (1984), Школьная А. (2011). Издания и публикации о гутное стекло осуществили: Ф. Петрякова (1975), Й.Ящишин, Т. Жеплинский, С.Дяківський (2004).

В этих и других публикациях по данной тематике говорится о содержании, особенности образной структуры, о мастерстве умельцев, о традиции, в том числе и семье, и тому подобное. Но мало кто из авторов, – даже тех, в названиях работ которых содержится термин «промысел», – обращает внимание именно на производственный, промышленный аспект народного творчества, хотя упомянутые, как и другие, не названные здесь,

традиционные народные искусства издавна называются художественными промыслами. Этим и обусловлен выбор темы диссертационного исследования: художественные промыслы Украины.

Цель же данной статьи – осветить обстоятельства возникновения и проследить историческую эволюцию уникального украинского художественного промысла, известного как декоративная резьба по дереву.

Деревообработка на территории Украины, – покрытые лесами карпатские горы, полесье, лесостепь, - издревле имела естественное жизненно важное значение. Прежде всего – в области домостроения. Из летописи мы узнаем о том, что Князь Владимир на выполнение христианского завета «повеле рубить церкви и поставлять по местом, идеже стояху кумиры". (Ссылка). Из этой формулы «повелє рубить» ясно, домостроение было на Руси обычным делом. А с констатации факта выполнения «древодєлами» этого повеления – "И осанки церковь святого Василья на холме, идеже стояше кумир Перун и прочие" – следует, что киевские древодели» были мастерами не только домостроения, но и умелыми скульпторами. Действительно, летописец называет скульптуры «кумиров» (Перуна «и прочим») по именам – Хорос, Велес, Мокош, – но не по именам различали их набожные русичи, а за их видом – осанкой, фигурой, одеждой, выражением лицом и тому подобное. А это является косвенным свидетельством длительного существования искусства «кумиродєлія», то есть художественной резьбы древесины. Причем это искусство было автохтонным – как естественное художественное порождение язычества, присущего ему «многобозства». О том, что это искусство не могло в принципе быть заимствованным, свидетельствует как раз борьба христианства с «кумироделием» как проявлением идолопоклонства [1]. Письменные сведения свидетельствуют о существовании определенных форм производственной организации деревообработчиков уже в XI ст. на Руси существовали артели «огородника» и «дереводелов». Организации имели юридических представителей «старейшин». Первый известным древнерусским зодчим был «старейшина огородников» Николай Ждан, который в начале XI века. со своей артелью строил деревянный храм в Вышгороде[8].

За период Киевской Руси изготовление деревянных изделий и строительства сооружений достигли высокого уровня. На Киевском Подоле был найден деревянный город, который пролежал под землей 1000 лет. Среди деревянных изделий X-XI вв. встречаются резьба: наличники, бочки, ковши, точеные миски, ложки, саневі полозья, риболовецьки поплавки, сети и др. При раскопках усадьбы на Контрактовой площади в срубах и вокруг них также найдены в большом количестве изделия из дерева [8].

Архитектура древних городов, орудия производства, средства труда, домашняя утварь, оружие, снаряжение, вещи ежедневного обихода, найдены и в других местностях, свидетельствуют о высоком уровне

развития ремесла в Киевской Руси. Этим самым были созданы условия для появления художественных промыслов в различных регионах древней Руси.

В Галичине деревообробатываемое ремесло развивалось в столицах удельных княжеств, административных и военных центрах, религиозных ячейках в Перемышле на Тернопольщине в Теребовле и др. Интенсивная ремесленическая, в том числе и художественно-промышленная деятельность была характерной для Галича, где активно развивалось деревянное и каменное строительство, декоративная резьба камня, практика декорирования сооружений архитектурной керамикой, цветным стеклом [5].

Начиная с XIV в., происходит постепенное возрождение опустошенных татаро-монгольским нашествием городов и сел, восстановление центров художественных промыслов. Ведущего значения в деле сохранения и развития художественных традиций приобретает деятельность строителей, ремесленников и художников. Наряду с традиционными видами деревообработки – столярному, плотничеству, бондарству, ложкарству и т.д. – развивается резьба иконостасов, появление которых стало свидетельством отличия древнерусского храмостроительства от исходного византийского[8].

На рубеже XIV - XV вв. в украинских городах возникают первые цеховые организации, которые приобретают мощнейшего развития в XVI ст. Цеха объединяли бочаров, строителей, плотников и сницарей — мастеров художественной резьбы по дереву и чеканки по металлу. Цехи объединялись в братства, играя большую роль в политической, культурной и социальной жизни населения Украины. Часто в цех объединялись не только ремесленники, жившие в данной местности, но и мастера его сельской округи. Народными мастерами был накоплен большой опыт сооружения различных зданий.

Как свидетельствуют исторические источники, в XVII ст.мастера изготавливали и гравюры: как деревянные, так и металлические. Отпечатки, получаемые с «досок» (так именуются и металлические печатные формы), использовали для тиражирования изображения. Гравюра на территории Украины служила не только для украшения текста печатных книг. Она выпускалась в свет также в виде отдельных картинок, листков, тетрадей. Первые известные издания гравюр на дереве (ксилографий) в виде отдельных листков вышли в свет из типографии Киево-Печерской Лавры в 1626-1627 г. [4]. Самый распространенный вид произведений, предназначенных для широких кругов, - это гравюры которые служили для украшения стен и были дешевле рисованных икон. В Печерской типографии рядом с книгами печатались также «рисунки на больших листах – виды краев, образы святых, научные исследования и др.»[4]. Можно предположить, что Печерская типография начала выпускать такие образы святых уже 1620 г., вместе с описанными выше гравированными листами, но они не дошли до нашего времени. Из датированных гравюр,

которые можно приписать Печерской типографии, сохранился дереворез с датой 1661 г., на котором отражены четыре разные отображения святых. Сохранились также деревянные доски ксилографий Печерской типографии с более позднего времени, начиная с 1721 г. Это гравюры ин-фолио, изображающие различных святых [4].

В XVII – XVIII вв. в Украине, наблюдался культурный и экономический подъем. Начинают возрождаться города – Полтава, Переяслав, Пирятин, Лубны, возникают новые. Расширяется строительство жилья, светских и культурных сооружений. Деревообрабатывающее искусство этих времен сохраняло национальные формы, народные традиции, обогащались новыми мотивами, которые возникали на почве древнерусского искусства и ремесла которые передавались в течение многих веков в народной деревообработке [8].

В XX ст. искусство художественной обработки дерева претерпевало изменения двигаясь в контексте тех исторических, политических, социальных и художественно-стилевых тенденций, которые определяли это века. Первые десятилетия резьба по дереву формировалось путем индивидуального народного творчества, прежде всего для удовлетворения собственных потребностей, а также в рамках производства, сохраняя традиционные формы, ассортимент, технические приемы и способы декорирования. Унаследованные от предыдущих мастеров ремесленные навыки и эстетические предпочтения олицетворяли художественные традиции, распространенные в определенной местности. На развитие резьбы и создания конкурентно способных организаций, которые бы обслуживали свою продукцию как можно более широкие территории и социальные круги, влияли экологические и демографические процессы [3].

Основными районами распространения резьбы были территории Киевщины, Полтавщины, Черниговщины, Волыни и горных районов Карпат. Следуя традиции, мастера этих регионов использовали и развивали распространены в определенной местности своеобразные технико-художественные приемы [3].

В местностях, где издавна получила распространение художественная обработка дерева, в конце XIX – начале XX века начали возникать учебные столярные-резчики и деревообрабатывающие школы, ремесленные училища. Эти небольшие кустарные предприятия, которые появлялись благодаря активной подвижнический деятельности передовых общественных и культурных деятелей, стали прообразом развитой сети народных художественных промыслов XX века.

Полтавское земство в тогдашней Российской империи занимало ведущее место и было самым активным. Его ежегодные расходы на развитие местных кустарных промыслов в течение 1899 – 1908 годов составляли 154 300 руб. Деятельность земства была направлена на осуществление среди населения профессионального образования и организацию показательных мастерских.

По инициативе Полтавского земства 18 октября 1901 года состоялся съезд украинских художников и заведующих кустарными мастерскими на Полтавщине, целью которого было разработать меры по оказанию помощи мастерским, профессиональным школам и ремесленникам. В работе съезда принимали участие известные художники: С. Васильковький, П. Мартынович, А. Сластион, архитекторы. Кричевский, А.Шишов. Среди прочего, съезд принял решение об издании альбома образцов украинского орнамента в различных областях искусств, предназначенных прежде всего для мастеров художественных промыслов. Губернским земством Полтавы было выдано серию таких альбомов, среди них два выпуска, посвященные деревообработке и резьбе [8].

По завершению съезда кустарные общества Киевщины, создают группы энтузиастов во главе с директором Киевского Художественного музея Николаем Федоровичем Биляшивским (1867-1926). Усилия членов созданного Общества были направлены на развитие художественных промыслов в Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерниях. Благодаря деятельности Н.Ф. Биляшивского было открыто многочисленные очаги, среди которых упоминается в отчетах и деревообрабатывающая мастерская в селе Бандурове Чигиринского уезда Киевской губернии. Результатом работы Общества стала Первая песенно русская кустарная выставка (такое название она получила в силу тогдашних обстоятельств) которая была открыта в 1906 году на выставке экспонировалось 5 тысяч изделий кустарных предприятий и 6 тысяч произведений народного искусства, среди которых было немало предметов из дерева из разных регионов Украины, украшенных резьбой и росписью. На Второй Южнорусской кустарной выставке 1909 года мастера резьбы по дереву получили серебряные медали. В 1910 году На Южнорусской областной сельскохозяйственной «промышленной и кустарной выставке был представлен «отдел кустарей»» Полтавского земства в состав которого входили работы ремесленного училища, Миргородской художественно-промышленной школы им. М. В. Гоголя до которого входило 27-ем мастеров. В 1913 году в Петербурге на Всероссийской выставке кустарей наградами были отмечены полтавских резчиков. П. Юхименко, Г. Кулько, Т.Хоменко, П. Комашко; бронзовые – В. Тыква и другие, которые получили Малые серебряные медали [8].

Начало XX века отмечалось первыми большим резблярскими мастерскими которые было открыто в Полтаве, Зенькове, Кобелянах, Кременчуге, Миргороде и Переяслове. В 1911 году земство организовало образцовую столярно-резбляськую мастерскую в Полтаве, где изготавливали мебель в украинском стиле, отмеченном влиянием модерна [8].

Резьба по дереву в составе выставки художественных изделий организовывал «Украинкустарсоюз» в 1922-ом году которая представлялась в Амстердаме, Гамбурге, Лондоне, Берлине и Праге. По отзывам чешской

прессы, украинской павильон был «золотым гвоздем» всей выставки. Где было представлено 1520-ть художно-промышленных изделий 418 были исполнении из дерева.

В 1923 году состоялась выставка художественной промышленности в Москве, где Украина получила 36 дипломов. За изделия из дерева награды получили Переясловская художественно-промышленная школа и Великобудущанская столярно-резьблярська учебно-показательная мастерская [8].

На территории Украины в конце 1920 годов начали активно развиваться предприятия народной художественной промышленности (артели, фабрики).

В 1928-1933 годах при Полтавском техникуме промышленной кооперации функционировало отделение художественной обработки дерева. В это время на деревообрабатывающей фабрике в Полтаве начал работу цех резьбы. Самой известной среди специализированных артелей была полтавская «Спорт и культура», основанная в 1930 году. На то время она была единственным в Украине и вторым в СССР (после Москвы) специализированным предприятием.

В Киевском музее украинского искусства с 1935 года действовали экспериментальные мастерские, которые привлекли к творческой работе профессиональных художников и народных мастеров. Результатом их творческого сотрудничества стали экспонаты Первой республиканской выставки украинского народного искусства (1936 г.), которую впоследствии демонстрировали в Москве и Ленинграде [8].

В 1935 году здесь работало 220 мастеров и учеников, которые изготавливали письменные принадлежности, чернильницы, пепельницы, шахматы, мебель, зеркала, туалетные столики и пудреницы, декорированные геометрическим и растительным орнаментом, в котором прослеживаются черты стиля модерн [8].

В конце 1930-х годов в центральных и восточных областях было создано около ста художественно-промышленных артелей.

Расцвет резьба по дереву на Полтавщине связывают с именами отца й сына Юхименко Федота и Прокопа (1870-1931) из с. Великие Будища, Я. Халабудного (1897-1946) из с. Жуки, Якова Усика (1872-1961) из Миргорода и В. Тыквы из Полтавы.

На Киевщине художественная обработка дерева как индивидуальное народное творчество была распространена в Звенигородском, Богуславском, Радомышльском, Чернобыльском и Ржищевском уездах [6].

Художественная резьба по дереву на территории Западной Украины в первой трети XX века развивалось в русле уже сложившихся в предыдущем веке художественно-стилевых особенностей. В отличие от центральных и восточных регионов, где в это время был активным давление на искусство большевистско-коммунистической идеологии, на этих землях декорировании изделий из дерева продолжали использовать традиционную

орнаментальную резьбу. Художественная обработка дерева на Львовщине, Ивано-Франковщине, Тернопольщине и Черновецкой, Закарпатских областях была чрезвычайно распространенной. Этому способствовало наличие значительных лесных насаждений с разнообразием видов древесины [6].

На территории Гуцульщины, которая охватывала горные районы Прикарпатья, Закарпатья и частично Буковину, ведущими центрами резьбы по дереву стали города Львов, Косов, а также села Яворов, Река и Брустуров. Здесь были распространены различные техники декорирования изделий из дерева: чистая (или сухая) резьба, инкрустация, интарсия, выжигание. Стилистика гуцульской резьбы, начатая во второй половине XIX века, окончательно определялась уже в XX веке [6].

В очагах художественной деревообробки зарождались художественные учебные заведения соответствующего направления. Один из старейших заведений такого типа – Львовская Школа декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов (возникла во второй половине XIX ст.), прямыми наследниками которой является нынешнее Львовское училище прикладного искусства им. И. Труша и Институт прикладного и декоративного искусства (Львовская национальная академия искусств). С историей этой школы тесно связана художественная жизнь на западно-украинских землях и творческие биографии многих широко известных украинских художников и искусствоведов. Среди них – Т. Романчук, Г. Кузневич, А. Курилас, А. Кульчицкая, А. Монастырский, И. Север, Р. Сельский, А. Лещинский, В. Монастырский, С. Дзиндра, Я. Чайка, М. Кнут, С. Караффа-Корбут, С. Коропчак, А. Жук, В. Одрехивский, Е. Миссько, В. Посох и много других, которые в разные времена во Львовской художественной школе начинали свою творческую жизнь [6].

Возникновение художественной школы во Львове тесно связано с созданием Львовского музея художественных промыслов. С первым годом своего существования (открыт в июне 1874 года) этот музей стал способствовать развитию художественных промыслов и декоративного искусства и выполнял роль учебного заведения. После ходатайства и натиска общественности министерство образования 18 декабря 1876 года дало разрешение на учреждение при музее Обще промышленной школы рисования и моделирования, двери которого впервые открылись 24 апреля 1877 года. По своему статусу школа ставила себе целью искоренять господствующий дилетантизм и космополитизм в декоративно-прикладном искусстве, а вместо этого развивать местные традиции, готовить специалистов соответствующих специальностей, давать возможность ремесленникам разных профессий учиться художественной грамоте и приобретать необходимые навыки к требованиям производства [6].

Со временем, в 1882 году, когда в школе открылись отделения столярному, токарства и сницарства (резьбы по дереву) с четырехлетним дневным обучением, заведение стало называться «Школой артистического

промысла» (В 1890 году переименована в Государственную артистично-промышленную школу) В этом заведении, кроме, изобразительной грамоты и практики по специальности, изучали основы композиции, технологию древесины, стили и архитектурные формы, каллиграфию и шрифты, промышленные счета и другие.

Именно эта Львовская Государственная артистично-промышленная школа постепенно стала занимать заметное место в хозяйственной и культурной жизни Львова и всей Галичины. О ее развитии и профессиональном уровене подготовки учащихся свидетельствовали ежегодные выставки работ в стенах заведения и успехи школы на выставках в Вене в 1880 и 1889 годах, на краевой выставке во Львове в 1894 г., на выставке в Кракове в 1904 году, в Праге в 1912 году и других.

Львовская Государственная артистично-промышленная школа не была тогда в Галичине единственным учебным заведением такого типа. В конце XIX века значительно возрос интерес к народным промыслам и искусству. С целью их развития в городах, городках и даже в селах было создано целый ряд различных художественно-промышленных учебных заведений. В зависимости от их подчинения, источников финансирования и различных форм организации обучения они назывались краевыми, государственными, городскими, профессиональными и промышленными дополняя школы, а также показательными учебно-производственными мастерскими. Создавались они в той местности, где издревле были развиты всевозможные ремесла и народные промыслы. Так в Коломые была основана школа деревянного промысла (1894 г.), в Станиславе – столярная школа (1884 г.) с отделами токарства и сницарства, в Дрогобыче – дополняющая промышленная школа (1884 г.), где, кроме художественной обработки дерева, изучали и горное дело [6].

Для развития украинского искусства и воспитание творческой молодежи по инициативе И. Труша были созданы «Общество для расцвета русской штуки» (1898) и «Общество сторонников украинской литературы, науки и искусства» (1905), которые стали центрами художественной жизни, прививали молодежи любовь к родному краю, к его истории, культуре и искусству. К этой работе присоединилось созданное во Львове общество «Украинская ремесленно-промышленная бурса» (1898 – 1939), которой была поставлена цель заниматься ремесленной молодежью и помогать способным ученикам в получении образования и специальности. В 1940 году «Украинская ремесленно-промышленная бурса» была переименована на Львовское государственное художественно-промышленное училище. В 1946 году на базе училища создан Львовский государственный институт прикладного и декоративного искусства [6].

Расцвет в гуцульской резьбе связан с именем выдающегося резчика Ю.Шкрибляка (1822 – 1884) из с. Яворов, который имел мощный толчок традиции яворивской школы. Одним из первых, кто вместе с Ю.Шкрибляком усваивали новую на то время технику инкрустацию по

дереву, были М. Мегеденюк (1842 – 1912) из с. Река и В. Девдюк (1873 – 1951), уроженец с. Старый Косов.

Для активного развития искусства художественной резьбы по дереву важное значение имели частные мастерские, артели и учебные заведения. В 1905 году в Черновицкой области городе Вижница было основано Краевую школу резчика и металлической орнаментики под руководством П. Левишевського, которая работала до 1918 года и подготовила более 100 мастеров художественной обработки дерева. На протяжении этих лет в ней преподавали В. Девдюк, В. Шкрибляк и М. Мегеденюк. Изделия учеников школы уже в 1906 году были отмечены наградами на выставке в Будапеште, а на земледельческой выставке в Черновцах (1908) получили золотую медаль. Художественные изделия из дерева этого заведения имели большой успех и на выставках в Париже, Праге и Вене. Ученики которые учились в Вижницикой Краевой школе резьбе по окончании получали. Деревообрабатывающий станок для дальнейшей работы.

Деревообрабатывающий станок (1911г.).
Музей Вижницкий колледж прикладного искусства.

В 1905 году художник В. Розвадовский основал в Каменце-Подольском художественно-промышленную школу с интернатом для деревенских детей. Впоследствии в ней был открыт отдел художественной обработки дерева, где обучали резьбе и инкрустации, перинимая опыт прикарпатских школ (Коломыи, Станиславля). Частные мастерские и учебные заведения открылись в Каменке-Бугской, Яворове, Гримайлове и Коломые. Изделия учеников и их учителей с большим успехом экспонировались на выставках в Стрые (1909), Коломые и Черновцах (1912), где были награждены медалями и дипломами.

1921 года в с. Старый Косов В. Девдюк основал собственную учебную мастерскую с трехлетним обучением для ребят из окрестных сел. В течение 1921 -1939 лет из его школы вышло 45 мастеров, среди них В. Кабин, П. Баранюк и М. Тымкив. В конце 1920-х годов собственные мастерские

открыли П. Баранюк в селе Смодна и М. Тымкив в селе Москалевка (теперь в пределах Косова).

Впоследствии мастера объединились в кооперативы «Гуцульское искусство» и «Гуцульская резьба», на базе которых в 1939 году была создана артель «Гуцульщина». К ней вошло более 100 резчиков сел Косово, Яворова, Реки и Брустурова. Уже с первых лет деятельность артели работы ее мастеров экспонировались на выставках в Киеве и Москве.

У гуцульских мастеров резьбы на протяжении всего XX века определяющей была техника инкрустации. После Ю. Шкрибляка ее совершенствовали его сыновья Василий, Николай и Федор, а также сотни мастеров-резчиков, которые работали в частных мастерских и артелях, а впоследствии на предприятиях народных художественных промыслов Министерства местной промышленности, в творческо-производственных мастерских Художественного фонда УССР [3].

Работы Шкрибляков, Марка Мегеденюка, Василия Девдюка и других мастеров начала XX века. с большим успехом экспонировались на выставках краевого промысла в г. Мисленице (Польша) и хозяйственно-промышленной Косово (обе 1904 г.), на «Выставке украинских артистов», организованной Обществом сторонников украинской литературы и науки в 1905 году во Львове и домашнего промысла в Коломые.

После перерыва, вызванного событиями Второй мировой войны, деревообрабатывающие артели в Косово, Львове, Ужгороде и Черновцах возобновили активную деятельность. Самой мощной была косовская артель «Гуцульщина». В 1947 году здесь работало уже 160 мастеров-резчиков. В 1950 году в нее на правах филиалов вошли артели «30-летие Советской Украины» (с. Река) и артель им. И. Франко (с. Брустуров), созданные в 1948 года. В 1950-х годах изделия гуцульских мастеров с успехом экспонировались на всех юбилейных республиканских и всесоюзных выставках, как на территории СССР, так и за рубежом. В это время на выставках совсем мало было произведений резчиков центральных и восточных областей Украины, а изделия западно-украинских мастеров были представлены наиболее полно.

В 1945 – 1950-х годах продолжали активно работать ведущие мастера: Ю. и С. Корпанюки, М. Кищук, В. Гуз, Я. Тонюк (1903 – 1958), В. Кищук (1904 – 1977), Н. Кищук (1919-1984), М. Тымкив (1909 – 1985), М. Бернацкий (1916 – 1981), Н. Кабин (1919 – 1971), И. Балагурак, М. Девдюк (1904 – 1991), Ю.Баранюк (1925 – 1964), А. Кошак (1917 – 1982), Н. Юсипчук (1920 г.н.), Д. Лучук (1928 г. н.), М. Грепиняк (1933 г. н.) и другие [3]. В произведениях гуцульских мастеров этого периода сугубо орнаментальных композиций стало меньше. Резчики начали вводить тематические рельефные или плоскостные изображения советской символики, юбилейных революционных и государственных дат, портреты партийных вождей и правительственных руководителей.

В первых послевоенных годах начался самый активный этап развития и лемковской резьбы. В 1945 – 1947 годах состоялась депортация населения лемков в УССР, преимущественно на территории Тернопольской, Львовской и Ивано-Франковской областей. Начали возникать очаги резьбы, в них продолжали развитие традиции лемковской мелкой пластики: Львов, Трускавец, Бережаны, Моршин, Подгайцы, Теребовля, Болехов, Одесса, Миргород. Наиболее развитыми были Львов, Трускавец и село Гутиско Тернопольской области. Во Львове благодаря усилиям С. Кищака (1928 г.н.) в 1948 году был организован цех резчиков-надомников при артели им. Леси Украинки, куда мастера сдавали свои изделия и откуда они попадали на выставки и музеи. Мастера создавали анималистические, тематические, жанрово-бытовые скульптуры, плоской резьбой декорировали тарелки, подставки, шкатулки, пепельницы. Здесь работали И. Кищак, В. Кищак (1930 – 1962), Г. Бенч, М. Берналь (1931 г. н.) и другие.

В 1952 году организовано цех резьбы при товариществе «Художник». Там мастера создавали скульптуру малых форм преимущественно идейно-тематического содержания, что не было свойственно лемковським традициям, однако давало возможность попасть работам на республиканские и всесоюзные выставки [3].

Мастера художественной резьбы, что работали на Львовской фабрике им. Леси Украинки, отдавали предпочтение анималистической скульптуре. О том наряду с этим успешно использовалось плоское, рельефное и ажурная резьба, создавались ярко разрисованные деревянные игрушки. Важно, что здесь развивались традиции разных регионов. Так, некоторые районы издавна славились объемной анималистической скульптурой, Яворовщина – сухой резьбой по тонированном дереву, расписной игрушкой и др. Особенно часто изображались косули, олени, медведи, дикие кабаны, а также любимый мастерами горный орел, которой в народном воображении являются символом свободы, смелости, силы. В них чувствуется внимательная наблюдательность мастеров, их умение найти и воссоздать наиболее выразительно, наиболее характерное и в то же время типичное, присущее тем или иным животным, птицам. Экспрессивная манера исполнения, смелые энергичные врезы долота придают фигуре декоративной выразительности. Среди мастеров получило распространение сквозная и ажурная резьба в вещах декоративно-прикладного назначения: декоративных тарелках в виде листьев каштана, клена, гроздьев винограда и др [8]. Изделия производственно-художественного объединения «Гуцульщина» экспонировались на многочисленных международных выставках и ярмарках в Канаде, США, Бельгии, Японии, ГДР, Югославии, Индонезии, Австралии.

В объединении имевшая разветвленную систему филиалов, ручная работа составляла основу промысла. На производствах художественных промыслов были осуществлены первые попытки организации деревообрабатывающих сувенирных цехов и мастерских при лесхозах,

которые относились к системе Министерства лесного хозяйства УССР. Возглавил это направление старший инженер-художник ведомства. Парахин (1939 г. р.). Он организовал сеть производств, которые восстанавливали полузабытую народную традиционную обработку дерева во многих областях Украины. Первыми начали переориентацию Полтавский, Кременчугский, Миргородский и Тетеревский лесхозы, а впоследствии и Клесовский (Ровенская область).

Формировались прогрессивные принципы новой организации труда художественно-промышленного центра: отказ от деления на «творческих» и «исполнительных», стремление к изготовлению предметов прикладного назначения, преодоления эклектики и перегрузки декора. В. Парахин призвал мастеров изучать местные народные традиции и технические приемы резьбы, знакомиться с музейными коллекциями. Он разрабатывал новый ассортимент изделий, организовывал желающих работать в коллективы, стремился заинтересовать их творчеством. [3]. Самым мощным центром был основан в 1960 году цех резьбы народно-бытовых изделий Кременчугского лесхоза, начало деятельности которого связывают с именем талантливого мастера. В. Нагнибиды (1929 – 1985). Много лет он работал в цехе, создав огромное количество безупречных по вкусу и техническим выполнением прикладных и декоративных изделий. Ведущими мастерами цеха кременчугского также были М. Бутенко, П. Кондратенко, В. Лифарь и другие. В 1970-1980-х годах деревообрабатывающие промыслы успешно действовали в Киевской, Полтавской, Черниговской, Ровенской, Волынской, Житомирской и Харьковской областях. Ассортимент изделий которые изготавливали в мастерских и цехах лесхозов, был достаточно широк: ложки, миски, хлебницы, тарелки, мебель, и тому подобное [7].

Последнее десятилетие XX века было отмечено стремительным спадом деятельности народных художественных промыслов. Большинство организаций прекратили свое существование. Это произошло прежде всего вследствии сокращения производства, неудовлетворительного материально-технического снабжения (а следовательно, ограничение творческих возможностей талантливых мастеров), непосильной системы налогообложения, значительному удорожанию платы за энергоносители, отсутствие рынка сбыта и тому подобное. В системе народных художественных промыслов утрачены сотни предприятий, десятки тысяч высокопрофессиональных мастеров. «С этноискусствоведческой карты уже независимой Украины исчезли целые исторические центры народных художественных промыслов – предприятия с уникальным оборудованием, технологическими процессами и высокоодаренными художниками» [3]. Несмотря на это, несмотря на тяжелые условия, мастера декоративно-прикладного искусства по направлению резьбы по дереву продолжают работать на территории Украины. Об этом свидетельствует творческие работы мастеров которые преподают в учебных заведениях, принимают

участие в региональных, Всеукраинских и международных выставках и т.д. В числе таких ярких современных мастеров художественной резьбы по дереву на территории Гуцульщины является Николай Стрынадюк, Мирослав Радыш на Буковине Владимир Запорожец. Каждый из них имеет свой особый «почерк», а все вместе плодотворно, ярко и талантливо продолжают и обогащают традиции отечественного народного искусства.

М. Радиш с собственной работой "Церковь". Украина, г.Трускавец.

М. Стрынадюк с собственными работами. Декоративный пласт «Вышивка по дереву». Сухая резьба, вышивка, инкрустация бисером.

В. Запорожец с собственной работой Подарочный набор «Тайстра» груша, столярное, токарства, инкрустация металлом, бисером, плоская резьба.

Литература

1. Безклубенко С.Д. Украинская культура: взгляд сквозь века. «Искупительная жертва» / С. Безклубенко –Ужгород: Карпаты, 2006, с.69-70.
2.Дроган Н. Украинская декоративная резьба XVI – XVIII ст. / Михаил Дроган .–К. Научная мысль. 1970. – 200с.
3.История декоративного искусства Украины: В 5 т. Т.4 [глав. Ред.И-90 Г. Скрипник]; НАН Украины, ИИФЭ им. М.Т. Рыльского. – К., 2011. – 195-218с.: иллюстр.; – 363 с.
4. Крипякевич И., Луцик Г., Максименко Ф. Украинское искусствоведение «Народные гравюры» XVII века. / И Крипякевич, Г Луцик, Ф. Максименко. К.: Наукова думка, 1971. С. 143-150.
5. Михайлова Г. Художественная культура Галицко-Волынской Руси / Г. Михайлова. - К. : Слово, 2007. – 490 с.
6. Максисько Т. Украинское искусствоведение «Народные гравюры» XVII века. / Т. Максисько. К.: Наукова думка, 1971. С.111-121
7. Киселева Н. Художественные промыслы Украины. Искусство, - К. 254с.
8. Шевченко Е. Народная деревообработка в Украине: Словарь народной терминологии / Евгений Шевченко. – К: Артания, 1997. – 312 с.

Ваградян Э.А.
Студенка 3-го курса бакалавриата кафедры «Психология»
Научный руководитель: Берберян А.С.
Доктор психол. наук, профессор, зав. кафедрой «Психология»
ГОУ ВПО Российско-Армянский (Славянский) университет

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Актуальность работы заключается в изучении психоэмоциональных и гендерных особенностей учащихся старших классов в экзаменационный период.

Целью исследования является выявление психоэмоциональных и гендерных особенностей старшеклассников в экзаменационный период.

Задачами исследования являются: 1) теоретический анализ исследований и научной литературы по изучению старшего школьного возраста и особенностей психоэмоциональных переживаний старшеклассников в экзаменационный период, 2) практическое исследование воздействия гендерных особенностей старшеклассников на специфику психоэмоциональных состояний в экзаменационный период, 3) интерпретация полученных в ходе эмпирического исследования данных.

Экзаменационный период является важным стрессогенным событием в жизни старшеклассника. Данный жизненный стресс усиливается также осознанием со стороны старшеклассников того факта, что они вплотную подходят к стадии смены жизненного цикла – перехода от школьного обучения к обучению в ВУЗе. Помимо этого, осознание старшеклассником ответственности за тот или иной способ преодоления экзаменационного периода оказывает сильнейшее воздействие на особенности его психоэмоционального состояния в данное время.

Предэкзаменационная тревога может проявляться на различных системных уровнях: эндокринном, висцеральном, психологическом, что находит свое отражение в концепции Каплан Г. и Сэдок Б. (1998), [3]. Согласно их концепции, на первом уровне тревоги человек может еще не осознавать ее, однако организм уже реагирует перестройкой метаболизма. На втором уровне появляются разнообразные психосоматические реакции, которые можно подразделить на вегетативные проявления тревоги и реакции соматической мускулатуры. Согласно предположению Г. Каплан и Б. Сэдок, на первых двух стадиях тревоги человек осознает только физиологические ощущения, которые сопровождаются чувством смутной «внутренней напряженности», пониманием, что «что-то происходит». Лишь на третьей стадии наступает осознание самого факта тревоги.

Следует отметить, что традиционно принято выделять два типа тревожности: личностную (тревожность как более или менее устойчивая черту личности) и ситуативную (тревожность как реакция индивидуума на угрожающую ситуацию). Для выявления уровня личностной и ситуативной тревожности C. Spielberger (1972) создал два опросника, обозначив один вид тревожности как «Т-свойство» (личностная тревожность), а второй - как «Т-состояние» (ситуативная тревожность). Как правило, показатели личностной и ситуативной тревожности коррелируют между собой: у людей с высокими показателями личностной тревожности ситуативная тревожность в аналогичных условиях проявляется в большей степени.

Важно также при исследовании проявлений ситуативной тревожности учитывать также личностные особенности исследуемых, в частности, это касается уровня стрессоустойчивости.

Стрессоустойчивость представляет собой совокупность личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки (перегрузки), обусловленные особенностями профессиональной деятельности, без особых вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья [4].

Таким образом, в нашем исследовании мы решили сопоставить особенности проявлений ситуативной тревожности старшеклассников с уровнем стрессоустойчивости с учетом гендерных особенностей респондентов.

Мы провели исследование в школах №109 им. Ломоносова и №114 в городе Ереван, Армения. В исследовании приняли участие 50 респондентов - учащиеся 12-го класса, - среди которых 25 юношей и 25 девушек.

Гипотезой исследования является предположение о том, что: 1) Существует взаимосвязь между уровнем стрессоустойчивости и показателями реактивной и личностной тревожности 2) Существуют гендерные различия в проявлении личностной и ситуативной тревожности старшеклассников.

Методы исследования: тестирование и наблюдение. Методиками исследования являются: 1) Шкала реактивной и личностной тревожности (опросник Спилбергера Ч., адаптация Ханина Ю.Л.), 2) Тест на «Маскулинность-феминность» Сандры Бем, 3) Методика определения стрессоустойчивости Холмса Т. и Раге Р.

Согласно результатам шкалы реактивной и личностной тревожности Спилберга наибольшее количество респондентов обладало средним уровнем личностной тревожности - 42 исследуемых из 50 (84%). Однако показатели ситуативной, или реактивной тревожности среди респондентов различались: большинство исследуемых обладало повышенной ситуативной тревожностью – 32 респондентов из 50 (64%), 13 респондентов – умеренной (26%) и 5 респондентов – пониженной (10%).

Большинством среди респондентов с повышенным уровнем ситуативной тревожности оказались девушки – 21 исследуемый из 32 (≈86%).

Помимо этого, была получена положительная корреляция между показателями ситуативной тревожности среди девушек-старшеклассниц и показателем стрессоустойчивости, полученного с помощью методики определения стрессоустойчивости Холмса Т. и Раге Р. Показатель корреляции составил 0,69433217, что свидетельствует о среднем положительном уровне корреляции.

Результаты проведенного нами исследования отражены в диаграмме 1.

Диаграмма 1. Результаты исследования уровня стьуативной тревожности во взаимосвязи с поазателями стрессоустойчивости среди старшеклассников

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза получила полное подтверждение. Показатели личностной и ситуативной тревожности среди респондентов различались. Повышенный уровень стрессоустойчивости был преимущественно выявлен среди девушек – обучающихся старших классов, а также была обнаружена положительная корреляция по показателям повышенной ситуативной тревожности и уровня стрессоустойчивости среди респондентов.

Список использованной литературы

1. Апчел В.Я., Цыган В.Н. - СПб.: военно-медицинская академия, 1999. - 86 с.

2. Астапов В.М. Тревога и Тревожность.//Хрестоматия. Изд-во ПЕР ЭС, 2008 г. – 347 стр.

3. Берберян А.С. Значение этнопсихологического и гендерного факторов для формирования культуры межнационального взаимодействия студентов в условиях интеграции в мировую систему образования.// Научная статья. Конференция: Теория и практика гендерных исследований в мировой науке. Материалы международной научно-практической конференции. –Пенза-Ереан-Прага, 2010 г. – с. 122-137.

4. Каплан Г. И., Сэдок Б.Дж. К20 Клиническая психиатрия. В 2 т. Т. 2. Пер. с англ.—. М.: Медицина, 1998, 528 с.

5. Катунин А. П. Стрессоустойчивость как психологический феномен [Текст] / А. П. Катунин // Молодой ученый. — 2012. — №9. — С. 243-246.

6. Романова, Е.С., Гребенников, Л.Р. Механизмы психологической защиты [Электронный ресурс] // - Электрон. дан. - Мытищи, 1996 - . - Режим доступа: http://www.twirpx.com/file/59380/

Степанова Юлия Андреевна
магистр факультета психологии
Научный руководитель: Зоткин Андрей Олегович
доцент факультета психологии
Томский государственный университет

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ КАК УСЛОВИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЕКТА В ОРГАНИЗАЦИИ

В данной статье рассматривается задача моделирования компетенций персонала на этапе институционализации инновационного бизнес-проекта. В статье обосновывается гипотеза, что на этапе развития проекта содержание и структура новых компетенций только формируется. Моделирование компетенций может рассматриваться как одно из условий институционализации проекта, позволяющее выделить и оформить компетенции, необходимые для реализации новой услуги или для использования новой технологии.

Ключевые слова: компетенции, инновационный бизнес-проект, моделирование компетенций, институционализация проекта.

В XXI веке такие явления как глобализация, возрастание роли технического прогресса, изменение принципов конкуренции, а также значительное ужесточение конкуренции в принципе, обуславливают разработку и реализацию бизнес - проектов в организации. Бизнес -

проекты служат основным источником не только социально-экономического прогресса, но и в первую очередь конкурентного преимущества организации. Традиционные социальные практики, которые основаны на длительной связи работника с организацией и обеспечивающие карьерный и статусный рост в зависимости от стажа работы были поставлены в конце XX века под сомнение и заменились характерной для сознания нового общества мобильностью и личностной компетенцией, а классические теории управления оказались дефицитными. В условиях все возрастающей динамичности человек ищет себе такое место работы, где он сможет эффективно развиваться и переобучаться, ведь возрастает ценность креативных навыков и умение работать в команде, повышается степень личной ответственности работника. Сейчас практически в каждой вакансии на сайтах работодателей в строке требования можно увидеть:- умение работать в сменяющихся коллективах и командах, что говорит о формировании нового профессионального проектного сознания.

Этот социальный процесс влияет и на структуру профессиональной деятельности организаций. Организации, построенные чисто по функциональному принципу не могут справиться с вызовами инновационного развития. Актуальность темы институционаализации бизнес - проекта обоснована такими причинами как: 1) расширение сферы управления проектами в деятельности современных организаций 2) развитие нового профессионального проектного сознания. «Проектное управление существенно модифицирует традиционную форму управления организацией, оказывает влияние на все процессы и подсистемы управления. Логично предположить, что в этих условиях должно иначе осуществляться и управление персоналом»[4].

Внедрение принципов и механизмов проектного управления стало одним из ключевых условий конкурентоспособности многих организаций, а также важнейшим фактором повышения их эффективности.

В чём преимущества управленческой технологии «управление проектами»?

Во-первых, основу данной управленческой технологии составляют планирование, мотивация, гибкая организационная структура и оптимальные коммуникации внутри проекта.

Во-вторых, инновационные бизнес-проекты могут выступать средством преодоления экономических кризисов для организации.

Как показывает контент-анализ источников, в настоящее время в управлении персоналом образовалось целое направление, исследующее проектный менеджмент, как новую социально управленческую практику. Согласно стандарту по управлению проектами ISO 21500 под проектом необходимо понимать уникальный набор процессов, состоящих из скоординированных и управляемых задач с начальной и конечной датами, предпринятых для достижения цели. Однако не смотря на практическую

важность и актуальность, а также существование большого количества литературы по управлению проектами- очень мало внимания уделено конкретно институционализации проекта.

По мнению А.О. Зоткина, институционализация проекта связана с преодолением локализации, которая возникает на первых этапах разработки и реализации проекта [3]. Локализация сопровождается сосредоточением всех управленческих функций у руководителя проекта, в силу неопределенности, несформированности функционального содержания производство новой услуги или использования новой технологии. В этой связи становящееся функциональное содержание не позволяет в полной мере передать полномочия по управлению персоналом. *Институализация бизнес проекта рассматривается нами как процесс преодоления локализации новых бизнес-процессови формирования функций и норм, распространяющихся на всю организацию*. От темпов и эффективности преодоления локальности бизнес-проекта внутри организации, зависит расширение масштаба использования новой услуги или технологии в организации, что собственно оказывает влияние на то, сможет ли данный проект повысить конкурентоспособность организации.

Процесс формирования функций и норм по управлению персоналом, как показывают современные авторы, должен происходить на основе моделирования компетенций. Таким образом, наша гипотеза основывается на том, что моделирование компетенций становится одним из условий институционализации бизнес - проекта. Во-первых, моделирование компетенций позволяет согласовать и скоординировать все процессы и функции управления персоналом и реализовать их как единую систему. Во-вторых, моделирование компетенций обеспечивает единое управленческое мышление организации.

На примере методики описания феноменологического прецедента мы рассмотрим процесс институционализации бизнес - проекта с помощью моделирования компетенций.

В течение двух лет мною проводились исследования системы управления персоналом на базе коммерческой организации ООО «НТС-Томск». Компания ООО "Новые Теле Системы" - оказывает современные, качественные и доступные по цене телекоммуникационные услуги клиентам и партнёрам. Предприятие интенсивно развивается, активно внедряя новые технологии и оборудования связи. Компания признана конкурентами и имеет свою определённую клиентскую базу. НТС-Томск компания клиентоориентированная, главный вопрос в компании как повысить качество предоставляемых услуг.

Компания НТС имеет формальную, функциональную организационную структуру. Непосредственное управление осуществляется генеральным директором организации, которому подчиняются коммерческий директор, технический директор и IT директор. Наряду с руководителями по направлениям существуют руководители

функциональных отделов (отдел развития, отдел маркетинга, отдел кадров и т.д.).

В 2012 году руководство компании НТС принимает решение о создании инновационного бизнес проекта. Наряду с традиционным отделом Call-центра (занимающимся приёмом звонков от потенциальных абонентов, консультированием по поводу продукта и координацией звонков на подключение) проект должен сформировать новый отдел по прямым продажам, т.е. требовалась разработка новой услуги с использованием инновационных телекоммуникационных технологий. Назначенный на должность руководителя проекта управленец частично меняет структуру работы в организациисфункциональной на матричную. Руководитель проекта «забирает» у отдела кадров такие направления управления, как подбор, отбор, найм, мотивация, адаптация и обучение и начинает сам «готовить» персонал, который с одной стороны проектирует новые процессы прямых продаж, с другой стороны сам эти продажи осуществляет. Таким образом, *проектирование новых бизнес-процессов способствовало формированию новых компетенций непосредственно в деятельности*. Новый отдел прямых продаж разрабатывает новую технику продаж, речевые модули и плотно сотрудничает с отделом маркетинга. При этом проектируемый отдел прямых продаж начинает не только компенсировать отток клиентов, но и увеличивает продажи компании в 4 раза. Однако вскоре стало понятно, что с переходом на новые ступени развития проекта, связанных с расширением масштабов и формированию связей новых бизнес-процессов с другими процессами в организации, руководство отдела прямых продаж уже не справляется с грузом взваленных на себя управленческих процессов по управлению персоналом.

В условиях инновационного бизнес-проекта в силу неопределенности содержания деятельности руководитель проекта сам осуществлял работу с персоналом. При этом, он полагался на собственную интуицию и способность людей к работе в условиях неопределенности и проектной команды. Преодоление локализации в силу увеличения масштаба деятельности и сформированности бизнес-проекта, необходимость функционализации и распределения полномочий актуализировало вопрос о передачи полномочий по управлению персоналом от руководителя проекта в отдел по управлению персоналом.

В этой ситуации возникает вопрос о том, как этот процесс передачи полномочий по управлению персоналом, осуществить? Простой формальный способ передачи может препятствовать процессу институционализации проекта, т.к. специалисты по управлению персоналом, которые не учувствовали в данном проекте, могут установить функции и нормы, противоречащие новым бизнес-процессам по прямым продажам. Наша гипотеза заключается в том, чтобы руководитель отдела прямых продажах и его команда совместно со специалистами по управлению персоналом разработали модель компетенций сотрудников

данного отдела. Модель компетенций позволит в дальнейшем рассмотреть вопросы о передачи полномочий по управлению персоналом от руководителя инновационного проекта к функциональной структуре по управлению персоналом. Таким образом, моделирование компетенций может выступать как одно из условий институционализации проекта.

Список литературы

1. Андрющенко В.И., Голяк С.С., Гордеев С.А., Залещанский Б.Д., Кузнецов С.С. Институционализация как исходная база совершенствования управления // Экономика и производство. 2008. № 2. С. 13-16.
2. Болтунова Ю.В. Особенности технологий управления персоналом проектно-ориентированных компаний// Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 18. С. 014-016.
3. Зоткин А.О. Региональная сетевая инфраструктура - механизм реализации Федеральных государственных образовательных стандартов // Народное образование. - 2013. - № 8. - С. 69-74.
4. Карповцева А.С. Социологический анализ понятия «проект» в социальном проектировании и управлении// Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6-2. С. 252-262.
5. Романова М.М. Особенности управления персоналом при проектной организации деятельности// Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2011. № 2. С. 30-34.

Уланова Г. А.

Заведующий Отделом организации учебного процесса
ГОАУ ЯО «Институт развития образования», соискатель кафедры
Консультационной психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова

О ВЗАИМОСВЯЗИ ОГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И АФФЕКТИВНОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ УЧАЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА)

Психологическое благополучие относится к числу актуальных социально–психологических исследований как в теоретическом, так и в практическом плане. Оно является существенным условием социальной стабильности, прогнозируемости процессов, происходящих в образовательном учреждении.

Объект исследования: аффективный компонент психологического благополучия детей младшего школьного возраста.

Предмет исследования: влияние организационной культуры (далее ОК) общеобразовательного учреждения на аффективный компонент психологического благополучия обучающихся.

Цель исследования: изучение закономерностей и механизмов влияния ОК образовательного учреждения на аффективный компонент психологического благополучия обучающихся.

Мы рассматриваем ОК как «совокупность норм, правил, обычаев и традиций, которые поддерживаются субъектом организационной власти и задают общие рамки поведения работников, согласующиеся со стратегией организации» [1, С.341]. В настоящее время активно происходит уточнение понятия «психологическое благополучие», теоретическая база для понимания которого была заложена в исследованиях Н. Брэдберна. Психологическое благополучие мы будем рассматривать как системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности на основе психофизиологической сохранности функций и проявляющееся у субъекта в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних социально ориентированных целей, и являющееся условием реализации его потенциальных возможностей и способностей. Аффективный компонент содержательно представляет собой баланс положительных и отрицательных аффективных переживаний: субъективное ощущение счастья; общая удовлетворенность жизнью; отсутствие выраженной тревожности, депрессивных симптомов; эмоциональный комфорт.

Среди наиболее актуальных задач, стоящих перед специалистами образовательных учреждений, особое место занимают вопросы эмоциональной стабильности и комфорта учащихся.

Решение задач, стоящих перед обновляющимся образованием, зависит как от адекватного понимания и описания функционирующей системы управления, так и от внедрения в практику управления новых научно обоснованных технологий. Система психологического обеспечения является необходимым компонентом образовательного процесса. Использование результатов социально–психологического мониторинга обеспечивает его информационное сопровождение, основываясь на объективных данных.

В исследовании приняло участие семьдесят одно общеобразовательное учреждение г. Ярославля. Для обработки результатов исследования использовались методы математической статистики. Замеры проводились ежегодно в 2010 – 2011 годах и заносились в единую базу данных.

В ходе исследования был поставлена задача понимания механизмов влияния ОК на аффективный компонент психологического благополучия.

Методы исследования:

- опросник «Особенности ОК образовательного учреждения» (В.Ю. Горшков) направлен на оценку педагогами ОК, выявление ценностных ориентаций руководителя;

- методика Дембо–Рубинштейна («Лесенка») направлена на выявление самооценки ученика;

- тест «Школьная тревожность Филлипса».

По результатам замеров формируется усредненный профиль, характеризующий в целом состояние ОК в общеобразовательных учреждениях города. Для составления представления об особенностях профиля ОК конкретного учреждения проводится анализ значения показателей его ОК в сопоставлении со средними значениями по городу.

Проведенный анализ показал, что основная цель деятельности образовательного учреждения, характерная в 2010 году для муниципальной системы образования в целом, – личностное развитие обучающегося – сохранилась и в 2011 году.

Данные, полученные нами, свидетельствуют, что в 2011 году ОК общеобразовательных учреждений менее свойственны по сравнении с 2010 г. такие характеристики как наличие педагога с большим желанием работать, направленность образовательного процесса на всестороннее развитие личности обучающегося. Обозначились новые черты, а именно: педагогический коллектив ориентирован на учителя с большим желанием работать, образовательный процесс направлен на всестороннее развитие личности учащихся, главная задача педагогов – научить ребенка учиться.

В ходе эмпирического исследования при исследовании ОК образовательных учреждений было выявлено, что согласно типологии Харриса, в муниципальной системе г. Ярославля присутствуют все четыре типа, однако преобладает ОК индивидуальности (52,4%). Для такого типа ОК характерны: ориентация педагогического коллектива на педагога с большим желанием работать; образовательный процесс направлен на всестороннее развитие личности ребенка; главная задача педагогического коллектива – подготовить ответственного за собственные поступки выпускника. При этом учителя–предметники практически не обсуждают, как проходят их уроки в одном и том же классе. Проведенное эмпирическое исследование индивидуальной ОК школы позволило описать характерологический тип. Для каждой школы также характерны все четыре типа, хотя преобладает только один.

В ходе исследования была сделана попытка выявить и обосновать влияние ОК на аффективный компонент психологического благополучия. В качестве составляющих аффективного компонента были рассмотрены самооценка и уровень тревожности младших школьников.

По данным анализа корреляционных нагрузок определена значимость самооценки обучающихся и их уровня тревожности на примере выборки четвертых классов общеобразовательных учреждений. В рейтинге показателей личностных результатов обучающихся по корреляционной

нагрузке в целом по городу наиболее высокие, которые могут рассматриваться как системообразующие в системе показателей, следующие:

по первому основанию – оценка учебной деятельности (2,02), общительность (1,84) и бесконфликтность (1,76);

по второму основанию – общая тревожность в школе (1,88), низкая физиологическая сопротивляемость стрессу (1,69) и страх не соответствовать ожиданиям окружающих (1,68).

По результатам теста «Школьная тревожность Филлипса» в целом по муниципальной системе образования большинство обучающихся имеют умеренную выраженность общей тревожности в школе. В половине образовательных учреждений уровень общей тревожности в школе выше среднего результата по городу, восемь образовательных учреждений имеют повышенный уровень, в одном образовательном учреждении – низкий уровень тревожности. Это говорит о том, что дети еще не полностью включены в общественную жизнь, так как они пока занимают больше личностную позицию, а не общественную. Более чем в половине общеобразовательных учреждений фактор переживания социального стресса выше, чем в среднем по школам города, при этом повышенный уровень только в одной школе. Это говорит об умеренной и низкой выраженности переживания социального стресса.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что эмоциональные состояния детей, на фоне которых развиваются социальные контакты друг с другом, носят положительный характер.

Большинство детей в четвертом классе имеют умеренную степень выраженности фактора фрустрации потребности в достижении успеха, значит обстановка в классе не препятствует развитию потребностей учеников в успехе и хорошей успеваемости.

Результаты показывают, что у фактора страха ситуации проверки знаний - самый высокий показатель из рассматриваемых. Это может быть связано с тем, что родители младших школьников обычно не одобряют получение невысокой оценки, но иногда это может быть характерно и для отличников.

Средний показатель фактора низкой физиологической сопротивляемости стрессу – один из самых низких среди рассматриваемых. Возможно, это связано с влиянием ОК конкретного образовательного учреждения, для которого свойственны такие признаки ОК, как навыки самоконтроля у учащихся развиты слабо; администрация не вмешивается в работу учителя; на первом месте стоит фигура учителя; у учителя есть возможность работать с высокой степенью автономии.

Установлена взаимосвязь между психологическим благополучием обучающихся и школьной ОК. Она проявляется в том, что отдельные культурные параметры, такие как ориентированность на решение личных проблем, степень централизации принятия решения, соотношение

коллективизма и индивидуализма, ориентация людей на сотрудничество или соперничество, а также их сочетания оказывают влияние на самочувствие школьника, уровень тревожности, личностное развитие обучающихся, что соответствует эвдемонистическому пониманию психологического благополучия. ОК, отличающаяся своеобразным сочетанием культурных параметров, может быть более или менее благоприятна для психологического благополучия ребенка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что в соответствии с обоснованными теоретическими положениями определено влияние ОК образовательного учреждения на самооценку и тревожность как составляющие аффективного компонента психологического благополучия обучающихся. Предложенные методики позволяют выявить это влияние. В ходе исследования мы обозначили необходимость использования результатов социально-педагогического мониторинга как важной составляющей психологического сопровождения образовательного процесса. Разработаны направления оптимизации ОК на муниципальном уровне, на уровне образовательного учреждения, на уровне конкретного педагога и психолога.

Литература

1. Занковский А.Н. Организационная психология. — Москва: МПСИ, 2002 – 648 с.

SECTION XX. Political science (Политические науки)

Наумов Д.И.[1], Лотменцев А.М.[2]
[1] кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет;
[2] кандидат исторических наук, доцент,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Формирование аксиосферы постсоветского общества представляет собой сложный и противоречивый диалектический процесс конструирования детерминант социального действия, предполагающий как обращение к различным историко-культурным традициям, так и синтез

современных, светских и традиционалистских, религиозных ценностей. Изучение данного процесса, с одной стороны, актуализирует определение и характеристику институциональных рамок и механизмов производства, распространения и конкуренции религиозно ангажированных идей и смыслов. С другой – определение той роли, которую в данном процессе играют именно религиозные ценности, имплицитно или эксплицитно задающие аксиологический контекст индивидуального и группового действия. Первый аспект проблемы обусловливает внимание на анализе функционирования идейно-символического пространства, как среды производства и распространения смыслов и ценностей в постсоветском обществе, второй – акцентирует внимание на изменении параметров взаимодействия в постсоветском обществе религиозных и светских факторов детерминации социальной и политической субъектности.

В современном политологическом дискурсе концепт «идейно-символическое пространство» используется для характеристики «совокупности идей, образов, символов, нарративов, мифов и прочих способов репрезентации смыслов, способных образовывать более или менее устойчивые комбинации и служить ориентирами для политических акторов» [1, с. 14]. Содержание данного пространства гетерогенно и включает в себя, с одной стороны, рационально организованные формы общественного сознания, представленные более или менее целостными и упорядоченными системами идей, осознанных убеждений, принципов, представлений, концепций, теорий и т.д. Они играют значимую роль в политической сфере социума и, будучи оформленными в виде идеологических доктрин, партийных программ и гражданских ритуалов, определяют вектор политического развития общества и эффективно выполняют функцию идеологической индоктринации индивидов. С другой стороны, содержание идейно-символического пространства определяют и достаточно аморфные образы, смыслы и дискурсивные практики, постоянно образующие различные конфигурации значений. Такие коллективно разделяемые представления, самоочевидные когнитивные модели и ценностные ориентации слабо репрезентируют для индивида конкретные политические нормы и ценности, институциональные правила политической жизни, структуру идеологических размежеваний в обществе. Однако имплицитно они определяют существование множества аксиологически детерминированных подходов к решению актуальных социально-экономических и политических проблем, обусловливают критерии оценки событий и процессов в сфере политики и социокультурные параметры политических коммуникаций.

В постсоветском обществе такого рода идейно-символические формы и их различные комбинации, циркулирующие в определенных институциональных рамках, конструируют своеобразный символический универсум, выступающий в качестве матрицы всех социально объективированных и субъективно реальных значений и меняющий

интерпретационные схемы повседневности [2, с. 158]. Соответственно, он конституирует предельно широкое пространство смысловой и социокультурной интеграции, которое задает контекст для политических коммуникаций и процессов, предлагают способы интерпретации социально-политической реальности. Имплицитно они задают определенную иерархию исторических событий, определяют параметры политической активности как индивидов и групп, так и институционализированных сообществ. Роль религиозно-конфессионального фактора в данном процессе, как свидетельствуют результаты социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 году (N=1589), в современном белорусском обществе очень значительна. Так, 94,3 % респондентов относит себя к определенной конфессии (из них: к православию – 81,8 %, католичеству – 10,2 %, старообрядчеству – 0,6 %, протестантизму – 0,5 %, буддизму – 0,3 %, исламу – 0,1 %, иудаизму – 0,1 %, другие варианты – 0,7 %), в то время только 5,0 % респондентов не считают себя приверженцами какой-либо религии (0,7 % респондентов не дали ответа).

Следует отметить, что выбор конфессиональной принадлежности индивидом здесь можно интерпретировать в трех аспектах. Во-первых, как актуализацию религии как веры, определяющей систему мировоззренческих координат сознания и духовно-нравственных императивов деятельности индивида. Во-вторых, как приобщение к исторической традиции, задающей социокультурную специфику и этнокультурную самобытность данного сообщества. Это свидетельствует об устойчивой потребности в фундаментальных культурно-цивилизационных детерминантах жизни индивида и общества в нивелирующих условиях глобализации. В-третьих, как обращение к церкви, выступающей в качестве социального и политического института, представляющего интересы людей и удовлетворяющего их надежды и чаяния.

В качестве социальной среды, определяющей динамику идейно-символических форм, выступает публичная сфера, являющаяся важнейшим условием существования гражданского общества и интегрирующая его с политическими институтами. Согласно Ю. Хабермасу, публичная сфера основана на принципах истины и справедливости, что обусловливает вектор коллективной рефлексии по поводу социально значимых событий и конструирование рационально-критического дискурса об актуальных политических проблемах. В идеале такой дискурс свободен от государственных или корпоративных интересов, он элиминирует социально-статусные и историко-культурные факторы при рефлексии всего комплекса отношений между социальными институтами и политическим участием. Рациональная критика политических отношений в формате открытой дискуссии независимых от внешнего контроля индивидов, нацеленных на совместный поиск истины и достижение согласия, обусловливает как возможность формирования альтернативных проектов

социально-политического развития общества и их артикулирование, так и совершенствование демократических практик, усиление социальной интеграции и социальной солидарности. Благодаря своей определенной независимости от сферы государственного управления и открытости для разных секторов общества, публичная сфера позволяет в более или менее открытом режиме обсуждать социально значимые проблемы, формировать общественное мнение, конструировать и переопределять коллективные идентичности, обеспечивая тем самым конкуренцию разных способов интерпретации социальной реальности [3, с. 15]. Инфраструктуру публичной сферы составляют средства массовой коммуникации, в том числе Интернет-ресурсы, и различные общественные организации, включая религиозно-конфессиональные структуры, а также организованные политическими партиями и другими акторами дискуссионные площадки (форумы, дискуссионные клубы, конференции и т.д.). Структурные и функциональные параметры публичной сферы исторически изменчивы и определяются как ее институциональным устройством, обусловливающим рамки коллективной коммуникативной деятельности, так и социально-политической конъюнктурой в конкретном обществе, которая определяет баланс интересов между приватной и общественной жизнью. В аспекте рассматриваемой проблемы следует отметить, что в современном белорусском обществе насчитывается до 25 религиозных конфессий и деноминаций, функционирует более 3,3 тыс. религиозных общин, число которых продолжает со временем увеличиваться. Они формируют специфический сегмент публичной сферы, в котором на первый план выдвигаются религиозные и этнические основания солидарностей, а гражданские и политические формы социальной активности приобретают значение для индивидов только при их религиозной легитимации (так, наиболее это характерно для представителей различных протестантских деноминаций).

Таким образом, в постсоветском обществе религия является значимым фактором формирования идентичности индивида, не только этнокультурной, но и гражданской и политической идентичности. Соответственно, религиозные ценности играют значительную роль при формировании его идейно-символического пространства, что позволяет говорить о возможности феномена «второго средневековья» на постсоветском пространстве [4, с. 68]. Это актуализирует необходимость выработки новых эпистемологических подходов к объяснению религиозных и конфессиональных идентификаций в современной жизни, к становлению и развитию аксиологической сферы постсоветского общества, к анализу политического процесса в контексте символических и когнитивных координат домодернистской природы.

Литература

1. Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2011.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995.
3. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / О.Ю. Малинова. – РАН: ИНИОН. – М., 2013.
4. Безнюк Д.К. Постсоветское пространство: религия как социально-политический проект / Д.К. Безнюк // Социология. – 2011. – № 1. – С. 68 – 74.

Шаматонова Г.Л.
кандидат политических наук, доцент кафедры социальных технологий,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В многосубъектной России гражданское общество приобретает особый характер и отличается относительной независимостью от этнических, языковых, религиозных, культурных и прочих различий. Несмотря на региональные особенности, оно как аттрактор современного российского общества, в теории и практике мыслится как поликультурный феномен, вбирающий в себя общечеловеческие ценности, нормы и права. Все теории и концепции гражданского общества имеют общие черты, среди которых гуманизм, социальная направленность и ориентация на межкультурные ценности, нормы и права.

В XXI веке сосуществуют разные точки зрения на понятие «гражданское общества», что стало возможным благодаря деидеологизации, плюрализму мнений и использованию различных теоретико-методологических подходов к его изучению. По мнению автора, для исследования процессов развития гражданского общества в условиях современной России необходимым являются анализ онтологических основ гражданского общества, изучение его структуры и отдельных элементов или институтов, а так же выбор наиболее оптимального теоретико-методологического подхода к исследованию процессов его становления в отдельных российских регионах, областях и территориях.

Гражданское общество – совокупность неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, нравственных, религиозных,

национальных и т.д. Это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций, огражденных соответствующим законом от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности этих граждан и организации со стороны государственной власти [1].

Особую значимость приобретают вопросы изучения региональной специфики и особенностей институционализации гражданского общества в условиях современной России, чрезвычайного социально-экономического, политического и культурного разнообразия ее отдельных регионов, территорий и областей.

Согласно Конституции Российской Федерации Россия является союзным государством, состоящим из федеративных единиц. В ее состав входят 21 республика, 6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область, 10 автономных округов - равноправных субъектов РФ, которые имеют свою историю развития, особенности состояния и перспективную специфику.

С точки зрения институционализации гражданского общества в модернизирующейся России среди всех прав особую актуальность приобрело право на объединение. Его активная реализация в XXI веке российскими гражданами привела к значительному количественному росту и качественному разнообразию социально-политических институтов и особенно общественно-политических, этнических и религиозных организаций (ассамблей, диаспор, конфессий, фондов, сект, объединений, ассоциаций и т.п.) [2].

Для современного понимания гражданского общества недостаточно представление о нем лишь с позиции его противопоставления государственной власти и, соответственно, сфере реализации публичных интересов. Главным в современной, общедемократической концепции гражданского общества должно быть определение собственных качественных характеристик тех реальных общественных отношений, которые в системном единстве могут быть определены как современное гражданское общество [3].

Автор считает, что общественно-политические объединения и организации в модернизирующейся России создают условия для развития потенциала человеческой личности в поликультурной среде. Они способствуют возрождению духовных и нравственных основ российского общества, помогают людям в решении сложных жизненных проблем и задач в поликультурной, многонациональной, многоязыковой, а иногда и конфликтной среде.

Примером позитивной институционализации гражданского общества может служить состояние третьего сектора в Ярославском регионе. В нем функционируют организации, созданные представителями разных национальностей и религий, проводятся крупномасштабные акции и форумы, дни национальных культур и дружбы народов. Наиболее активно

осуществляют свою деятельность в области развития поликультурных и межкультурных связей и отношений такие организации как Ассамблея народов России, отдельные диаспоры и их руководители.

Показателем институционализации гражданского общества в Ярославском регионе стало возникновение реальных потребностей к установлению прочных социальных коммуникаций и взаимодействий у членов и лидеров Ярославских НКО, активизация деятельности большинства Ярославских НКО. Приобретение и улучшение навыков у лидеров и членов Ярославских НКО в области освоения и использования технологий фандрайзинга, паблик рилейшнз и оргразвития осуществляется в ходе обучающих семинаров и коммуникативных тренингов.

Таким образом, что в современной России процессы институционализации гражданского общества имеют региональные особенности, которые в процессе ее модернизации оказывают существенное влияние на состояние третьего сектора в конкретных территориях и областях. Можно утверждать, что в Ярославской области институционализация гражданского общества отражает общие закономерности становления гражданского общества, имеет свои особенности и тенденции.

Литература

1. Шаматонова Г.Л. Становление гражданского общества в современной России: региональные особенности и проблемы развития // Вестник социально-политических наук. 2013. № 12. С. 156-162.

2. Албегова И.Ф. Региональные особенности институционализации гражданского общества в современной России // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Дни науки – 2012». Секция 57 Политическая наука. Прага: Издательский дом «Education and Science», 2012. С. 69-71.

3. Соколов А.В. Становление гражданских институтов в Ярославской области [Электронный ресурс] Режим доступа http://yspu.org (Дата обращения 25.06.2015).

SECTION XXI. Cultural Studies (Культурология)

Никитина Е.П.
кандидат физико-математических наук, доктор астрологии,
биологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова

АСТРОЛОГИЯ КАК НАУКА. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АСТРОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В исследовании методами математической статистики обоснована работоспособность астрологической модели силы стационарных планет и в натальном гороскопе и в транзите. Обоснованно определены орбы стационарности в обоих случаях.

1. Стационарная планета в натальном гороскопе

Человек с известной датой рождения – натив – узнает о долготах всех 11-ти планет в этот день в астрономическом справочнике – эфемеридах [1], где вблизи даты рождения можно увидеть астрономические признаки R и D у какой-либо планеты, например, Меркурия. Они отмечают видимое с Земли временное изменение направления движения планеты: R – ретроградное, а D – вновь прямое. В этом случае мы говорим, у натива в натальном гороскопе есть стационарная планета Меркурий. Стационарные планеты (ими могут быть только 9 планет - Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Плутон, Хирон) давно считаются сильными, активно и действенно влияющими на судьбу натива, что и предсказывает ему практикующий астролог. А как это доказать в общем случае?

Постановка задачи – на реальных экспериментальных числовых данных, взятых в астрономическом справочнике, подтвердить математическими методами работоспособность астрологической модели силы стационарной планеты, показать их связь с признаками в судьбе человека, описываемыми терминами астрологической пропедевтики.

Модель - стационарная планета в натальном гороскопе сильно сказывается на сфере судьбы, курируемой планетой. Например, стационарный Меркурий в натальном гороскопе предвосхитит рождение писателя, журналиста, профессора, Нобелевского лауреата, но и может повредить ментальный аппарат. А стационарный Уран – авиаконструктора, космонавта, астролога, компьютерщика, но и может опасно столкнуть с проявлениями современной техники.

База данных БДн – состоит из 9 подбаз, соответствующих своей планете, каждая из которых объединяет нативов с ФИО, датой рождения, с конкретной стационарной планетой в эфемеридах и с известным фактом сильного проявления стационарной планеты в конкретной сфере в судьбе.

Еще два столбца в БДн предлагаю как те самые числовые экспериментальные данные, которые и позволят установить связь астрономических признаков в дате рождения и астрологических характеристик судьбы. Случайная величина для исследования – расстояние между датами рождения и стационарной точкой, ее можно измерять двояко. В первом из двух столбов – разница в днях от или после точки стационарности, во втором - разница в долготах минут планеты. С этими двумя столбцами и будем работать, заодно и поймем, какой же из них удачнее сработает. На подбор испытуемых потребовалось около 10-ти лет работы. Основные источники – пятитомник Astro-Data [2-6], веб-сайт швейцарских астрологов www.astro.com/astro-databank, Интернет и СМИ. Из БДн удалены нативы со стационарной планетой, обладающей дополнительными признаками силы планеты (например, она – управительница гороскопа, обладает эссенциальными достоинствами, т.е. находится в своем знаке, как, например, Венера в Тельце, и т.д.). А также удалены из подбазы Сатурна нативы с признаками темницы в гороскопе.

Как доказать? Возьмем, к примеру, подбазу Сатурна и разберемся со столбцом разниц в долготах планеты. На оси «х» фиксируем точку 0, соответствующую стационарной (R и D), отметим от нее центры интервалов для разностей: справа для тех нативов, даты рождения которых «уходят» от 0, а слева – подходят к ней. В этой подбазе 48 экспериментальных данных, разбрасываем их по интервалам. Получаем эмпирическое распределение числа нативов со стационарным Сатурном по разнице долгот планеты.

Рис.1. Распределение нативов по мин.

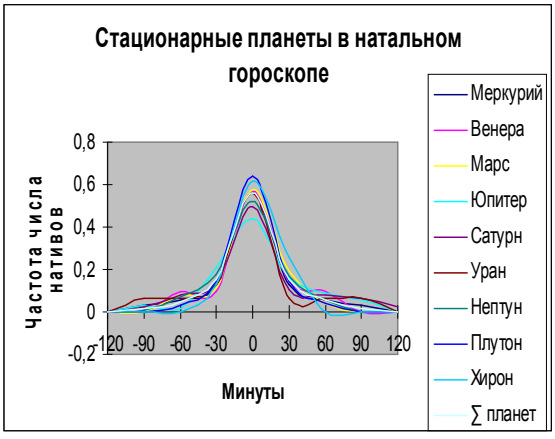


Рис.2. Эмпирическая плотность

И так же построим графики по каждой планете, исходные эмпирические распределения в числах в табл.1 и на рис.1 (число нативов) и рис.2 (эмпирическая плотность распределения):

Табл.1

Стационарные планеты в натальном гороскопе

	-120	-90	-60	-30	0	30	60	90	120	∑
Меркурий	0	1	2	4	18	4	2	1	0	32
Венера	0	0	2	2	12	3	2	0	0	21
Марс	0	0	2	3	15	5	1	0	0	26
Юпитер	0	2	1	12	25	9	5	3	0	57
Сатурн	0	1	4	6	24	5	4	3	1	48
Уран	0	1	1	2	9	1	1	1	0	16
Нептун	0	1	9	21	63	20	7	0	0	121
Плутон	0	0	5	24	105	23	7	0	0	164
Хирон	0	0	0	4	19	8	0	0	0	31
∑ планет	0	6	26	78	290	78	29	8	1	516

График по каждой планете показывает большое число нативов с признаками модели в окрестности стационарной точки и его убывание при удалении от нее. Видна тесная связь между близостью дня рождения к стационарной точке и числом нативов в БДн.

Многовыборочный критерий χ^2 проверки гипотезы о равенстве всех девяти распределений выдает выборочное значение критерия 19,38 меньшее границы критической области критерия 53,486 при числе степеней свободы f=32 и α=0,05. Значит, кривые не зависят от планеты, и можно объединить все выборочные данные для создания обобщенного, более точного для прогнозов, распределения числа нативов по разнице долгот планеты. Она видна на рис.1 и 2 под именем «Σ планет». Подтверждено также попадание 95% экспериментальных данных в интервал (-60',+60'), т.е. границей (орбом) стационарности любой планеты в натальном гороскопе можно считать интервал в 1˚ в обе стороны от стационарной точки. Разница же не в минутах, а днях неудобна явным отличием по планетам, а именно только она и рассматривалась всеми астрологами. Для удобства пользователя рассчитана таблица границ стационарности для каждой планеты с 1933 по 2019 г.г.

2. Стационарная планета в транзите

В текущей жизни натива происходят значимые события такие, как рождения, смерти, переезды за рубеж, смена места жительства, болезни, операции, свадьбы и разводы, учебы, карьерный рост, финансовые изменения и т.д. И его стационарная планета в своем движении проходит свои транзитные стационарные точки.

Постановка задачи – подтвердить экспериментальными данными и математическими методами связь между расстоянием от транзитной стационарной точки до даты события, в минутах долгот планеты, и числом событий.

Модель - события натива со стационарной планетой в натальном гороскопе группируются в окрестности точки его стационарности планеты в транзите.

БДс – 1838 дат событий у 162 нативов из биографии Булгакова М.А., автора (130 событий), ближнего окружения и Интернета.

Как доказать? По методике, предложенной в задаче п.1. Но сейчас подсчитываем не число нативов, а число событий по разности долгот попадания в определенные интервалы. Выборочные распределения числа событий по минутам для каждой планеты – в табл.2 и в рис.3:

Табл. 2

Все нативы и планеты в транзите

	-120	-80	-40	0	40	80	120	Сумма
Меркурий	0	12	29	97	42	14	2	196
Венера	0	14	16	67	31	5	2	135
Марс	2	15	21	85	23	6	1	153
Юпитер	1	12	56	116	40	16	0	241
Сатурн	1	6	37	135	28	4	1	212
Уран	0	17	56	128	47	11	2	261
Нептун	0	13	31	87	23	7	1	165
Плутон	0	3	42	133	44	4	0	232
Хирон	0	15	47	123	40	17	0	243
Все планеты и нативы	4	107	335	971	318	84	9	1838

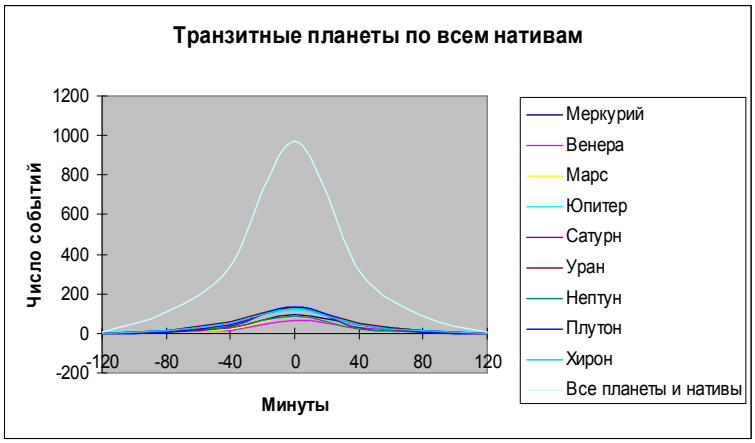


Рис.3. Распределение числа событий по минутам для каждой планеты.

Много- и двухвыборочными критериями χ^2 проверки гипотез о равенстве распределений: а) событий по двум разным планетам у одного натива,α=0,05, б) событий и нативов по одной планете, α=0,05, подтверждено, а также подтверждено в) совпадение всех девяти распределений по планетам в натальном варианте (α=0,05), а в транзитах (α=0,05%). Во всех случаях выборочные данные не противоречат проверяемым гипотезам. Поэтому все собранные данные и по нативам и по событиям можно объединить в одно эмпирическое распределение,

описывающее единый небесный механизм воздействия стационарной планеты, обладающей двойной силой [8,9]:

1) в период интервала стационарности любой планеты рождаются нативы с экстремальными условиями в сфере жизни, курируемой этой планетой,
2) а для уже живущих нативов (с этой стационарной планетой в натальном гороскопе) в период интервала транзитной стационарности еще и сгущаются события его жизни.

Таблица границ стационарности для каждой планеты с 1933 по 2019 г.г. позволяет человеку понять, есть ли у него стационарная планета в день рождения и время наступления ее стационарности в транзите.

Эта возможность для человека знать заранее время событий и принимаемых решений потребует в это время ему быть «здесь и теперь», внимательно анализировать все предложения, тем самым быть и «сорежиссером» своей судьбы, а не только ее исполнителем.

Таким образом, впервые применен аппарат математической статистики, экспериментально обоснованный (516 нативов и 1838 событий) и достоверно подтвердивший связь между астрономическими признаками – датой рождения и наличием вблизи стационарной планеты – и астрологическими прогнозами об определенной сфере жизни и локально, об временных интервалах для будущих значимых событий.

Литература

1. Михельсен Н. Таблицы эфемерид на 2001 – 2050 годы на полночь, М.: ВШКА, 1999.
2. Lois M. Rodden. Astro-Data I: Profiles of Women- Data News Press, USA, 1996.
3. Lois M. Rodden. Astro-Data II: American Book of Charts- American Federation of Astrologers, USA, 1997.
4. Lois M. Rodden. Astro-Data III: The Occult Collection.
5. Lois M. Rodden. Astro-Data IV: The Culture Collection - American Federation of Astrologers, USA, 1997.
6. Lois M. Rodden. Astro-Data V: The Crime Collection - Data News Press, USA, 1992.
7. Веб-сайт швейцарских астрологов www.astro.com/astro-databank
8. Никитина Е.П. Стационарные планеты (опыт экспериментального исследования). М.: ШНА, 2008
9. Никитина Е.П. Стационарные планеты в натальном гороскопе и в транзите (статистический анализ астрологических данных) – М.: ШНА, 2015 (в печати).

CreateSpace

4900 LaCross Road,

North Charleston, SC, USA 29406

2015